

АВТОНОМ

№36, 2015

ДОНЕЦК И КИЕВ

ФЕМИНИЗМ И СЕПАРАТИЗМ

МИХАИЛ БАКУНИН,

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

ДЖУЛИАН АССАНЖ

НА СТАВРОПОЛЬЕ

И УЛЬРИКА МАЙНХОФ

И ОБЛАВЫ В

ПОДМОСКОВНЫХ ЛЕСАХ

МИСТИЧЕСКИЙ АНАРХИЗМ

И ВОЙНЫ ЗА НЕФТЬ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	1
АНАРХИСТ ИЗ ДОНЕЦКА. «Заявлять о себе в Антимайдановском движении как политическая сила мы не хотим»	2
АНАРХИСТКА ИЗ КИЕВА. «Никому из политиков доверять нельзя»	4
У РЪБЕЖА ГРАДУЩИХ БИТВ	7
РАСКАЗ ТАРАНА	9
УЛЬТРАПРАВЫЕ ПОСЛЕ МАЙДАНА	15
ЗАКЛЮЧЕННЫЙ КИЛЬЯ РОМАНОВ	18
«МОЕ ДЕЛО — НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ ДОМЫСЛЫ ОПРЯЧНИКОВ XXI ВЕКА»	21
СУТУГА — ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «АВТОНОМА»	24
ОПАСНЫЕ ЭКСТРЕМИСТЫ	25
ПОЧЕМУ НЕТ РАЗДЕЛАЙ И... ОСВОБОЖДАЙСЯ	27
КТО БОИТСЯ СЕПАРАТНОГО ФЕМИНИЗМА	36
ИГАЛЬ ЛЕВИН. «Кэрриэль как проект своеотжиг»	38
ДЕМОНСТРАЦИЯ ПРОТИВ СТРОИТЕЛЬСТВА РАЗДЕЛИТЕЛЬНОЙ СТЕНЫ	44
В ПАЛЕСТИНСКОЙ ДЕРЕВНЕ БИЛЬИН ПРИВЛЕКАЙ ВНИМАНИЕ	48
ГОВОРИТ БАКЧУКИН	52
МОЙ МИШЕЛЬ	66
FACEBOOK ШЕСТИДЕСЯТЫХ	69
ПОСЛЕДНИЙ БОЙ КРАСНОАРМЕЙЦА КИЛЧУКИНА	73
ПЕНТАГРАММА АНАРХИИ	77
ВОЙНЫ ЗА НЕДОТЬ	80
АЛЕКСАНДР ОРАНЖЕВИЧ. «Три курса исправительной системы»	88
ВМЕСТО УНИВЕРСИТЕТА	90
КРИПТОГРАФИЯ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА	94
САМОУПРАВЛЯЮЩИЕСЯ КОСТЕЛЫ	101
ЦИКЛ ЛЕКЦИЙ «ЧТО ТАКОЕ АНАРХИЯ»	104
КНИЖКИ АНАРХИСТА #1. ТЕОРЕМА ЗЕРО	105
КНИЖКИ АНАРХИСТА #2. ИСТОЧНИК/ВЫБОР ТЕРРА	109
КОРОТКИЕ КИНОРЕЦЕНЗИИ	109
АДОНСКАЯ АНТИКОММУНИСТСКАЯ ЛИГА	
ФУТБОЛ ПРОТИВ КАПИТАЛИЗМА И РАСКАЗЫ	
СПОРТ	

УКРАИНА

ПК

ПОРЯДОК

МАТЬ

СОПРОТИВ-
ЛЕННЕ

ИСТОРИЯ

ОБЩЕСТВО

САМОУПРАВЛЯЮЩАЯСЯ
МЕТАДИОН

КУЛЬТУРА

ТЫ

СПОРТ

телефон
(+380) 404-59-93

КРАСОТЫ
2288 441

От редакции

Конечно, Украина

Для Владимира Путина 2014 год начинался неказисто. Проблемы в экономике, коррупция продолжала цвести и раздражать россиян, а правоохранители даже не смогли посадить Анатолия Сердюкова. Но к осени рейтинг поддержки президента превысил 80%. Весь год россияне следили исключительно за украинскими событиями, и власти смогли получить хорошие сиюминутные дивиденды от них.

Ситуация меняется каждый день, а «Автоном» сейчас — ежегодный альманах. Прямо сейчас, когда я пишу передовицу, боевые действия на Донбассе попритихли, и тут же на передний план выходят сокращения врачей, падения рубля, рост цен. Пока непонятно, как на это отреагируют власти: тем более, что они уже принимали столько запретительных законов, что даже менты не помнят их все. А если вдруг не находится нужной статьи — несогласному просто проломают голову, таких случаев в 2014 году было более чем достаточно.

Произошедшее в Украине ещё предстоит осмыслить анархистам. Вопрос «что это было?» пока не имеет ответов-аксиом. С одной стороны, Майдан — мощнейшее гражданское движение, скинувшее уродливого бандита, мечтавшего авторитарно усилить свою власть.

«Майдан — не за Евросоюз, а против коррупции в детских садах» — такая наклейка врезалась мне в память во время посещения революционного Киева. Учитывая то, какие кадры правят практически всем бывшим СССР от Беларуси до Азербайджана, киевские события начала года имеют важнейшее значение для всего нашего региона. С другой стороны, у власти в Украине оказались крайне несимпатичные либералы и националисты. До глубинного развития самоуправленческих практик в Киеве далеко.

С одной стороны, восстание на Донбассе началось в том числе и с праведного гнева против олигархов, но с другой — быстро выродилось в клоунскую смесь борьбы с Америкой, православия-казачества и Иосифа Сталина. И всё это держится на путинских штыках.

Да, мы много места в номере посвятили Украине. Мы поставили в номер материалы анархистов, непосредственно участвовавших в украинских событиях на разных их стадиях. Ну и о многом другом тоже написали. Читайте!

Валерий Листьев

Революционный Киев

УКРАИНА

Анархист из Донецка: «Заявлять о себе в антимайдановском движении как политическая сила мы не хотим»

В отличие от протестов на Майдане в Киеве, широко освещавшихся на анархистских ресурсах, либертарного анализа событий в Донбассе практически нет. О происшедшем в регионе «Автоном» поговорил с донецким анархистом В. Т.

- Есть ли анархистские группы в Донбассе?

- Активность анархистов находится на низком уровне, их мало. Поэтому и влияние их на политическую обстановку крайне не велико. В Донбассе есть группы «неорганизованных» анархистов в нескольких городах региона — Донецке, Авдеевке, Краматорске, Горловке, Мариуполе, Ясиноватой. Численность каждой доходит до десятка или около того, есть ещё Революционная Конфедерация Анархо-Синдикалистов (РКАС), но последняя их активность — это марш 1 мая 2013. Деятельность данных групп разнообразна: от проведения турниров по мини-футболу, концертов, агитации (стикера, граффити) до участия в захвате ДонОГА (здание областной администрации — *примеч. ред.*). Но деятельность не является систематической, поскольку эти группы являются чем-то вроде компаний друзей.

- Что вообще у вас происходит?

- События, происходящие у нас в регионе, можно описать как бандитско-ментовской путч, завернутый в эдакую «народную» обертку. Всё силовое крыло представлено бывшими и настоящими сотрудниками МВД, бывшими военными, десанниками, спецурой при поддержке мелкого и крупного криминалитета и безработных маргиналов. Сказать, что это восстание русских националистов, нельзя, поскольку до этих событий их сила и влияние вряд ли особо превосходили наше движение. Об их реальной численности можно судить по «Русскому маршу» в Донецке в ноябре 2013, где они провели максимальную мобилизацию. Но они оказались в нужное время в нужном месте, и теперь и являются политической оберткой откровенно ментовской по своей сути «Донецкой народной республики» (ДНР). Масовость антимайдановского движения обусловлена немалой финансовой и силовой

поддержкой от местных «предпринимателей» и силовиков. Ну и, конечно, разогретых действиями украинских властей и националистов граждан, мощной информационной войне, развернутой в СМИ и соцсетях, бездействию милиции. А также исключительно меркантильными интересами различных групп.

- Есть ли место для либертарных влияний в антимайдановском движении?

- Я думаю, скорее нет, чем да. Мы много раз были на баррикадах, некоторые товарищи имеют пропуск внутрь ДонОГА, и даже проводили ночь на баррикадах, общаясь с людьми и видя всю картину изнутри. Принимать участие в данном движении как политическая сила и заявлять о себе мы не хотим, поскольку всё это движение мало того, что чуждо нашим убеждениям, оно чуждо самой идее борьбы за права и свободы. Поэтому вся работа ведётся на уровне личного общения, но каких-то особых результатов это не даёт, потому что рядовые участники протестов, чья политическая грамотность на очень и очень низком уровне, не подвергают никакому анализу происходящее вокруг, повторяя заученные лозунги и кричалки, пересказывая друг другу зачастую искаженные новости, откровенную дезу. Или совсем сумасшедшие страшилки вроде отравленной воды в коллекторах, сотен автобусов «Правого сектора», уже едущих по городу и т.д.

До этих событий в Донбассе были очень слабы любые политические силы, и основным фактором формирования политических взглядов являются СМИ и различные полит-шоу, которые смотрит большинство населения. Молодёжь в антимайдановском движении в основном безработная, из самых низких социальных слоёв населения, или сидевшие, часто в состоянии алкогольного опьянения или ещё чего посыл-

ней. Своё присутствие объясняют тем, что «стоят против фашистов», «За Донбасс! За Россию!», «против бандер, жидов и США».

Доводы о том, что они выполняют приказы бывших или действующих милиционеров, которым они полгода назад сами готовы были «ножа дать», не действуют. Доходит до абсурда: некоторые личности «на мастях» скандируют «Беркут! Беркут!» Ну и, как я говорил, рядовые протестанты имеют чёткий меркантильный интерес в присоединении к России. Пенсионеры хотят больших пенсий, силовики — остаться на местах и увеличить доходы, безработные — работать в России, предприниматели — бестамуженный доступ на рынок стран СНГ и газ по внутрироссийским ценам для фабрик и заводов. Там чужды либертарные идеи, главенствуют идеи «силы и порядка», «чтоб как в России».

Сейчас весь город в блок-постах, публика там, конечно, адская. Других слов не подберешь: бич-гопота, торчки, алкаши и зэки, и мусора в масках с оружием. Меня лично тело на «перстнях» тормозило и пыталось колупаться в бардачке. На вопрос «что, корочку мусорскую ещё не выдали?» потупил взгляд и извинялся. Вообще, в городе ситуация странная: ментов нет, нет гаишников на дорогах, патрулей очень давно не видно в городе. По словам бывших сотрудников, почти весь рядовой состав переделся и находится на баррикадах и блокпостах. Сейчас люди живут по старой памяти: ходят на работу, платят в магазинах, и случаи мародерства единичны, но при каких-то потрясениях начнётся настоящая веселуха.

- Почему менты и криминал выступают за ДНР?

- Ещё с 90-х Донбасс относился к Украине формально, вся власть в регионе (СБУ, МВД, суды, прокуратуры, областные и городские администрации) в руках определенной криминально-олигархической группировки, все прекрасно знают имена этих людей. Их задача после событий Майдана — не потерять свои позиции. Здесь сосредоточены их основные активы. Нельзя отрицать давление на них со стороны России: очень большой процент промышленной продукции нашего региона отгружается через Мариупольский порт, а в связи с тем, что теперь Крым — часть России, и Азовское море фактически является внутренним морем России, то путей для маневров у них немного. Это один из механизмов давления, я думаю, их гораздо больше. Нельзя забывать и о заинтересованности с точки зрения прибыли (как я говорил ранее, отмена пошлин, дешевый газ, заказы из России). С силовиками вообще

всё просто: чины хотят усидеть в креслах, низший состав хочет российских зарплат.

«перстнях» тормозило и пыталось колупаться в бардачке.

- Что делает РКАС?

- В ДНР принимают участие члены РКАС, знаю одного ветерана рабочего движения, шахтера, человек действительно много лет участвует практически во всех акциях и выступлениях рабочих и студентов, организовывал забастовки на шахтах, являясь работником этих шахт, за что его неоднократно увольняли. Считает себя анархо-коммунистом. Его мнение таково, что в такой сложный период для региона он не может остаться в стороне, и со своими товарищами по работе находится именно там — на баррикаде № 1 под стенами ДонОГА, он там с самого начала, у них там отряд самообороны, они называются «Рабочий фронт». Выступают за национализацию производства, рабочий контроль и всё в таком духе. Понимают, что основу протестного движения составляют российские имперцы, но для себя видят вынужденное сотрудничество с ними исключительно в борьбе против капитала и олигархата. Есть ещё шахтеры с черным флагом, называются «Лава», выступают против олигархов, но за Россию. В разговорах с ними оказывается, что он и другие члены РКАС защищают нас от империалистической агрессии со стороны США и Европы, представители которых просто заволокли Донецк, они там стоят за братство славян в единой стране — СССР-2! Вообще среди шахтеров думы разные, все на эмоциях. Одни любят Украину, другие хотят в СССР-2, третьи мечтают уехать в Россию или жить в «Донецкой народной республике», даже не подозревая, для чего ее делали — чтобы оправдать ввод русских танков. Последние события в нашем регионе, неудачная антитеррористическая операция, жертвы среди мирного населения, и в особенности события в Одессе 2 мая накалили и без того напряженную ситуацию, и так называемые ополченцы получают всё большую поддержку от населения, но суть и цели проекта ДНР как такового не меняется.

- Насколько явно в протестах фигурируют российские агенты?

- По поводу российских агентов какой-либо достоверной информации сообщить не могу, поскольку никто из нас не имеет такого уровня доступа, а слухи пересказывать смысла нет. Если агенты и есть, своё присутствие не афишируют.

- Есть ли перспективы у «Рабочего фронта», «Лавы»?

- Думается, перспективы у них крайне невелики, несмотря на то, что формально ДНР руководит коллегиальный орган в виде совета, где представлены движения, которые принимали участие в формировании ДНР (и «Рабочий фронт» там представлен), их влияние на деятельность и принимаемые ДНР решения незначительно. Иногда они даже не в курсе происходящего и планируемых руководством ДНР решений, а в связи с эскалацией силового про-

тивостояния на первые роли вышли силовики, а у тех свои чёткие цели. К тому же участники «Рабочего фронта» сотрудничают с ДНР только по вопросам борьбы с олигархами, а на остальное стараются «не смотреть». В «Рабочем фронте» сильно влияние определённых депутатов из компартии Украины, и, конечно же, никуда без великорусской риторики.

07.05.2014

Беседовал Валерий Листьев

Анархистка из Киева: «Никому из политиков доверять нельзя»

Столкновение на улице Грушевского, Киев

Киевская активистка Ольга прислала в «Автоном» текст своего интервью о событиях на Майдане одному из немецких либертарных журналов.

- Расскажи о себе. В каких организациях ты состоишь? Как и когда начала участвовать в Майдане?

- Меня зовут Оля, мне 22 года, я студентка, на данный момент безработная. Состою в организации «Вольная Земля», которая работает в «черно-зеленом», т. е. анархо-экологическом направлении, и проводит экологические акции. Я узнала о Майдане с первых дней, т. к. мой товарищ и близкий друг с самого начала интересовался этой темой, подбивал меня сходить и разузнать, что к чему — это было в конце ноября 2013 года, когда студенты вышли на улицу. Я отнекивалась, мол, они стоят «за Евросоюз», какая нам разница, мы же анархисты. Когда случилось массовое побоище в ночь с 30 ноября на 1 декабря, мы как раз были в Харькове, презентовали наш журнал. Когда вернулись — пытались выработать какую-то стратегию на многочисленных собраниях, куда приглашали как анархистов, так и товарищей левых взглядов разного толка. Ни к чему конкретному мы тогда не пришли, только создали платформу в социальных сетях под названием «Черный майдан». По-настоящему в Майдане я начала участвовать, когда мои товарищи-анархисты инициировали возведение баррикады на улице Прорезной, в ночь на 13 декабря. Фактически, баррикаду построили мои товарищи, а я пришла на все готовое. Тем не менее, мы организовали на баррикаде «Прорезная» дежурства по графику.

- Возникали ли проблемы с основной массой протестующих, когда вы, анархи-

сты, подключились к Майдану?

- Поначалу никаких проблем не было. Мы построили баррикаду, познакомилась с людьми, которые через пару дней поставили неподалеку палатку, ходили к ним греться. Пообщавшись с протестующими, мы начали думать о необходимости создания боевого костяка, хотя бы десятки. В это время начали съезжаться люди из других стран — из многих городов России, из Беларуси, многие из них остались жить на Майдане. Начались разговоры о том, что необходимо создавать боевую единицу, прежде всего, чтобы лучше вести пропаганду.

Ведь мы прекрасно понимали, что могут начаться провокации и недоразумения с ультраправыми, которые тоже активно подключились к Майдану с первых дней, если мы будем открыто говорить о наших анархических взглядах. В конечном итоге мы создали так называемую Черную десятку, в нее входили люди из разных городов Украины и некоторые россияне. Постоянных членов, которые дежурили каждый день или через день, было около 4—5. Что касается проблем с ультраправыми, мы поначалу просто не афишировали своих взглядов, ведь, как и все небезразличные активные граждане, мы пришли на Майдан, чтобы поддержать протест против полицейского государства. Когда мы поняли, что нас достаточно количество, что есть какой-то боевой, достаточный на то время реманент: бронежилеты, биты, каски, щиты, шлемы — мы посчитали, что можем открывать рты, не стесняясь.

Мы повесили черный флаг на палатку и знак анархии на нашей баррикаде «Прорезной», начали раздавать листовки не только против полицейского беспредела, но и против оппозиции — о том, что никому из политиков доверять нельзя. Правые нас прочуяли — на самом деле это было несложно, потому что субкультурные войны между правыми и левыми продолжаются не первый год и люди знают друг друга в лицо. В начале февраля мы собрались всеми силами, со всеми симпатиками и решили, что мы можем создать сотню. Инициаторы сотни назвали ее анархической, но я считаю, что это была сотня из анархистов и симпатиков анархизма, которых анархистами в полной мере назвать нельзя. Мы собрали около 70 человек, среди которых было много приезжих, в том числе из России. Но в основном пришли киевляне из разных левых и анархических организаций. Почему-то инициаторы посчитали нужным сделать сотню официальной в рамках Майдана, то есть зарегистрировать у коменданта самообороны Андрея Парубия — человека сомнительного происхождения. Почему именно он стал комендантом, никто не знает. Когда мы построились (никто не имел с собой средств самообороны, мы не ожидали опасности), вокруг начали ходить скауты правых — они сразу поняли, что собралось много анархистов и антифашистов. Не дождавшись коменданта или его заместителя — я уже не помню, кто должен был якобы зарегистрировать сотню — они пришли составом раза в 2—3 больше с полной экипировкой: шлемами, битами, молотками и т. д. Эти ребята сказали: «Проваливайте, потому что вы коммунисты» и стали заряжать популярный слоган «Коммуняку на гілляку!». Нам пришлось уйти, хотя некоторые люди посчитали нужным не бежать, как собака, поджав хвост. Эти люди остались и никакой агрессии в их сторону не наблюдалось.

Что до обыденной жизни Майдана, я 1,5 месяца прожила там уже после кровопролития в режиме 2 ночи дома — 3 ночи на Майдане. С правыми у меня конфликтов не было. Хотя случались инциденты, когда леваков прогоняли, начинали бить — но это были единичные случаи. Так, молодежное крыло ультраправой парламентской партии «Свобода» (С14) — оголтелые нацисты — неоднократно устраивали драки с левыми. Я думаю, эти случаи можно сосчитать на пальцах одной руки и серьезных увечий нанесено не было, если не брать в счет сталинистскую организацию «Боротьба», но я не хочу о них говорить, потому что не считаю их соратниками.

- Как считаешь, почему разогнали анар-

хическую сотню, ведь в то время формирование самообороны было очень актуально?

Когда мы построились вокруг начали ходить скауты правых — они сразу поняли, что собралось много анархистов...

- Дело в том, что официальные представители самообороны не были против ни нашей идеологии, ни персонально людей. Есть люди, готовые участвовать в боях — пожалуйста, главное, чтоб вас было определенное количество, не меньше 70 — тогда вам выдадут реманент и проч. Правые же имели свои политические интересы на Майдане. Они набирали себе будущий электорат. Почему они вели себя провокационно? Есть много конспирологических теорий — и о том, что правые на Майдане — это путинский проект, и о том, что они подсланы американцами. Я считаю, что на тот момент правые хотели занять основную нишу в боевом крыле Майдана и левые в количестве 70 человек создавали бы для них проблему. Это было явно, потому что 10—15—20 человек никто не трогал, не прогонял. Была десятка, которая так и называлась — анархическая, на палатке висел черный флаг, и они об этом знали, ведь наши лица давно известны всем правым. Во всяком случае, всем правым, которые были на Майдане. Когда же мы в таком количестве заявили о себе как об автономной единице, они посчитали, что это проблема. Больше у анархистов прецедентов не было. Конечно, за всех левых я не могу говорить. Был случай, когда побили нескольких человек из сталинистской организации «Боротьба», нанесли серьезные травмы: переломы ребер и носа. Затем напали на активиста студенческого профсоюза, начали бить, но все обошлось, т. к. он успел убежать. Был еще инцидент, когда либеральные феминистки устроили шествие якобы в поддержку женщин с клоунскими нарядами — честно говоря, не очень это понимаю. Правые вроде бы залили их из баллона, порвали какие-то плакатики. Вроде на этом все и закончилось.

- Как думаешь, почему анархистов трогали меньше, чем левых вообще?

- Наверное, потому что анархистов гораздо меньше, чем левых.

- Ты рассказала об индивидуальном участии. «Вольная Земля» могла как-то организационно принимать участие в Майдане?

- Дело в том, что в «Вольной Земле» очень мало людей. Трое товарищей участвовали непосредственно в боевом крыле, один товарищ, профессиональный МЧС-ник, был в медбригаде, еще один товарищ занимался работой со СМИ, раздавал листовки. В принципе, нас всего 5 человек, т. к. и организация достаточно новая.

- Опиши будни анархической десятки.

- Мы назначали определенное время, выходили на дежурство. Если нас было достаточно человек, то в самые сильные морозы мы дежурили по часу, потом менялись. Со временем добавились другие баррикады, которые мы старались брать под свой контроль. К сожалению, за отсутствием сил и недостаточного количества людей, нам пришлось оставить другие баррикады и оборонять изначальную. У нас были рации, мы придумали позывные, находили реманент, сбрасывались на него. Пили чай.

- А в силовых противостояниях участвовали?

- Да, но из-за того, что тогда был тотальный хаос, было невозможно связаться и добраться до Майдана, мы действовали слишком разбросано, и я не могу сказать, что черная десятка действовала именно как десятка. А ее участники — конечно же, да. Даже один наш товарищ из провинциального городка приехал записаться в черную десятку, а через 3 недели погиб в кровавом противостоянии на Майдане. Я считаю, что это участник «Черной десятки», погибший в боях, и мы в его честь переименовали десятку в «Черную десятку им. Сергея Кемского».

- Участвуешь ли ты в том, что происходит в Украине сейчас (Крым, Восток) и твое мнение по поводу происходящего?

- Я сейчас занимаю пассивную позицию относительно событий в Украине. Ведь раньше протест был направлен против полицейского беспредела и оставалась надежда, что наше общество немного образумится и поймет, что никаким властям нельзя доверять. Я ждала дня выборов президентов, думала, что, возможно, будут какие-то публичные, массовые мероприятия, шествия в духе кампании «Заранее ненавидим нового президента», организованной некоторыми анархистами. Я ничего не организовывала, потому что надеялась, что люди сами до этого дойдут. Но этого, увы, не произошло. Люди на словах собираются контролировать новую власть, но, тем не менее, они ждут власти и хотят власти. За полгода Майдана люди так и не образумились и не поняли, что они сами и есть власть, что они сами могут

создавать себе все условия для жизни автономно от государственных структур. Возможно, на это просто нужно больше времени.

В самые сильные морозы мы дежурили по часу, потом менялись.

«Со временем добавились другие баррикады, которые мы старались брать под свой контроль.»

- Ты считаешь, что Майдан не принес никаких позитивных завоеваний?

- Почему, позитивные завоевания есть. Например, на локальном уровне застроек или бездеятельности коммунальных служб люди стали активнее и ответственнее. Так, в Киеве недавно были разрушены 2 застройки: одна только начиналась, я тоже принимала в этом участие. Наш микрорайон (в Соломенском районе Киева) создал народную дружину. Думаю, в дальнейшем это разовьется, и жители микрорайона будут еженедельно собираться, будут созданы инструменты давления на коммунальные службы. Конечно, мы как анархисты будем пропагандировать то, что коммунальщики должны подчиняться не государству, а только нам. К сожалению, эти процессы происходят только на локальном уровне, но ничего другого, в принципе, ожидать нельзя, потому что воспитание общества и переход из одного состояния к другому — это длительный процесс.

- Как ты считаешь, как на эти общественные процессы повлияла аннексия Крыма и происходящее в Донецкой и Луганской областях?

- Произошли только усиления патриотических и национальных идей в обществе, потому что к нам якобы пришел враг. То есть он-то действительно враг, любой президент — враг, но люди еще этого не понимают и считают, что Россия — это враг Украины, хотя корректнее было бы сказать, что российское правительство — враг украинского правительства, а не народ России — враг народа Украины. Националистические взгляды перестали быть маргинальными и приняли более «цивилизованный» характер, воспринимаемый всеми на ура.

- Какие перспективы действия анархической десятки или «Вольной Земли» ты видишь?

– Пока у «Вольной Земли» есть несколько проектов. Благодаря Майдану эти проекты, которые мы вынашивали несколько лет, начинают воплощаться. Во-первых, это народные самообороны, которые в дальнейшем, скорее всего, перерастут в ячейки народного самоуправления и будут брать под контроль все коммунальные властные структуры. Во-вторых, это проект по созданию народного заповедника под названием Жуков Остров, который находится на границе города. Жители близлежащего района Корчеватое создали гражданское объединение, занимающееся, в том числе, и этим заповедником. Мы хотим сделать его народным, т. е. подконтрольным местным жителям и небезразличным людям — туристам, экологам, и т. д.

- Твоя позиция по поводу войны на востоке и АТО?

– Я несколько безразлично к этому отношусь. Ведь империализм заключается в том, чтобы расширять свои границы и устанавливать власть на еще большей территории. Как назвать государство, которое не разрешает своим территориям быть автономными? Мне кажется, это тоже империализм. Люди хотят от-

деляться, даже если это называется сепаратизмом и общество это явление осуждает.

Государство, которое не разрешает своим территориям быть самостоятельными, — чем оно лучше или хуже империалистической России? По идее, сепаратизм в условиях сегодняшнего общества — это замечательно: люди отделяются от государства и становятся автономными. С экономической точки зрения я не могу прокомментировать, т. к. я мало в этом смысле. Потому я отношусь к этой войне нейтрально, но мне жалко и обидно, что погибают невинные люди, что молодых ребят зомбируют вступать в Национальную гвардию, которая, по сути, подчиняется милиции, и они гибнут только потому, что патриотическая пропаганда сделала свое дело. Тем не менее, в том, что происходит в мире, нет ничего плохого или хорошего, это лишь процессы, которые делают историю человечества и общества. Так или иначе, все меняется. В любом, случае, когда-нибудь настанет социализм и анархо-коммунизм, а мир станет лучше и светлее.

03.06.2014

У рубежа грядущих битв

Прибыв с Майдана обратно в дом родной, в двадцатых числах февраля, я испытывал противоречивое чувство лёгкого зазнайства, мол, «вложил свой камень в броню баррикад» и стыда, что пришлось уехать, а там остались дальше бороться и рисковать товарищи, в то время как все уважительные причины, что влекли меня домой, на самом деле меркли перед значимостью момента... Теперь, в свете кровопролитных боёв, идущих не первый месяц, поглядывая из окна на июньскую московскую зелень, — никаким воином себя уже и близко не чувствуешь. Но не затёрлось ощущение, что был свидетелем и участником поистине революционных событий, освободительного движения масс — это очень особое чувство, оно дорогого стоит. Тогда туманным февральским утром наш медленный поезд пересёк великий Днепр и привёз

нас с товарищем на вокзал Киев-Пассажирский. Сразу на выходе проворный таксист предложил свои услуги по доставке на Майдан, от чего мы, улыбнувшись, отказались — по нам, видно, всё-таки читалось... За дверями станции метро Крещатик в глаза бросились внушительных размеров баррикады, походные военные шатры и множество флагов, среди которых преобладали жёлто-голубые и «бандеровские» красно-чёрные... целый «бунташный город».

Так начались две недели, ставшие для меня маленькой жизнью: попытки обозначить присутствие анархистов на Майдане, наладить распространение либертарных идей и поставить нашу повестку дня, конфликты с националистами, дискуссии с обычными майдановцами, новые товарищи, нелёгкое, порой изнуряющее участие в жизнеобеспечении Украин-

ского дома (и не только его), прогулки по потрясающей украинской столице, наконец, 18 февраля в огне, дыму и боях с «Беркутом»... Насколько возможно подробно, я описал всё это в серии заметок под общим заголовком «Украинский дневник», опубликованной на сайте МПСТ. Повторяться не хочется, а потому попробую сделать то, за что так и не взялся с самого своего возвращения: вкратце сформулировать свои соображения о тех уроках, которые могли бы вынести участники анархистского движения с киевского Майдана. Разумеется, со скидкой на теперешние трагические и знаменательные события, которые не в последнюю очередь являются его следствием.

Что с самого начала удивляло меня, а с приездом в Киев начало прямо таки поражать, так это рассуждения многих антиавторитарных активистов о том, что Майдан — «не наша революция», что народ настроен «неправильно». Одни в связи с этим дистанцировались от происходящего вообще, уныло потрескивая своей востребованной и авторитетной критикой в интернетах, другие предпочли участвовать «как частные лица», не артикулируя своей идейной ориентацией... Надо сразу сказать, что никаких «правильных» революций вы в своей жизни не увидите. НИКОГДА. Движение делается его участниками, и если среди них не будет активных поборников свободы, равенства и братства, то эти принципы обречены остаться за бортом её повестки. Можно сколько угодно разглагольствовать о том, что социальный и идеологический контекст Восточной Европы в настоящий момент крайне реакционен, и потому у здоровых сил здесь нет объективных шансов на глобальный успех. Не хочется вступать в полемику. Скажу просто: это чушь. Ибо весь наш восточно-европейский скорбный идейно-ментальный багаж, при всей своей тяжести, оставляет общественную ситуацию и расстановку сил достаточно динамичной и изменчивой для того, чтобы шанс был практически у всех идейных течений. Тем более, если анархисты претендуют на то, что они не какие-то экзоты, а будители искони свойственных человеческой природе черт эгалитаризма и солидарности. Итак, повторяя Карлоса Маригеллу: «долг революционера — в том, чтобы делать революцию во что бы то ни стало». В этом урок первый. Долг каждого анархиста активнейшим образом вмешиваться в народную борьбу и всеми силами влиять на неё. Здесь большой респект хочется высказать Студенческой ассамблее, ребятам, участвовавшим в самообороне, и всем остальным, кто активно привносил здоровую струю в противоречивые потоки народной стихии. И когда мы просыпались, дрожа от февральского холода, в занятом

народом Украинском доме, или нащупывали среди ночи дрова, чтобы подбросить их в «буржуйку» своего казачьего шатра, раскинутого прямо на асфальте Крещатика, и когда зажимали уши от острой боли после взрывов омовских гранат — я не мог не чувствовать жгучего омерзения по отношению к тем, кто говорил, что анархистам сюда лезть незачем. Я убеждён, что для этого чувства у меня есть все основания. Итак, урок первый: анархисты могут и должны влиять на народные движения в нашем регионе, особенно на те, которые без сомнения являются для него судьбоносными.

Надо сразу сказать, что никаких «правильных» революций вы в своей жизни не увидите. Никогда. Движение делается его участниками...

Будущее не предрешено, если бы революционеры прошлого не сознавали этого всем своим нутром, у нас бы не было никакой героической истории революционных движений. Идеи Майдана были очень разные, часто противоречивые, здесь был и национализм, и вера в «свободный рынок» и «хорошую Европу», здесь были и идеи прямого народовластия, широкой автономии территориальных общин и передачи экономических ресурсов в коллективную собственность жителей Украины, устранения от власти бюрократов и олигархов — и у нас, веди мы все упорную и организованную работу, был шанс склонить чашу весов в сторону борьбы за социальную справедливость и тотальное освобождение. Я верю, что он ещё не упущен...

25.06.2014
Биолог

Революционный Киев

Воспоминания Тарпана

Я был не сыном, а пасынком Майдана. Я проливал не кровь, а сопли. Я пробыл там десять дней, ни в один из которых не было боев. Самое лучшее из того, что я сделал для Майдана, это то, что я привез туда товарища, который сделал намного больше, чем я. Я был десятником сотни, которая была расформирована, не успев принять присягу. И все же я оставляю за собой право рассказывать о Майдане, как его участник, и считать себя таковым.

Я

«И все-таки, я был тарпаном!» как писал в прошлом один из лучших русскоязычных писателей Украины, а ныне — гражданин Израиля Феликс Кривин. Тем более что приехал я туда не со Львова, не с Врэдиевки и даже не с Донецка, а из Москвы, где из зомбоящиков доносился голос Киселева, рассказывающего, как обитатели Майдана запивают сало кровью великоросских младенцев.

События

Если быть до конца точным, я приехал туда из другого города. Но билет купил уже в Москве. У меня хватило ума поговорить с двумя хорошими знакомыми, предложив каждому из них составить мне компанию. Один из них, старый товарищ по прошлой борьбе, отказался, сославшись на проблемы со здоровьем, и, наверное, не врал, потому как он — не трус. Другой, товарищ по организации удивился, как он сам до такого не допер, и мы с ним договорились о встрече уже в Харькове или Киеве. Я рассчитывал приехать чуть раньше его, да и уехать тоже. Так, собственно говоря, и вышло. Организация выделила мне пять тысяч, которые нам все равно больше не на что было в тот момент тратить. Другая организация выделить успела только тыщу (пока смогли добыть больше, я уже укатил из Москвы), зато снабдила контактом в Киеве. Хорошо быть многочисленом!

Если б дело было летом, я бы пересек границу пешком, но зимой я счел это небезопасным (засекут по следам) и пересек ее легально. На всякий пожарный я оставил дома все, что могло бы вызвать подозрение, даже нож взял явно хозяйственного вида, хотя вполне годный для боя.

Есть такие ножи. Раньше, до середины 90-х, только такие и можно было достать. Именно такими я дважды... впрочем, это уже к делу не относится. Никаких подозрений я не вызвал. Я так расслабился, что в Харькове не обошел стороной мента, и это стоило мне пятисот рублей. Возможно, можно было упереться, но я спешил в Киев, а кроме того, меня это не только не расстроило, но и даже обрадовало — хана этой власти, раз у нее такие продажные слуги. Думаю, что если б я перешел границу нелегально, и если б после этого меня поймали, мне это стоило бы дороже, но все одно бы откупился. И даже если бы я вез с собой гранатомет, я бы смог договориться с ментами, не вызвав у них подозрений. Как бы то ни было, я в скором времени сел на экспресс и в тот же вечер, 6 февраля, был в Киеве.

В Киеве я связался с парнем, телефон которого получил в Москве. Переночевал у него, а утром он привел меня в палатку на Майдане. Палатка была поставлена при содействии местных анархов. Они же пробивали идею о создании левой сотни. Уже удалось договориться, что если мы наберем хотя бы семьдесят человек, то сотня будет официально признана. А это означало снабжение не только едой, но и оружием. Сложность была в том, что местных левых было маловато, а понаехавшие из Москвы и других иноземных городов ухитрились уже позаписываться в другие сотни. Я, кстати, общался с ребятами-анархами из других восточнославянских регионов. Незадолго до моего отъезда, как я узнал, с Майдана уехало несколько моих знакомых из АД(ср) существовала баррикада на углу Крещатика и Прорезной (как раз там, где, если верить Ильфу и Петрову, до революции безобразничал Паниковский), созданная киевскими анархистами. Вообще, левые играли в развитии Майдана свою роль, хотя куда меньшую, чем могли бы, если б включились раньше.

На следующий день вечером приехал товарищ из Москвы, по дороге прихвативший с собой еще одного парня из Белгорода. Теперь нас было трое. Не много, но по капле полнится море. Вместе с местными левыми мы набрали семьдесят с небольшим человек. Сотня была собрана. Ее разбили на десятки, выбрали десятников, выстроили, чтобы она приняла присягу.

Но до присяги не дошло. Пока мы стояли недалеко от Баррикады на Прорезной, на нас наехала сотня «Свободы». Причем подошла она к нам в полном вооружении, в бронежилетах, тогда как у нас вооружены были несколько человек, в основном москвичи. Лично я в первый же день в палатке разжился большим молотком. Но у меня одна рука была занята флагом. Хотя им тоже можно было бы драться. Бронежилетов, щитов и шлемов не было ни у кого. Чему бывать, того не миновать — мы отказались расходиться и дождались Парубия. Он попытался уладить конфликт. Но свободовцы поставили ультиматум: «Мы или они!» Правда, обвинить нас им было особо не в чем, кроме того, что среди нас «есть хачи».

«Хачем», надо полагать, был местный анарх, армянин по прозвищу «Абдулла», один из организаторов Баррикады на Прорезной. Когда он напомнил противникам про Нгояна, те ответили: «Вот когда ты умрешь, тогда мы с тобой поговорим». Дело, конечно, было не в его происхождении, а в том, что он был известен как антифашист, а «Свобода» — организация фашистская, тут были старые счеты. Парубию тоже на происхождение было плевать, но старый друг лучше новых двух, между нами и ими он выбрал их. Кстати говоря, больше с тех пор сотен не создавалось. Из-за проблем со снабжением их число было ограничено. Наша должна была стать последней.

Мы ушли за баррикаду. Потом разошлись по квартирам. Я с товарищами и еще с одной девушкой из АДСР ночевал у Абдуллы. Но перед этим выяснилось, что девушка оставила в палатке сумку с документами и теперь ей хоть головой об стену бейся. Девушка была не из тех, кто бьется об стену, она решила идти забирать сумку, хотя было непонятно, не встретят ли ее там дубинами, а потому она попросила кого-нибудь составить ей компанию. В компании с ней я вернулся на Майдан, а потом оттуда уже с сумкой мы пробрались к своим в обход. Через Прорезную было опасно — там ошивались свободовцы. Как выяснилось потом, наша беда была в том, что сотня собралась вблизи их штаба — в здании КГА (Киевской госадминистрации). Обойти Майдан оказалось непросто — все улицы упирались либо в кордоны «Бер-

кута», либо в какие-то обрывы. Вроде бы Киев не в горах, но там есть места холмистые вроде московских Воробьевых гор. В конце концов, мы таки обошли Майдан, полюбовавшись на «Беркут», а потом на двух каких-то личностей, начавших выяснять, не с России ли мы. Но поскольку нас было тоже двое и при нас были молотки, титушки оставили нас в покое и стали вызванивать кого-то по мобиле, а мы тем временем пошли своим путем.

На следующий день стало ясно, что по Майдану нам ходить можно, но в палатке ночевать уже небезопасно, причем не только для нас, но и для других ее обитателей, которых без нас не трогали. Леваки, записавшиеся в другие сотни, притерлись там уже настолько, чтобы их уже признали своими, но еще не настолько, чтобы они могли привести туда нас после того наезда. Часть наших решила уехать до лучших времен. Уехала лихая девушка из АДСР, уехал белгородец. Мы с товарищем вписались в Украинский дом. Последний, в отличие от здания КГА, был в руках «аполитов» и «Сволоту» (то бишь «Свободу») тут не любили. Кстати, ее не любил и Правый сектор. Вообще я успел в палатке пообщаться с одним правосеком из Львова, у обоих остались самые хорошие впечатления. Но в Укрдоме мы прибились не к правосекам, а к Студассамблее.

Членам Студассамблеи ежедневно выдавали пропуска. Мы же ходили туда по паспортам. По российским. Ничего, пропускали. Правда, к товарищу постоянно приставали с дурацкими вопросами вроде: «Вы будете в России правдиво освещать информацию?» — но все равно пропускали. Ко мне не докапывались. Видимо, действовала фамилия. Да и украинским я владею свободно. Кроме нас с товарищем из России в Укрдоме было две автономки из АД. Докапывались ли до них, я не знаю. Подозреваю, что нет и что по патриархальным соображениям (женщины все-таки!).

В Укрдоме я прожил до 16 февраля. Договорился с Абдуллой, что ночами буду с ним дежурить на Прорезной. Но дежурил он там не каждую ночь, а когда дошло время до дежурства, меня уже свалила зараза. Подцепил я ее от одной немки. Нет, там вовсе не было полным-полно натовских агентов — была одна немка и то левая, потому и приехала, поразительной активности человек, но вот свалилась с непонятной болезнью — что-то вроде гриппа, только гораздо злее. День она прочихала, а потом просто слегла и два дня не появлялась в Укрдоме, что здорово сказало на работоспособности Студассамблеи (хоть и не фатально). А ко времени ее возвращения свалился я. По-

чему именно я — не знаю. Но только толку от меня стало чуть. Товарищ за оставшееся время успел прочесть людям лекцию о событиях на Болотке, пару раз отдежурить на подходе к Студассамблее, один раз — на кухне, я же успел только поучаствовать в расчистке помещения для будущего лазарета и в сооружении «Вольной полки» в местной библиотеке. Мой молоток в ходе переселений остался в чужом рюкзаке, и мне пришлось ограничиться ножом, который я, за неимением ножен, носил за голенищем. Старый добрый способ, которым пользовались до второй половины прошлого века. Многие ухитрились в голенище носить даже револьверы. Отсюда, кстати, и пошло выражение «взять на халяву» — «халява» — по-украински голенище. Пошляться по городу и найти молоток в магазине у меня не было сил. Еле хватило сил сходить на вокзал за билетом. Болезнь все усиливалась. В Укрдоме рядом с нами, отделенные от нас только картонной стенкой ниже человеческого роста, обитали попы сразу нескольких конфессий, и в ночь на 16 февраля они всю ночь тянули какие-то молитвы. У меня появилось ощущение, что они отпевают меня. Я и после смерти не хочу, чтоб меня попы отпевали, а уж при жизни! Ночь на 17-е, свою последнюю ночь в Киеве, я провел на той же квартире, что и первую. Ночевать в Укрдоме на полу, продуваясь ветром из дверей, было уже выше моих сил. На квартире меня отпаивали бульоном и чем-то еще медицинским. Там же поправлял здоровье еще один парень из Москвы, приехавший раньше, уже записавшийся в сотню и даже поучаствовавший во взятии какого-то здания. У него была пневмония, он тоже чуть не помер, но теперь уже шел на поправку. А 17-го я поехал в Москву, как и планировал с самого начала. Я был сильно болен. Так что от моего приезда в Москву не было никакого толку, но и от моего пребывания в Киеве — тоже. Товарищ уехал на день позже, успев поучаствовать в сражении 18-го.

На границе погранчиха долго не могла меня опознать на фотографии, даже подозвала другую, но потом опознала. В Москве я провалялся еще с месяц, а отхаркивался до самого лета. Суставы болели всю весну, а правый и сейчас болит. Не я первый, не я последний. В Гражданскую от тифа полегло в несколько раз больше народу, чем в боях, да и не только в Гражданскую. Интересно, а если б я помер в Киеве, записали б меня в Небесную сотню?

Впечатления

Майдан напоминал мне Запорожскую сечь. Или средневековый вольный город. Конечно,

«напоминал» слово неудачное, не был я ни в сечи, ни в вольном городе, но историей я интересовался и представление о них имею. Кстати говоря, и по размерам он вполне соответствовал сечи или городу XII—XIII века. Многие, наверное, знают, что майдановцы подражали УПАшникам. Именно подражали, как какие-нибудь французские революционеры 1689—1894 подражали римлянам. Но еще больше они подражали запорожцам. Это сказало даже на военной организации — десятки, сотни... В современных армиях десятке обычно соответствует отделение, сотне — рота, но между ними есть еще взвод. Казалось бы, и тут можно было ввести взводы, назвав их «баррикадами» или «чотами», как у тех же бандеровцев. Но у запорожцев никаких чот не было, а потому десятки объединялись сразу в сотни, что не очень удачно. Сечь была символом свободы. Пару раз я видел прекрасный плакат — две картины Репина: «Запорожцы» и «Бурлаки на Волге», и подпись: «Обирай!» (Выбирай). Однако основное сходство с сечью было даже не во внешних проявлениях, а в каком-то внутреннем духе.

Кто-то скажет, что в сечи не возникло бы проблем с идеологией. Очень даже возникли бы! Роль идеологии тогда играла религия. И чорта с два в сечь бы взяли иудея или мусульманина. А с другой стороны там в свое время были не только православные, но и... протестанты. Бывало, что запорожцы заключали союз с татарами против поляков, бывало — наоборот. Все зависело от ситуации. Как и в вольном городе. И возможность там обосноваться и занять хорошее место тоже зависела от ситуации. Как и на Майдане. Те, кто попал туда в момент боев, быстро стали своими. Тем, кто пришел во время затишья, это было сложнее.

Как и в городе, или даже в стране, тут были разные районы. Большая часть народа жила в палатках, топила буржуйки дровами, которые сама же и колола, спала на самодельных нарах, а то и просто на толстых ковриках, которые в России называются «пенками», а тут — «кариматами», посланными прямо на асфальт. Электроприборы работали от переносных установок, которые часто на день выключались. Но самой большой проблемой были «все удобства». Я нигде больше не видел сортиров, в которых были обосраны даже стены. Видимо, проявить инициативу по их чистке или замене считалось позорным и они так и стояли с первого дня до последнего. Вонять они особо не воняли — сказывалась зима, но войти в них было страшно. Многие ходили в Макдональдс, который стоял как раз напротив нашей палатки. В Укрдоме мы тоже спали на

кариматах, постеленных прямо на пол, а стенами нам служили картонные перекрытия. Но тут было отопление, круглосуточное электричество и даже душевая. И вполне ухоженный туалет, за которым следили. В нем постоянно устраивали санобработку, закрывая на два часа, это создавало трудности, но это было необходимо. Кроме Укрдома Майдан контролировал еще два здания: КГА, где была резиденция «Свободы» и Дом профсоюзов, где угнездился Правый сектор.

Всем палаткам и помещениям, или углам вроде нашего, в зданиях выдавался сухой паек в виде хлеба, сыра и вареной колбасы, которую, ИМХО, уже давно пора признать вегетарианским блюдом (может, там и есть мясо, но я его как-то не нахожу, разве что крыса туда попадет (эти претензии не к Майдану, а к фирме-изготовителю). Кроме того, в завтрак, обед и ужин по баррикадам разносилась горячая еда. Те, кто в это время находился не на баррикаде, могли сами подойти к столам на улице или в столовую в здании и взять еду там. В остальное время на улицах и в столовых постоянно лежали бутерброды, обычно с салом. Я на Майдане съел столько сала, что хватило бы на целого кабана. Думал, после этого на сало смотреть не смогу, но оказалось, что моя любовь к нему постоянна.

Возможность кормиться без ограничений не могла не привлечь бомжей, и они были, но в очень малом количестве. Как и политиков с олигархами. На «троицу» с Порошенко приходилась пара-тройка бомжей. Зато чем ближе к «середине», тем больше было народу. В принципе, тут были все. И рабочие физического труда, и крестьяне, и пролетарии высокой квалификации, и студенты, и журналисты, и офицеры, и мелкие и не очень мелкие бизнесмены. Человек, у которого я ночевал в первую и последнюю ночи — политолог. Мужик, оставивший мне свой телефон на случай, если «будут проблемы», — рабочий в самом кондовом смысле этого слова (у него даже прозвище было «лесоруб»). Еще один обитатель палатки, с которым мой товарищ долго спорил об анархии, — полковник (немудрено, что они спорили!). Рассказывали про средней руки буржуя, приехавшего с охранниками, которые, увидев, как его бьет «Беркут», «вписались» за хозяина и хорошо навалили ментам. При этом все эти люди воспринимали себя как единый «народ», а потому соотношение слоев определить было сложно. Это, кстати, тоже сближало Майдан с казацким станом или вольным городом. На ранних стадиях, разумеется.

Что еще бросалось в глаза, это малочислен-

ность «партийных», то бишь организационных флагов, хотя они были. Были и евросоюзовские и даже какой-то ичкерийский. Но куда больше было красно-черных с трезубцем — «бандеровских». А еще больше официальных госфлагов Украины, у которых на желтом поле было написано название города или поселка, из которого прибыли люди. Например: «Донецк», «Славянск», «Ялта». Да, а вы что думали? Между прочим, в Небесной сотне числится один житель Керчи, кстати, считавший себя анархистом, я с ним лично общался, увы, недолго. Большинство «братьев-славян» с неукраинской территории жило в палатке с надписью «Днепропетровск». Конечно, с запада народа было все-таки больше. Поэтому там наряду с названиями известных городов можно было увидеть названия райцентров или вообще поселков, которые россиянину бы ничего вообще не сказали. Вы знаете, где находится город Калуш? А между прочим, из него родом гетман Сагайдачный — второй по известности казацкий вожак после запорожского кошевого Сирко. Сирко — это тот самый, который подписал знаменитое письмо турецкому султану. Видел я палатку с надписью: «Бандерштадт (хлопці із Львова)». Есть у людей чувство юмора. В нашей палатке был флаг с надписью «Врадіївка». Врадиевка — это село в Одесской области, где местные менты изнасиловали, а потом еще хотели убить одну из жительниц. Та была, судя по всему, не местная уроженка, хотя и долго жившая и вообще русская, но это не помешало жителям села возмутиться и устроить штурм ментовки. Ментов, правда, увезли, но жители уже не успокоились и устроили марш на Киев. По этому поводу по всей Украине прошли митинги от Львова до Луганска. Было это летом 2013, и была это, видимо, первая ласточка, которую Янукович благополучно прощелкал клювом. Один из обитателей нашей палатки имел какое-то отношение к этому селу. А потом подъехала уже куча народу из того села, поставили свою уже чисто врадиевскую палатку и флаг унесли туда.

Разговаривали на Майдане по-украински. Даже те, кто не умел. Впрочем, с россиянами могли и по-русски, если те говорили, что иначе не понимают. Вообще большинство народа национализмом не страдало. По крайней мере, в расистской форме. Какой тут расизм, когда состав был интернациональный и по происхождению, и по гражданству? Как известно, первым погибшим был уроженец Днепропетровска, армянин по происхождению, а вторым — гражданин Беларуси. Но были тут и азербайджанцы, и даже... узбеки. Был какой-то офицер из Израиля, но я об этом читал, там его не видел и о

нем не слышал. Что они все ели тут среди обилия сала, ума не приложу. Была журналистка-немка. Были украинцы из Канады, раздражавшие студассамблейцев своими печатными изданиями, где попадались такие слова как «плян», «кляс» («это все равно как для современного россиянина «плань», «классь»). Были, конечно, и явные нацисты — та же «Свобода». Ее тут все не любили, звали «сволотой». Особенно злились на нее после сдачи КГА — это было все равно что сдать врагу, осаждающему город, одну из башен. Хотя это и было сделано по договоренности «троицы» с властями. Но такие как «сволота» были исключением, у большинства национализм был на уровне госпатриотизма: «Мы все украинцы, мы уважаем другие нации и хотим, чтоб уважали нашу». В таком виде национализм присутствует в любой буржуазной революции, это один из ее признаков.

И никакой русофобии не было. А вот что было — так это антикоммунизм. Под коммунизмом понимался сталинизм, но объяснять тут, что каратели из НКВД — на самом деле не коммунисты, было бы столь же наивно, как объяснить ирландцу-католику из ИРА, что пуритане — неправильные протестанты. Отсюда и «коммуняку — на гілляку!» А вот про анархию говорить было можно — Махно уважали. Студент-правосек из Львова нашел, что анархизм это то, что твориться у них в области, и в подтверждение своих слов привел примеры самоорганизации общин, берущих в свое управление землю. Дело в том, что в конституции Украины есть статья, которую можно толковать как право общин осуществлять власть (или вернее даже безвластие) на своих территориях, и ее так и стали толковать, отбирая землю у всяких там искателей сланцевого газа. Вообще же идеология Майдана напомнила мне идеологию Великой французской — та же апелляция к гражданским правам, к свободе, к тому, что чиновник должен быть слугой народа, мол, мы его найдем, а будет неправильно управлять — рассчитаем и укажем на дверь. После Великой Французской такие заскоки продержались почти до Парижской Коммуны, которая стала, пожалуй, первой революцией с новой идеологией. А через сорок лет пошли Мексиканская, Великая русская... Я не знаю, сколько у нас лет для того, чтобы снова дотянуть людей до идей коммунизма (пускай под другим названием), десять, двадцать или сорок лет, а может быть, год-другой — в любом случае расслабляться не стоит.

При такой идеологии неудивительно участие в революции... попов. В Укрдоме они жили по соседству с нами и, как я уже писал, достали

меня своими молитвами. С ними вечно были какие-то проблемы. То один оказался никаким не попом, а гражданином России, скрывшим свое гражданство, то другой мучил щенка за то, что тот что-то не так сделал (прямо по песне: «У попа была собака...»).

Управляло Майданом вече. Формально на нем все были равны, но огромная толпа могла только одобрить выступающего или послать его. Выступить формально мог любой, но кто его запишет и каким в очереди, и в каком состоянии будет народ к моменту его выступления — все эти вопросы оставались открытыми. В общем, нельзя сказать, что вечем играли как собака хвостом, но и нельзя сказать, что им совсем не манипулировали. Опять-таки — так было и в Великом Новгороде, и в сечи.

Кроме того, периодически появлялись какие-то «коменданты» (а попросту говоря, снабженцы, завхозы) присваивающие себе право что-то кому-то выдавать или не выдавать. Я сам мог попасть в коменданты, звали и еще как, но я отказался из-за того, что хотел записаться в сотню. Иначе б пошел, не из любви к власти, а потому что снабжать людей тоже надо, не моя вина, что организация снабжения приобрела такой характер. Опять-таки, нельзя сказать, что эти коменданты были полными деспотами, от которых все зависели, но какую-то роль они играли и в чем-то были «равнее» простых смертных.

Напоследок замечу, что охрана Майдана была тоже крайне разнородна. Были и «Самооборона», и «Правый сектор», и «Сволота», и какие-то «казаки», и афганцы. Была Баррикада на Прорезной численностью буквально в несколько человек. Взаимоотношения между разными воинствами были непростые. Свободовцы как-то напали с ножами на майдановского же часового только для того, чтоб зарисовать букву «А» своей эмблемой. Когда сменившийся часовой пришел к свободовцам уже с товарищами и предложил организатору нападения устроить поединок, то получил отказ. А букву «А» в итоге не восстановили, но и эмблему «сволоты» закрасили. А были и такие, как мы.

Пасынок революции

У таких как мы было странное положение. Для боевиков майдана мы были какими-то штатскими, неполноправными, которых надо охранять, но которыми можно командовать. Для «Беркута» — такими же защитниками Майдана, как и боевики. Фактически мы и были защитниками, хотя и плохо вооруженными и при этом бесправными, бойцами второго сорта, как пехота и слуги при рыцарях, как мужики с вилами при казаках. И мы рисковали не намного меньше боевиков, если вообще меньше. Это только издали кажется, что Санчо Панса за Дон Кихотом как за каменной стеной, а на самом деле, если во время атак и стабильной обороны гибнут фронтовики, то при прорывах и отступлениях больше всего достается обозникам, обслуге штабов и прочим тыловым крысам. На непонимании этого погорели, причем в самом что ни на есть прямом смысле этого слова, тыловики одесского Антимайдана. Если бы «Беркут» окружил нас в Укрдоме, мы бы обуглились не хуже одесситов.

Мы были плебеями Майдана. И, как и положено плебеям, мы чувствовали себя не совсем своими, но и не совсем чужими. Майдан не был нам матерью, но не был и чужой теткой, он был нам мачехой. Нормальной здравомыслящей мачехой. Для которой пасынок всегда

дальше родного сына, но всегда ближе чужого. И мы, как могли, помогали своей мачехе, мы готовы были за нее драться, а кое-кто и дрался, пускай он не кидал бутылки в бронетранспортер, а только подносил их или просто отводил раненых в медпункт — это тоже участие в драке.

Если бы моей целью был не анархо-коммунизм, а интеграция в Майдан или в Украину, я мог бы остаться там или вернуться туда, прошел бы, несмотря на все кордоны, записался бы в какой-нибудь батальон «Донбасс», отказался бы от российского гражданства и получил украинское... Но пока это не моя революция. Я для этой революции тоже не сын, а в лучшем случае пасынок.

Кто-то предлагает поддерживать то, что есть, потому как наша очередь придет потом. Я с ним не согласен. Во-первых, к тому времени, когда придет очередь, могут уже все расхватать, и нам ничего не достаться. Во-вторых, даже если очередь придет потом, занять ее надо сейчас, иначе потом могут сказать: «Вас тут не стояло!» Ну, а в-третьих, я вообще не понимаю, кто установил эту самую очередь? Почему мы должны стоять в самом конце? Потому что до сих пор было так? Но до сих пор все революции кончались нашим поражением, а мы хотим победы.

А потому, если где-то начнется революция, в которой я смогу принять участие, я не собираюсь соблюдать никаких очередей, я с самого начала буду бороться за анархо-коммунизм, хоть и не буду, может быть, произносить это слово. Я и на Майдане-то был среди тех, кто не хотел соблюдать очередь, и ежели нас выперли, то не так уж много мы от этого потеряли как революционеры. Ведь наша цель была

не в том, чтоб стать десятниками и сотниками, а в том, чтоб сделать нашу революцию. Для которой мы будем не пасынками, а родными детьми. Я верю, что такая революция еще будет. Может быть, даже такой станет Украинская. И я даже готов отстоять в очереди. Но сперва постараюсь пройти первым.

29.06.2014

Владимир Платоненко

Палатка Правого сектора на Майдане

Ультраправые после Майдана

Мой прошлый текст в «Автоном» успел устареть еще до момента публикации. Майдан полностью переформатировал всю политическую картину страны, и это касается как мейнстримовых сил, так и ультралевого и ультраправого флангов. Таким образом, описание украинских правых из прошлого номера имеет скорее историческую ценность, изменилось очень многое.

Конец «Свободы»

Партия, носящая незаслуженное название, перестала быть флагманом ультраправых. Ее популярность идет на спад. Электорат ВОС (всеукраинское объединение «Свобода») — это украинские национал-демократы из западных областей (часто из маленьких городов и сел) и часть городской интеллигенции. За эту партию голосовали не по причине расизма и антисемитизма ее спикеров, а, напротив, вопреки им. Обыватель выбирал политическую силу, которая казалась ему наиболее радикальной из всех. Во время Майдана ВОС исчерпала кредит доверия. Они потеряли несколько десятков людей убитыми, но это, по большей части, активисты из глубинки, совершенно не вовлеченные в партийную жизнь и далекие в то же время от каких-либо субкультурных раскладов. Тридцати- и сорокалетние мужики из провинции, которым наплевать на разницу между штрассерианством Михальчишина и буржуазным национализмом Ирины Фарион, они просто шли туда, где громче звучало слово «патриотизм». А вот хваленые «радикалы» из свободовской молодёжки, вместо того чтобы стать «авангардом национальной революции»,

проявили себя, забаррикадировавшись в канадском посольстве подальше от столкновений. Тягнибок, Михальчишин, Мирошниченко и другие партийные лидеры тоже не особенно блистали на передовой. Так что сейчас партия потеряла доверие как интеллигенции, жаждавшей «радикалов в парламенте», так и боновской массовки, которая частично перешла к более «крутым парням» из «Правого Сектора» и СНА. Тем не менее, С14 остается одной из главных угроз для анархистов и левых активистов на улицах Киева, сохраняя партийную крышу и обзаведясь оружием они вынуждают нас вывести заботу о безопасности акций на новый уровень.

А вот хваленые «радикалы» из свободовской молодежи, вместо того чтобы стать «авангардом национальной революции», проявили себя, забаррикадировавшись в канадском посольстве.

«Правый сектор» — Восставшие из ада

По сути, «Правый Сектор» является проектом «Тризуба». Не так давно полумертвая, организация совершила ребрендинг, возродилась, набрала радикальной молодежи и ветеранов из УНА-УНСО. Впрочем, нужно разделять «Правый Сектор» как политическую партию (имеющую, кстати, мизерную поддержку в 1%, но их сила не на выборах, а в улице), и «Правый Сектор» как зонтичный бренд, объединяющий множество ультраправых и нацистских инициатив. Если «Тризуб» всегда отмежовывался от расизма, то формально исключенные из «Правого Сектора» «Белый Молот» и СНА, напротив, с удовольствием его подчеркивают. «Тризуб» — организация, подчеркивающая свою антисоциалистическую направленность, в своих программных заявлениях они говорят, что борются за «социальную революцию» под которой подразумевают «ротацию элит и усмирение быдла». Впрочем, программа «Правого Сектора» растеряла былую упоротость «бандеровского ордена», она отдает, скорее, дешевым популизмом, который Бертольд Брехт описал в «Хоралах о Гитлере»:

Немец, просит маляра сократить и понизить налоги!

*Впрочем, с другой стороны,
Для укрепления казны
Нужно повысить налоги...*

Чтобы полностью объяснить феномен возникновения и медиа-популярности «Правого Сектора», потребуется достаточно длительная рефлексия, но одно из пояснений на поверхности: в обществе достаточно сильный спрос на радикальную ультраправую силу на грани системности, а «Свобода» не оправдала доверия, вот и воскресли старые списанные в утиль правые секты.

«Белый молот»

«Белый молот» — это сравнительно новое явление в ультраправой жизни Украины. Проект — на грани расизма и коммерции, его инициаторы создали себе репутацию тем, что накрывали клубы с игровыми автоматами и попутно их грабили. Несколько участников «Белого Молота» сели сразу после Майдана за отстрел гаишников. Один из лидеров и вдохновителей организации — Олесь Вахний, очень олддовый бон, периодически садящийся в тюрьму, а в промежутках между этим работающий в прави-

тельных органах (в «Комиссии по защите морали» он ухитрился потрудиться при Януковиче). Представители «Белого Молота», наряду со СНА и другими группировками, «воюют» в «Батальоне Азов». Впрочем, воюет этот батальон сразу на всех фронтах: они ухитряются заниматься рейдерством и нападениями на неудобных в регионах, очень далеких от Донбасса. То они всплывают в Кировоградской области, где пытаются «наезжать» на местных селян, то вступают в перестрелку с Самообороной Майдана в Киеве.

«Нарния»

Самое курьезное явление в ультраправой сцене. Полубоны, полуролевики. Преимущественно очень молодая группировка (16—18 лет), но вооруженная. Во время и сразу после Майдана они всплывали в историях, достойных фильмов Тарантино и Гая Ричи: то они захватывают и так захваченную мэрию, то они грабят банк, то они просто бегают по городу с оружием. В последнее время про «Нарнию» мало что слышно — судя по всему, их приструнили либо старшие товарищи, либо менты. Хотя есть подозрения, что «менты» и «старшие товарищи» для них — пересекающиеся множества.

Вилы и клоунада

Проект одного политика-клоуна. Карьера Олега Ляшко началась после того, как в интернет ушел «компромат»: видеоролик 90-х годов, в котором молодой политик рассказывает следователю, как он оказывал сексуальные услуги с целью карьерного роста. Это видео превратило рядового депутата от БЮТ в медиазвезду. Его исключили из партии, и Ляшко ушел в автономное плавание. Вместо того чтобы опровергнуть компромат, он предпочел создать себе

абсолютно новый имидж «радикала из народа». Он проводил митинги с вилами и приво-дил корову в Верховную Раду, он обзавелся массовой из восторженных старушек. В то же время в его партии пребывали очень мутные типы. Нельзя сказать, что он симпатизирует нацистам — просто он достаточно нечистоплотен и неразборчив. В «Радикальную Партию» просачивались и проукраинские, и прорусские наци, равно как и банальный криминал, ряды никак не фильтровались. Во время Майдана вчерашний клоун был на передовой, и продолжает оставаться там во время военных действий. Так что его рейтинги с пары процентов повысились до 12, а боны из США, которые под шумок примкнули к растущей политической силе, получили шанс войти в Верховную Раду. Таким образом, неразборчивые правые популисты могут оказаться в конечном счете куда опаснее, чем последовательные «бандеровцы» из «Правого Сектора».

Автономный опир

Организация, члены которой недавно называли себя «национал-автономы», но теперь избегают этого определения, может быть, пожалуй, исключена из списка ультраправых. Хотя по старой памяти следует о ней сказать пару слов — ведь всего лишь пару лет назад в их рядах еще состояли откровенные боны, в том числе и связанные с насилием, а старые флаги с «вольфсангелем» — хоть и почти не появляются на акциях — так и не сожжены. «Левеющие» и постоянно раскалывающиеся националисты, которые начинали как гитлеристская секта, прошли стадию «молодёжки» Львовской «Свободы», а теперь позиционируют себя как левая сила. При всей критике в адрес АО, нужно отметить их противостояние вчерашним собратям: во Львове именно «Автономный Опир» сейчас наиболее активно противостоит свободовской гегемонии. Впрочем, попытки синтеза левой идеи и национализма всегда нестабильны, рано или поздно приходится выбирать или то, или другое. Остается пожелать АО правильного выбора. Врагами они быть, пожалуй, перестали, но и союзниками еще не стали, душок «социал-националистической партии» не выветривается так быстро.

Баркаши вы мои, баркаши

Отдельным пунктом стоит упомянуть пророссийских ультраправых. Сейчас, из-за хаоса

гражданской войны, еще трудно систематизировать и выделить определенные силы и течения, а также их реальное соотношение. Еще совсем недавно прорусские правые были в Украине достаточно слабы и маргинальны, их усиление — дело последних месяцев. Сепаратистское движение на Донбассе и пророссийские силы в Крыму во многом укомплектованы старыми кадрами из давно позабытого РНЕ. Точно так же, как в Киеве возродились полумертвые «Тризуб» и УНСО, на Востоке и Юге возрождаются давно забытые силы. Маленькие секты вроде «Донецкой республики» (существует с 2005 года и насчитывала до последнего времени меньше десятка человек) теперь успешно транслируют свою идеологию на весь регион. Сталинисты-конспирологи из КОБ получали в Славянске доступ к телевидению и занимались «перекодированием библейской Матрицы» и прочим адом. Многие силы хорошо известны и в России: один из советников Стрелкова — член Народного Собора, ультраправые из НДА регулярно хоронят очередного «добровольца», поехавшего защищать «русский мир» в Донбассе. Из сравнительно новых сил, уникальных для Украины, можно выделить харьковский «Оплот». Не так давно это был полукриминальный, полументовский клуб любителей единоборств, промышлявший боями на публику и рейдерством, но с началом Майдана они стали одной из ключевых организаций «Антимайдана», поставляющей не просто наемных гопников, а достаточно серьезных бойцов. Анархисты и левые в восточных регионах неизбежно будут вынуждены вступать в конфликт не только с проукраинскими, но и пророссийскими правыми. Майдан наглядно продемонстрировал правый консенсус в украинском обществе, освободительное и в целом прогрессивное (в своей антиполицейской и антиавторитарной компоненте) движение вынуждено было принять националистическую риторику и символику, потому что другая риторика и другая символика практически отсутствуют в общественном пространстве. Майдан изменил отношение к насилию, и если раньше «лобовое» столкновение акции и ее противников казалось чем-то немислимим, и мы опасались разве что одиночных прыжков до или после мероприятия, то теперь превращение мирного митинга в бой «стенка на стенку» становится реальной перспективой. Так что ближайшие годы нас ждет как борьба за умы, так и чисто физическая борьба за право находиться на улицах.

09.07.2014

Александр Володарский

АНАРХИЧЕСКИЙ ЧЕРНЫЙ КРЕСТ

Заклученный Илья Романов:
«Мое дело — не более чем
домыслы опричников XXI века»

46-летний Илья Романов с конца восьмидесятых годов активно участвовал в анархистском движении, в 2012 году в Украине он был осужден на 10 лет тюрьмы по сфабрикованному спецслужбами делу «Одесских партизан». После освобождения Романов вернулся в родной Нижний Новгород. В ночь на 26 октября 2013 года он пострадал от петарды, разорвавшейся в его руках. В больнице врачи ампутировали ему левую кисть и предплечье. За этот незначительный случай сразу зацепился известный своими провокациями нижегородский центр «Э». Сначала против Романова возбудили уголовное дело по ст. 222 УК РФ (хранение взрывчатых веществ), а через полтора месяца к этому прибавилось абсурдное обвинение в подготовке к террористическому акту (ст. 30 ст. 205 УК РФ). Сейчас Илья Романов по-прежнему находится в СИЗО. Оттуда он ответил на вопросы журнала «Автоном» и рассказал о своем преследовании.

Илья Романов

Относительно областного военкомата — это не более чем домыслы опричников XXI века, возмечтавших раскрутить дело о «терроризме» и сделать себе на этом карьеру. В Волгограде поймать никого не могут (а может и сами взрывают), так решили поправить свою отчетность за счет дутых и «липовых» дел. Не был я возле никакого военкомата. Происшествие, при котором я получил травму, случилось в четвертом часу утра 26 октября в безлюдном сквере на площади Ошарская. Через дорогу от сквера, метрах в тридцати от места происшествия, стоит торцом военкомат,

но на момент происшествия я понятия об этом не имел. Военкоматские пердуны мне даром не нужны, никаких претензий у меня к ним нет.

Обвинения в «теракте» — это бред сивой кобылы (следствие ведет старший следователь СО УФСБ Кауркин Илья Ростиславович).

Усвойте на будущее: угрожать — это работа не следователя, а оперов. Оперативные работники — те угрожают, при необходимости пытаются, то есть всячески обрабатывают подозреваемого, принуждают писать

Илья Романов после взрыва

«явки с повинной» — это их работа. А следователь затем юридически оформляет достигнутые операми «результаты». Только в очень редких случаях следователь решится угрожать самолично. Мне лично следователи не угрожали, хотя и не всегда работали в рамках закона. Их неправомерные действия я обжалую в суде в порядке статьи 125 УПК.

А угрозы я выслушивал от оперов из центра противодействия экстремизму. Физического воздействия ко мне не применяли — пока, по крайней мере. Но ведь ЦПЭшники для того и существуют. Говорят, в ЦПЭ оставили самых «отстойных» сотрудников РУБОПа при его расформировании. Фэйсы сами не будут же руки пачкать. Угрозы самые обычные: «сделать котлету» из обвиняемого, засунуть чего-нибудь в ж... Новенькое — это вот «создать нетерпимую атмосферу вокруг близких родственников, как было в 1937 году с членами семей врагов народа». Грозилась кое-кого посадить из родственников.

Мне ампутировали левую кисть и левое предплечье в нижней трети. Больше никакого ущерба здоровью не было. Вначале была еще эрозия роговицы левого глаза, повреждение лица, но это все прошло. Боли в левой руке за три месяца так и не прекратились, я сомневаюсь, исчезнут ли они когда-нибудь вообще. Боли бывают нескольких разновидностей — одни очень мучительные, другие не очень. А лечение... Если попадете в СИЗО, то сами увидите, какое там лечение. Хорошо, что скоро на ВТЭК (Врачебно-трудовая экспертная комиссия — примеч. ред.) должны отправить. А так — «сйжу» на обезболивающих таблетках, которые с воли передают в медицинских передачах.

Относительно семьи я не очень много информации имею. Передачи, во всяком случае, регулярно получаю — то есть идет поддержка. Опасаются ли они чего-то — не знаю, но опасаться [окончание фразы выпало при передаче письма — «Автоном»]... Фэйсы устроили повторный обыск, при котором изъяли ноутбуки у отца (профессор, доктор медицинских наук) и дочери (учащаяся 10-го класса), которые им нужны каждый день. Я к тем ноутбукам даже не прикасался. От фэйсов в последнее время исходит замаскированная злоба, что-то у них, видимо, «не срастается», и возвращать ноутбуки пока они не собираются. О поддержке товарищей: она оказалась гораздо большей, чем я предполагал. Особенно отрадно — очень много совершенно незнакомых людей выражают солидарность и помогают. Всем товарищам и единомышленникам, которые поддержали так или иначе — огромная благодарность и, я бы сказал, низкий поклон.

Предмет представлял собой самодельную петарду, или, если угодно, можете называть его «взрывпакетом», но это не взрывное устройство. Это было несколько столовых ложек пиротехнической смеси (а не взрывчатого вещества) в коробке из-под лапши быстрого приготовления, пластиковой коробке. Ни осколочных элементов, ничего опасного. Мощность в тротиловом эквиваленте составляла не более трех граммов (и я в состоянии эту мощность оценить). Для сравнения: наиболее маломощная граната, РГД-5, наступательная, безоболочная, имеет 50 г в тротиловом эквиваленте. И то, РГД если под ногу упадет, то ногу оторвет, а убить не убьет.

Для чего был с собой предмет? Любопытной Варваре нос оторвали. Но, кроме шуток, выйдя ночью гулять, отчего не взять с собой петарду. Испытать хотел, провести клинические испытания. Для чего вообще петарды нужны? Сами знаете; если не знаете — смотрите телевизор, новости. Взрыв произошел оттого, что поджигал химическим способом, а это вообще опасно. Скорость реакции всегда разная, зависит от температуры окружающей среды и многих других факторов. Поджигать предпочтительнее тёрочным способом.

Относительно приговора по «одесскому делу» в Украине. Меня в ограблениях не обвиняли. Я осужден по трем статьям: «действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя Украины», «террористический акт» и «незаконный оборот оружия». Пытались обвинять также в «бандитизме» и наркотиках, но в суде это «не про-

лезло». Обвинения в ограблениях меня не касались. А насчет приговора: я думаю, что законы буржуазного государства (а особенно таких государств как Украина и Россия, где в считанные годы произошел переход от общества наибольшего равенства к самому большому в мире неравенству) сами по себе справедливыми не являются.

Против неравенства, угнетения, бюрократии, национализма, произвола власть имущих, частной собственности, рыночной экономики, консерватизма, «патриархальных ценностей». Как это называется — все равно.

Ну и законность в случае с «одесским делом» тоже не соблюдалась ни в малейшей степени. Или вы думаете, что 20-летний Бердюгин действительно умер от «внезапно развившегося рака IV степени»? Я нисколько не сомневаюсь, что будет выиграно дело в Европейском суде по правам человека, и Украина будет вынуждена отменить все судебные решения по делу.

А моё мнение об ограблениях если желаете знать — то оно такое. Когда, допустим, происходит восстание бедноты против несправедливости, притеснений, а какой-то богач, торгующий золотом, хочет остаться в сторонке, сберегая имущество, — то у него это вряд ли получится. Грабить мелких торговцев, у которых и взять-то нечего, полезного в таких случаях для революции, не следует.

По возвращении из Украины в Нижний

Новгород никто меня никуда не вызывал, однако есть основания считать, что внимание со стороны спецслужб было — наружное наблюдение в некоторых случаях обнаруживалось довольно явно; и тому подобные вещи, прослушка в некоторых случаях несомненно была.

С работой — как же трудностям не быть? Посмотрите, что в Википедии про меня написано, я не знаю, кто это написал, однако во всех серьезных фирмах, где можно что-то заработать, сейчас служба безопасности несколько дней «пробивает» претендента по базам данных. А тут и пробивать не надо. Никуда, само собой разумеется, не мог устроиться, кроме как на самые «низкие» работы, на которых работают узбеки, алкоголики и т. п. Грузчиком, охранником без лицензии, оператором машины поломочной, разнорабочим на кондитерской фабрике. Короче, был на самом социальном низу, отбросом общества. А как вы думали? А так — чем еще занимался? Интернет осваивал, социальные сети. Когда в тюрьму садился — не было ведь этих сетей. Любовался красотами родной природы, долго не видел. Да и вообще надо сказать: после «десятки» на зоне ни в чем не ориентируешься, как в инопланетный мир какой прилетел. Где уж тут «терроризмом» заниматься? Это сверхчеловеком каким-то надо быть. Вот ведь фантазия работает у «конторских».

Относительно политических взглядов. Я, как всегда, сторонник общественной собственности и прямой демократии, самоуправления. Считаю, что политикой и политиканством — невозможно решить социальные вопросы. Против чего? Против неравенства, угнетения, бюрократии, национализма, произвола власть имущих, частной собственности, рыночной экономики, консерватизма, «патриархальных

Фигуранты дела «одесских террористов»

ценностей». Как это называется — все равно. Можно сказать, что сторонник и анархизма, и коммунизма. Из известных мне современных теоретиков более всего уважаю Антонио Негри. В наших странах, в нынешней ситуации, весь левый спектр в тупике, к сожалению. Нарастают ультраправые настроения.

Активного участия в жизни протестного сообщества в Нижнем — нет, не принимал.

Времени было мало из-за работы. Иногда на некоторые мероприятия заходил. Вообще, Нижний Новгород — это такой себе город крайне консервативной и даже дремучей ментальности, тут не будет широких протестов. Действительно, такая себе Вандея, как выражался еще в «перестройку» местный оппозиционер Стас Дмитриевский.

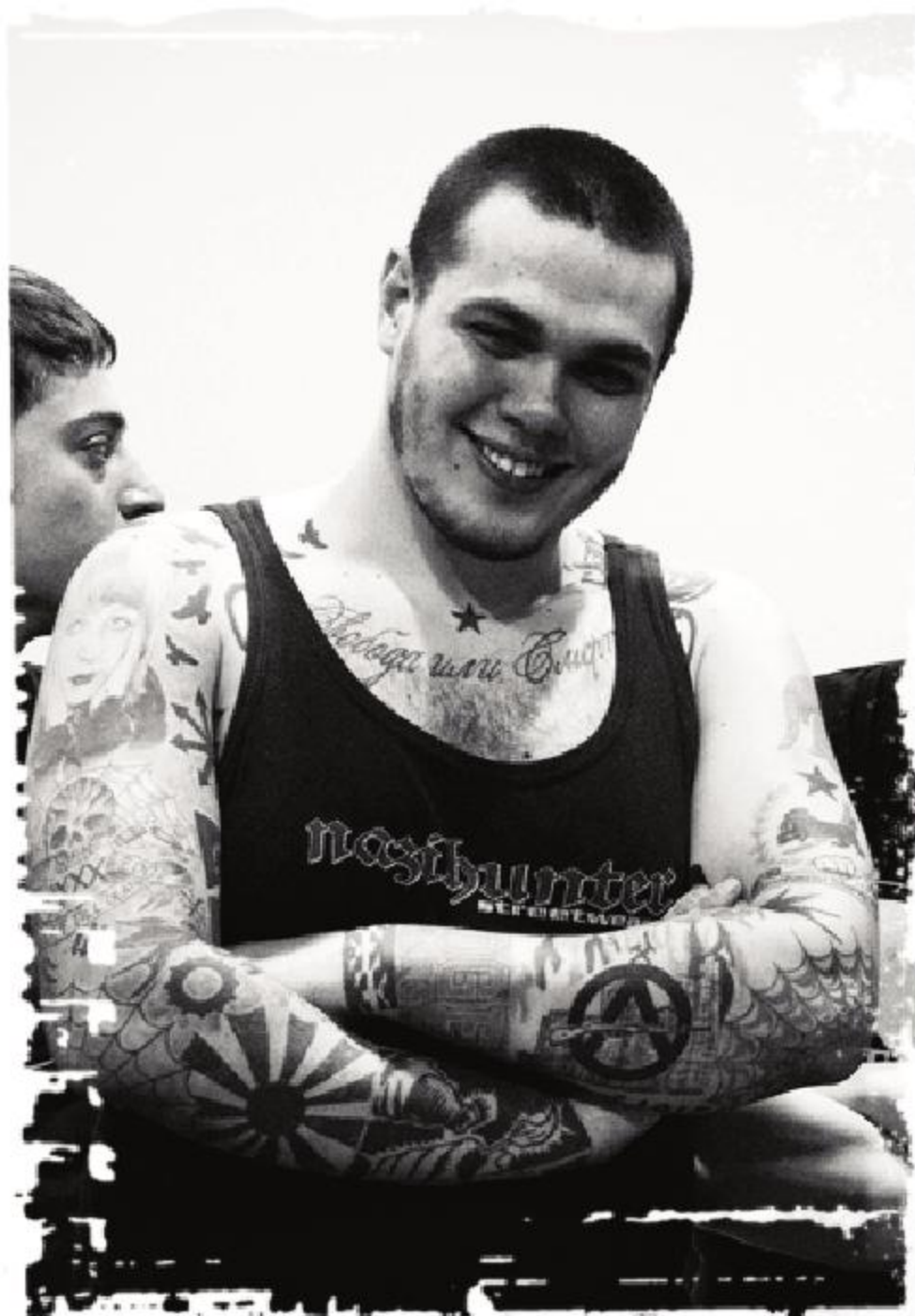
Относительно книги. У меня одно время была мысль написать книгу — не книгу, а какие-то мемуары о некоторых сторонах сопро-

тивления антинародному режиму, которое было в 90-е, в начале 2000-х. Потом, однако, пришел к выводу, что нельзя такое писать и выводить реальных персонажей даже под псевдонимами. Сколько бы лет ни прошло, фэйсы будут устанавливать, кто есть кто. Ну и станут людям жизнь портить, чтоб она медом не казалась. Там ведь ребята такие работают, 1937 год очень уважают. Хотят опять в жизнь его воплотить. Так что лучше поменьше графомании, особенно если писательский талант вдобавок отсутствует.

Помочь Романову деньгами на оплату защиты можно через АЧК (реквизиты по адресу avtonom.org/abc). Написать Илье письмо можно по адресу: Россия 603098 г. Н.Новгород пр. Гагарина, 26 «А», СИЗО-1, Романов Илья Эдуардович, 1967 г.р.

Вопросы подготовил Егор Скворода

Сутуга: письмо в редакцию «Автонома»

Алексей Сутуга

Для журнала
 Поставить нас можно, а шлопать никогда. Мы не наци-
 сты, которые сюда, оказываясь в тюрьме, начинают
 резать вены, вешаться и глотать лезвия. А в лагере
 быстро уходят в "козлятню" (коз. бригады). Мы мо-
 жем находиться в общей арестантской массе. Нам не
 надо бояться, что нам отобьют пальцы маотками или
 наступят по голове тапком. Потому что за нами
 нет ничего такого, что можно было расценивать как
 "гадский поступок". Мы не судим людей по нации и
 цвету кожи и вероисповеданию. Здесь в тюрьме мы
 все для закона "турки" и "бандиты". Потому как честь
 и правда считали дороже свободы. Не босковские
 фраера, которые считали себя армейскими вики-
 нгами, а попал в систему начали понимать, что
 они не фраишты, а такие же как все здесь. Нет, в
 России никогда не будет "армейского братства" как в США.
 В наших тюрьмах дружба народов. Московский вави-
 лон соблазнил, обманул и покарал всех бедолаг со все-
 го бывшего СССР. Теперь мы все вместе ненавидим этих
 жирных барыг в костюмах с корочками, тупых ле-
 нтов безвольно ставших нашими, и следуют друг
 над другом, когда рассказываем истории как езда
 покам. Сейчас, как и в годы "большого террора" в Со-
 ветское время, есть целые ^{региональные} группы населения заезжа-
 ющих в систему по одним и тем же статьям. И
 это не борьба с преступностью. Это война с конку-
 рентами за бизнес и с бедностью. Словные структуры
 ведут бизнес, сжая бизнесменов и чиновников по 15 ста-
 тьям за мошенничество. Отжимают у них бизнес и
 избавляются от конкурентов, которые проворовались и
 не поделились. А так как весь российский бизнес постро-
 ен на олигансовом аферном и мошенническом соеме,
 то в новых уголовных делах недостатка нет. Тот же
 самое и в каркбизнесе. Страшная "президентская"
 статья 228 ч. 3 и 4 сбыт наркотиков позволяет
 тапками "заселять" тюрьмы и лагеря фрагдан-
 ами средней Азии, что совершенно не уничтожает
 весь этот контролируемый поток наркотиков, но от-
 правляет работу ГНК и ~~везде~~ ~~весь~~ ~~УФСН~~. А
 такая пометка в арестантской среде статья 158

Эта картина
крайне дает операм столько простору для качес-
твы пайок" и сбора в шеста исправлений массу рабо-
ты и бедности, которая начинает горбатиться уже
в лагерях, непосредственно попадая карман началь-
ника в каюши. Вообще вся наша пенитенциарная
система это постсоветский ГУЛАГ не до конца вста-
вший на капиталистические рельсы. Формально
все правила и законы внутри системы остались
со времен СССР, но нынешние работники ФСИН поня-
тия не имеют как нас превоспитывать. Зато нау-
чимся зарабатывать на нас деньги. От воровства
выделяемые бюджетом денег, до личных бумажек
оперов на местах. У нас теперь коммерческие тюрьмы
Есть деньги, можно забыть о понятиях. Смотри
телевизор и жавай продукты с интернетовского инте-
рнет-магазина по завышенным ценам. Купить мо-
жно практически все. Главное не шатай систему.
Тюрьма зеркало нашего общества. Но атомизация
личности здесь не так сильна как на воле. Выжить
одному труднее. Поэтому лучше жить "семьей"
одне свободны с ума по одному в четырех стенах.
Уже давно нет сомнений, что с нами анархистами
и антифашистами власть будет бороться и
сажать. Пока только сажать. Хотя и сейчас мы и не
такая уж и большая угроза для государства, но уже
начинают оправдывать существование центра по
противодействию экстремизму, который всеми си-
лами пытается защитить любимую власть. Хотя
и в большинстве случаев и борется с крайними
постами в сети интернет. Страна у нас большая,
а такие дела как беспорядки на "байтной моща-
ди или целая серия пайков беспощадные антифа-
шистов не каждый месяц случаются. Поэтому
мы пока и являемся самой маленькой группой в
арестантской среде. И все таки борцы с экстреми-
змом уже едят свой козлый хлеб. Недобросовестные
дела идут совсем нехорошо. И поэтому каждое уго-
ловное дело против нашего товарища должно
превращаться в кампанию защиты твое. (2)

бека ~~от~~ от власти гос-ва над ним. А также да-
 лее подвергаться все карающие институты гос-
 структуры. Поводов для критики более чем доста-
 точно. С одной стороны мы с народом, с другой
 этой левизной с пононами и в форме
 Алексей = <ОКРАМ> =

Эта статья для журнала автоном. Уверен,
 что когда номер выйдет, я уже буду в лагере.

Опасные экстремисты

В самом конце 2013 года в Тюмени несколько статей из журнала «Автоном» признаны экстремистскими. Тюменское отделение ФСБ обратилось в суд с предложением запретить статьи из номеров за 2007 и 2011 года. Суд это с радостью проштамповал. К нам, редакции, никто не обращался, несмотря на то, что мы — явно заинтересованная сторона в процессе. О запрете статей мы узнали постфактум. Мы запустили процедуру обжалования этого решения, но, конечно, на российское правосудие не надеемся.

Каковы последствия запрета статей для «Автонома»? В целом — никаких. «Автоном» не имеет регистрации как СМИ, соответственно, решение тюменского суда никак не касается других номеров, кроме тех, которые запрещены. С avtonom.org убраны запрещенные статьи. Они висели на двух внешних ресурсах, один Роскомнадзор выявил и забанил, второй — пропустил. Решение тюменского суда стало хорошим поводом почистить антресоли и быстро избавиться от залежей «запрещенки». Номера 29, 32 и 33 редакция, действительно, настоятельно не рекомендует распространять. Это может кончиться уголовным делом.

Что же запрещено по просьбе тюменского ФСБ? Одна статья про мужика, замочившего ментов — прямо начинается с редакционного вступления о том, что «Автоном» не призывает так делать. Другая статья — о застреленном нацистами антифашисте Иване Хуторском. В тексте да, много сцен насилия, но нет призывов его осуществлять. Ещё — безобидный аналитический текст о репрессиях против анархистов в Беларуси. А также — статья о

праве на мечь, где в качестве единственного примера приводится убийство американского президента Ульяма Мак-Кинли. По этому поводу мы оставляем за собой право обратиться за защитой к Елене Мизулиной!

Редакция «Автонома» старается быть сдержанной и не подставляться под антиэкстремистское законодательство, так что эти запреты — просто очередной акт произвола оборзевших уродов. Зато мы придумали крутой слоган по мотивам этих событий: ««Автоном»: успеи купить, пока не запретили!»

Валерий Листьев

МАТЬ ПОРЯДКА

ПОЧЕМУ НЕТ

Знаки внимания, забота, помощь девушке: почему я говорю «нет»

Часто случается, что меня обвиняют в том, что я «перегибаю палку со своим феминизмом». И, о, ужас, мне снова и снова приходится всё объяснять, причем в 99% случаев — как об стенку горох. Сколько себя помню, — я всегда поднимаю и несу только то, что могу поднять и нести. Делаю только те вещи, которые могу делать. А если что-то я делать не могу и не хочу, то либо я этого не делаю, либо все окружающие в ту же секунду узнают о том, что мне это не хочется делать. И если для меня что-то тяжело, то всю дорогу я буду причитать и проклинать весь белый свет. Замечания по этому поводу я принимаю с благодарностью и стараюсь не выносить мозг окружающим.

Я часто делаю людям замечания, и я не против, когда их делают мне. Как ещё можно узнать о своих ошибках, если не от людей, которые тебя хорошо знают и видят тебя со стороны? Не говорю, что нужно всё делать, как тебе скажут окружающие. Конечно, нет. Но... иногда прислушаться и проанализировать стоит.

Вернёмся к моему «чрезмерному феминизму». Меня спрашивают: «Почему ты отказываешься от помощи? Он же просто хотел помочь? Какая разница, женщина ты или мужчина?», «Почему ты не хочешь, чтобы тебе открыли дверь? Какая вообще разница, кто первый входит в помещение?», «Что с тобой случится, если ты подашь руку, выходя из автобуса? Просто парень хочет поухаживать за тобой, зачем обижать его?» и т. д. и т. п.... (Многие сейчас узнали себя в роли спрашивающего или того, кому приходилось отвечать).

Я настолько устала отвечать на эти вопросы... И у меня самой возник вопрос: «А насколько корректно заданы подобные вопросы?» Почему люди спрашивают меня о том, чего я не хочу?

- Хочешь замуж?
- Нет.
- Почему?

- Хочешь выпить с нами?
- Нет.

- Почему?

- Давай помогу?
- Нет.
- Почему?

- Давай потрахаемся?
- Нет.
- Почему?

Можно продолжать до бесконечности список подобных предложений и странных вопросов «почему?», но давайте лучше подумаем: разве не глупо спрашивать человека «почему нет?». Если человек чего-то хочет, то у него есть какая-то мотивация, и тут можно спросить «Почему да? Какая у тебя мотивация?», а на ответ «нет» некорректно задавать вопрос «почему?», ответ очевиден — «отсутствие мотивации». Приведу примеры, доводящие ситуацию до абсурда, но очень хорошо подтверждающие мою мысль:

- Хочешь съесть жабу?
- Нет.
- Почему?

- Хочешь в туалет?
- Нет.
- Почему?

Теперь пусть все, кто задает подобные вопросы, попробуют сами ответить себе на них.

Я, конечно же, понимаю, что, когда задаётся подобный вопрос, то подразумевается, что есть некое общепринятое правило или мнение, которому мой ответ не соответствует. Например:

- Хочешь завести семью и детей?
- Нет.
- Почему? (каждый должен хотеть этого)

- Хочешь крутую тачку?
- Нет.
- Почему? (все хотят)

В общем, я понимаю, что спрашивая «почему нет?», люди, скорее всего просто считают, что

странно не хотеть этого. Но даже несмотря на то, что все люди очень похожи в своих потребностях и желаниях, все мы разные и предпочтения у нас разные. Нужно это принять.

Знаете, я люблю, когда меня спрашивают о том, почему я поступаю так или иначе. Я люблю рассказывать о своём видении мира, и я люблю когда собеседнику это интересно. Но я не люблю, когда меня спрашивают, только для того, чтобы упрекнуть в том, что я не такая, как все, многие или кто-то; я не люблю когда меня спрашивают, обвиняя, и мой ответ выставляют как оправдание, принимая доминирующую позицию. Я не желаю терпеть подобное в свой адрес и вести дискуссию — а по факту оправдываться — с такими людьми. В таких ситуациях я просто стараюсь прекратить разговор, но иногда не нахожу другого выхода, кроме как нагругить (хотя это редко бывает эффективным). Поэтому прошу задуматься всех, кто в очередной раз соберется спросить «почему нет?», и всех, кто решил отвечать на этот вопрос. Задумайтесь о намерении человека, задающего этот вопрос. Можно избежать множества ненужных ссор.

А теперь, если Вам всё ещё интересно, я отвечу на вопросы, которые написала в начале.

«Что с тобой случится, если ты подашь руку, выходя из автобуса? Просто парень хочет поухаживать за тобой, зачем обижать его?» Я сильно парюсь над тем, как человек воспринимает мои действия и слова, не обижает ли его это. Всегда стараюсь быть внимательна к людям и учитывать их особенности. С этим я действительно порой перегибаю палку. Но так или иначе, я делаю то, что мне нужно, и не делаю того, что мне не нужно, разве это не логично? Мне жаль, что кого-то обидит мой отказ, но я сама могу выйти из автобуса, зачем мне подстраиваться под кого-то и делать ему приятное, если мне мешает это? Мне неудобно подавать кому-то руку. Меня хорошо поймёт человек, который никогда этого не делал, и вдруг ему подадут руку на выходе из автобуса.

Это же супер-тупо. Нужно помогать тем, кому очевидно тяжело спуститься. Я всегда стараюсь помогать подниматься или спускаться тем, у кого много вещей или кто плохо себя чувствует.

«Почему ты не хочешь, чтобы тебе открыли дверь? Какая вообще разница, кто первый входит в помещение?» Никакой разницы в том, кто входит первым, нет. Поэтому-то меня и возмущает, что кто-то распахнёт дверь и ждёт, пока я пройду. А я, может, хочу задержаться

на улице, чтобы высморкаться или выпустить газы. Я, конечно, утрирую, но реально раздражает, когда люди не понятно с какого хрена ждут, пока ты куда-то пройдешь, и как запрограммированные бараны стоят в дверях. «Почему ты отказываешься от помощи? Он же просто хотел помочь? Какая разница: женщина ты или мужчина?». Я знаю множество мужчин, которые по неосторожности, незнанию или глупости нажили себе грыжу, стирание межпозвоночных хрящей, геморрой и прочие «радости». И таким людям ПРОТИВОПОКАЗАНО поднимать тяжёлое. Возможно даже, что допустимый поднимаемый вес для них меньше, чем допустимый поднимаемый вес для женщин на 7-м месяце беременности. Но по своему невежеству или упрямству они всё равно хватают сумки и тащат их. Не у беременной женщины, а у меня — молодого здорового человека. Мне даже не столько жаль их, сколько неясна их логика. Ухаживать за инвалидом ещё сложнее, а их действия — это прямой путь к инвалидности. Так поступают не только мужчины, но и женщины более старшего возраста. Я уже писала статью о поднятии девушками «которые мешают» тяжести. Не буду углубляться в данную тему, но советую пересмотреть свой взгляд на эту устаревшую традицию и хорошо разобраться в вопросе того, какие нагрузки позволительны людям, и в каком состоянии здоровья. Есть случаи, когда лучше помочь кому-то, а есть, когда лучше попросить помощи и понести вместе. Это моя логика.

Я люблю заботу, но я не обязана принимать ее от всех и каждого, и уж тем более не надо ждать от меня благодарности и даже принятия...

И всё-таки, если вы думаете, что мужчина открыл дверь, подал руку и предложил помощь, не задумываясь о половой принадлежности человека, то просто наблюдайте за ним некоторое время, и вы поймёте что практически в 90 случаях из 100 объектами заботы являются люди женского пола, не взирая на их телосложение и состояние здоровья. «Но что плохого в заботе?» — спросите вы. У меня есть ответ на этот вопрос: «Я люблю заботу, но я не обязана принимать её от всех и каждого, и уж тем более не надо ждать от меня благодарности и даже принятия своей заботы, которой я не просила». Меня поймут те, кто хоть раз испытывал дискомфорт при оказании ему излишней нежелательной заботы и внимания, в момент, когда это совершенно было не нужно или даже оказывало противоположное действие.

Как же тяжело бороться со своими предубеждениями... Но если мы хотим развиваться, то приходится время от времени избавляться от чего-то устаревшего и неэффективного. А так жаль, ведь все привыкли. Но новое всегда тре-

бует перемен и усилий. Вот сделала усилие, чтобы донести до людей очередную мысль. Надеюсь, с пользой для себя и вас.

Шу

Разделяй и... освобождайся

Гильотина сепаратизма как средство от головной боли патриархата

Анархизм без феминизма неполон. Феминизм без анархизма тоже

Я осознал себя феминистом примерно тогда же, когда и анархистом — в конце 1987 — начале 1988 года. Долгое время (до 1992 года) я был не только первым, но и единственным феминистом в анархическом движении Москвы (тогда анархизм был сугубо (анти)политическим, не задумываясь о проблематике сексизма и эмансипации). Отмечаю здесь это не ради хвастовства, а лишь для прояснения своей позиции. Впрочем, я не настаиваю именно на ярлычке «феминизм» (оно вызывает слишком большие споры и разногласия). Дело не в словах, а в сути. Для меня феминизм — это борьба против угнетения людей по половому признаку, их разделения, навязывания искусственных стереотипов, гнёта государства и общества над личностью, отстаивание права на самореализацию каждого человека как личности независимо от его (её) пола, возраста, национальности, религиозной принадлежности. Очень просто. Если вы с этим согласны, значит вы тоже феминисты, независимо от вашего пола и отношения к этому слову.

Многие объявляют эти проблемы надуманными, несуществующими, высосанными из пальца или глубоко вторичными по отношению к иным, творящимся в мире несправедливостям. Но это всё вполне реально и ощутимо: угнетение, сексизм, патриархат, система гендерных стереотипов и ролей, навязываемых человеку и порабащивающих его. Это важная составная часть общей системы угнетения, власти и неравенства. Патриархат издавна разделял людей, подрывал их солидарность и служил основанием иерархического мышления. Во многих культурах — от конфуцианского Китая до христианской Европы — присутствует глубоко укоренённая система бинарных оппозиций (по принципу инь-ян), в которых с мужским связывается светлое, высшее, активное, культурное, собственно, человеческое, доброе, публичное начало, а женское («второй пол», по

словам Симоны де Бовуар) лишь светит отражённым светом и отождествляется с тёмным, низшим, пассивным, природным, злым, семейно-приватным, недочеловеческим... И это глубоко сидит в нас, проникая в язык, в мораль, в политику, в экономику, в систему воспитания и сексуальность, становясь «естественным» и «единственно возможным», «нормальным», порабащивая женщин и мужчин.

Рождается мальчик — и все говорят: «Вырастет — будет космонавтом, бизнесменом, учёным, президентом». Рождается девочка, и все говорят: «Вырастет — выйдет замуж за космонавта, бизнесмена, учёного или президента». Вот всё это и есть патриархат, сексизм. Он не сводим исключительно к классовому делению или социальному неравенству, и, хотя тесно связан с ними, является особым видом социального зла. Моногамная семья и патриархальная мораль, наряду с бюрократическим государством и частной собственностью, — важное основание современной системы отчуждения. Не случайно патриархат уже лет сто пятьдесят находится в центре внимания и ожесточённой критики со стороны либертарных социалистов и анархистов. Это надо осознавать, понимать — чтобы бороться, изживать его в себе и в окружающем обществе. А подобное осмысление-изживание и называют феминизмом.

Анархизм — как революционная критика современного общества и культуры, проводимая с позиций полного и всеобъемлющего освобождения личности, всегда включает в себя и феминизм (как сопротивление сексизму, сегрегации и выстраиванию иерархии и власти по половому признаку). По моему убеждению, анархист непременно является по определению феминистом, так же как и экологом (защитником природы и оппонентом технократии и индустриализма), антифашистом, антибольшевиком, антимилиитаристом. Совершенно естественно, что в анархическом журнале «Автоном» с самого начала существует постоянная феминистская рубрика «Мать порядка», а анархо-феминисты устраивают Гендерные фестивали, проводят акции 8 марта и в другие дни, поднимают вопросы гомофобии, патриархата, существующей семьи и морали, как общественно значимые и неотделимые от общего дела освобождения личности и общества. Эту проблематику нельзя ни растворять в других вопросах (как марксисты всё сводят к «классовой борьбе»), ни отделять от других направлений нашего сопротивления (утверждая, что эта сфера — единственно фундаментальна и первична, а все иные вопросы (гнёт над детьми, эксплуатация трудящихся, разрушение природы) могут подождать. Важно видеть как специфику сексизма, патриархата (как особой системы угнетения и разделения), так и его связь с другими нашими врагами и объектами критики.

В общем, анархизм и феминизм вместе выдвигают в качестве своих базовых ценностей свободу неповторимой человеческой личности и общечеловеческую солидарность. Разумеется, половая (гендерная) дифференциация (как и этническая, расовая и прочая) имеет место и играет какую-то роль в формировании личной идентичности. Но она не так существенна и не должна быть основой для гипостазирования «мужского/женского» как чего-то онтологически фундаментального и лежащего в основании иерархий и разделений.

Мужчины и женщины чем-то отличаются друг от друга? Конечно! Разные хромосомы, первичные и вторичные половые признаки, роль в деторождении, вытекающие из разной физиологии психологические отличия. Но намного больше отличаются друг от друга разные личности — независимо от пола. Иванов отличается от Петрова, а Кузнецова от Сидоровой намного более существенно, чем представители одного пола от другого. И все мы — братья и сёстры, не взирая на разный цвет кожи, языковые отличия, специфическую форму черепа и прочее — ибо все мы рожда-

емся и умираем, страдаем, ищем смысл жизни, отчаиваемся, любим и ненавидим. Осознание своей личностной уникальности, необходимости прожить свою неповторимую жизнь — и общечеловеческой солидарности: поверх всего временного и преходящего, условного и вторичного (будь то этносы и классы, полы и расы) — основа анархизма и феминизма. А абсолютизация разделений — основа всех сегрегаций, иерархий, апартеидов, основа эйджизма, расизма, сексизма, классово-сословных и кастовых иерархий, основа власти и господства.

Феминизм — не монополия одного из полов

Сексизм, патриархат — это не угнетение женщин мужчинами. Это угнетение и мужчин, и женщин патриархальными стереотипами и навязанными ролями. Пусть иначе, но мужчины так же страдают от патриархата и деградируют под его влиянием, как и женщины. Он не даёт всем нам быть собой, сломать разделяющие нас перегородки и жить собственной неотчуждённой жизнью.

В нас с детства вколачивают: «Будьте настоящими мужчинами, настоящими женщинами!» Что это значит? Образцовый ответ находим у Карла Маркса. Однажды одна из его многочисленных дочерей, проводя домашнее «анкетирование», задала своему отцу такие вопросы: «Что вы цените в мужчинах? Что вы цените в женщинах?» «Научный социалист» глубокомысленно и лаконично ответил, что более всего в мужчинах ценит силу, а в женщинах — слабость. Или, как писал ироничный Чехов: «Настоящий мужчина состоит из мужа и чина». Что до «настоящей женщины», то мы не раз слышали про три немецких «К»: «киндер, кирхен, кюхен — дети, церковь, кухня», как её «нормальный удел». «Настоящий мужчина» (тот жупел, которым нас до сих пор пытаются заставить восхищаться) — это начальник, самец-мачо, богач, воплощение воли-к-власти, мускулистый Шварценеггер, отец семейства. А «настоящая женщина» — это домохозяйка, добродетельная и смиренная служанка и мать, эфемерная полудева-полупроститутка. Но мы не самцы и самки, мы — люди, личности, неповторимые и свободные! Мы не желаем быть «настоящими мужчинами» и «настоящими женщинами», рабочими и крестьянами, немцами и китайцами. Я хочу быть собой, а не «настоящим мужчиной», и не желаю никого принуждать быть «настоящей женщиной». Я не хочу быть ни рабом, ни господином, но — свободным человеком среди свободных людей,

разных, но равных. И это моё желание наказуемо, как преступное. Оно подлежит осмеянию, осуждению. «Ты не мужик, ибо ты в армии не служил, карьеру не сделал, денег не заработал, гарем не собрал», — приходится слышать с разных сторон.

То же происходит и с женщиной, восставшей против патриархата: «Ах, она не замужем, не на кухне, не при детях и муже! Ах, она «синий чулок», не исполнивший своего священного женского предназначения!» — причитают фамусовские «княгини Марьи Алексевны», дожившие благополучно до наших дней. О тех, кто осознанно решается быть собой, а не корчить из себя «настоящего мужчину» и «настоящую женщину», принято говорить, как о неудачниках и неудачницах, ненормальных, неблагонадёжных и опасных.

Ещё совсем недавно во многих московских павильонах метро «в целях укрепления семейных ценностей» повсюду вешали плакаты с цитатой из Фрэнсиса Бэкона: «Любовь к Родине начинается с любви к семье». Говоря иначе: покорность государству воспитывается, начиная с покорности детей родителям, жены — мужу. Существующая патриархально-моногамная семья (которая, впрочем, агонизирует и доживает последние десятилетия, искусственно гальванизируемая государством) — авторитарная ячейка рабского общества, обеспечивающая армию солдатами, а власть имущих — подданными.

Итак, феминизм — это вовсе не только женское дело и не борьба женщин против мужчин. Феминизм — это борьба женщин и мужчин — людей! — против угнетения, сексизма, патриархата, важная часть общей борьбы за эмансипацию человека. И, если на миг оглянуться на историю феминистского движения, мы увидим в нём немало выдающихся мужчин, сыгравших в развитии феминистской мысли и борьбы значительную роль. Двухвековая история фе-

минизма помнит не только о Мэри Уоллстонкрафт, Олимпии де Гуж, Симоне де Бовуар, но и о первом классике анархизма (и стороннике равноправия полов, возлюбленном Мэри Уоллстонкрафт) Уильяме Годвине, о Джоне Стюарте Милле (авторе памфлета «Угнетение женщин»), о гениальном либертарном социалисте Шарле Фурье (писавшем, что степень совершенства общества определяется уровнем освобождения женщины), о социал-демократе Августе Бебеле (авторе монументального труда «Женщина и социализм»), о великом драматурге Генрике Ибсене (чьи пьесы сыграли ключевую роль в деле эмансипации и разрушении семейной моногамной морали), о публицисте Михаиле Илларионовиче Михайлове (первом отважно поставившем в русской печати «женский вопрос») или о Чернышевском.

Так что смешно, нелепо и несправедливо пытаться «поделить» феминизм и выбросить из его истории и из его настоящего феминистов мужского пола! Это — наша общая борьба с общими врагами. Вражда и разделение между феминистами и феминистками лишь укрепляют сексизм и порождают новые барьеры отчуждения между личностями.

Не менее важно напомнить и о том, что феминизм с самого своего появления был тесно связан с историей анархизма и либертарного социализма — как часть общей борьбы за свободу, равенство и справедливость. Почти все классики анархизма (за двумя вопиющими исключениями Пьера Жозефа Прудона и Льва Толстого) были в той или иной степени и феминистами. О Годвине я уже упомянул. Бакунин был — в теории и на практике — пламенным поборником женского освобождения, сумевшим преодолеть собственнические инстинкты в отношении своей жены Антонины и признавшим её полную свободу. Макс Штирнер всем своим поведением и творчеством бросал вызов патриархату (посвятив своего «Единственного»

«Моей возлюбленной Марии Денгардт» — в этом посвящении указав девичью фамилию своей жены, или пародируя и высмеивая вместе с ней бюргерский обряд свадьбы). Кропоткин указывал, что, если, совершив социальную революцию, анархисты не уничтожат патриархат, то они оставят в рабстве половину человечества, и понадобится новая революция для уничтожения этой несправедливости. Одна из самых выдающихся анархических писательниц современности Урсула Ле Гуин, наряду и в связи с экологическими и анархическими идеями, постоянно и глубоко обращается в своих фантастических романах к феминистской проблематике. А имя Эммы Гольдман служит ярчайшим примером анархического феминизма и феминистского анархизма — неразрывной связи социальной революции и борьбы с патриархатом и моногамией.

Вспомним и о том, что традиция отмечать 8 марта как день борьбы за права женщин-работниц возникла в недрах социалистического движения. И именно приуроченные к этому дню выступления женщин Петрограда (8 марта 1917 года по новому стилю или 23 февраля — по старому) положили начало Великой Российской Революции. А другая великая революция — Испанская Революция 1936-39 годов породила анархо-феминистское движение «Мюхерес Либрес» (Свободные Женщины). Огромна роль феминистского компонента и в движении «новых левых», во всемирной социальной революции 1968 года... В общем, не ставя целью представить здесь подробную историю феминистского движения, я лишь хотел привести некоторые примеры, подтверждающие мой главный тезис — о неразрывной связи феминизма и анархизма, о совместной борьбе мужчин и женщин против угнетающих их сексистских стереотипов.

Разнообразные анархизмы, разнообразные феминизмы

Однако, феминизму, как и анархизму, очень не «везёт» со своим образом в сознании общества. Стереотипное представление обывателя об анархистах и феминистах до крайности карикатурно: об этом позаботились власть имущие, хотя, конечно, доля вины за это лежит и на нас самих. Анархиста, как известно, обычно отождествляют с пьяным матросом-погромщиком или с маниловским мечтателем. Слово «анархизм» — ругательное, стигматизированное в общественном сознании. Мысль о том, что анархия предполагает высокую культуру, организованность и ответственность, плохо воспринимается. А уж известие о том, что

анархистами были, к примеру, Лев Толстой или Ярослав Гашек, совсем шокирует «обычного человека».

Не меньше стереотипов и в отношении феминизма. По общему убеждению, почти повсеместно принятому в России, феминистки — это недовольные жизнью, безобразные и нелюбимые никем тётки, обиженные на мужчин и желающие их повсеместно кастрировать или извести.

По общему убеждению, почти повсеместно принятому в России, феминистки — это недовольные жизнью, безобразные и нелюбимые никем тётки, обиженные на мужчин и желающие их повсеместно кастрировать или извести.

Но, прежде чем начать изживать и опровергать эти стереотипы, надо осознать, что «анархизмы» и «феминизмы» бывают весьма разными. Феминизм — движение столь же широкое и многоликое, как и анархизм. Отнюдь не всякий «анархизм» мне одинаково симпатичен. К примеру, анархо-большевизм (платформизм) или анархо-капитализм (либертарианство) вовсе не вызывают восторга и желания вливаться в их ряды. То же самое можно сказать и о разных течениях в феминизме.

Одно из наиболее влиятельных и «древних» — либеральный феминизм. Это направление стремится не разрушить систему господства-подчинения, а лишь предоставить в ней женщинам «кусочек пирога». Так, 8 марта 2013 года феминистская фракция партии «Яблоко» проводила небольшой митинг на Пушкинской площади в Москве (на котором, кстати сказать, полицией были задержаны два десятка анархо-феминистов(ок) при полном согласии и едва ли не содействии «яблочных» организаторов). Выступающие на этом митинге требовали предоставить женщинам больше мест во власти, в Думе, во главе корпораций. Как будто, если у нас будет не одна Валентина Матвиенко, а две или три, жизнь людей (и женщин и мужчин) сразу станет прекраснее! Как будто Маргарет Тэтчер, Ангела Меркель или Индира Ганди чем-то отличаются в лучшую сторону от политиков-мужчин! Либеральный феминизм (а ля Мария Арбатова) носит принципиально-реформистский характер по своим целям и средствам, выступая за законодательные меры, за хождение по судам, за просвещение общества и т. д.

Либеральный феминизм ничего не имеет против государства и капитализма как таковых. Он лишь стремится, например, допустить женщин к службе в армии (как принято в Израиле или показано в известном фильме «Солдат Джейн»). То есть ввести военную службу и для женщин, вместо того, чтобы отменить эту форму рабства и для мужчин, уничтожив государство, капитализм и милитаризм. Неравенство, отчуждение, эксплуатация и иерархия не оспариваются либеральным феминизмом — они лишь должны быть слегка гуманизированы и «феминизированы». И цели и методы либеральных феминисток, в основном, чужды анархизму.

Или другое направление — марксистский феминизм. Редуцируя всю сложность общественной жизни к экономическому «базису», к классовому неравенству, марксистские феминисты отрицают какое-то своеобразие патриархального угнетения (для них всё это глубоко «вторично», ибо «надстроечно»). Они видят панацею от всех проблем в уничтожении классовой дифференциации, в социализации (или даже в национализации-огосударствлении) всех сфер жизни общества. Когда не будет экономической эксплуатации, когда общественные столовые, прачечные, детские сады и ясли избавят женщину от кухонного рабства, тогда сексизм «автоматически исчезнет сам собой», убеждены представители марксистского феминизма. Однако глубоко укоренённые в людях, в языке, в психологии сексистские стереотипы достаточно автономны. Марксизм традиционно игнорирует личность и недооценивает культурные факторы. И потому, хотя идеи и рецепты марксистского феминизма заслуживают внимания, они однобоки и недостаточны.

Течение в феминизме, к которому я уже чет-

верть века принадлежу, называется анархо-феминизмом или радикальным гуманистическим феминизмом. Этот феминизм радикален, поскольку, не веря в полумеры (суды, законы и т.д.) и в оппортунистические паллиативы, он стремится уничтожить любые формы сексизма, сегрегации и иерархии. И он анархичен и гуманистичен, ибо связывает критику существующей патриархальной морали, моногамной семьи, авторитарного воспитания с всеобъемлющей критикой всех форм доминирования, с отрицанием власти и собственности как таковых. Солидарность и равенство всех людей не означает тождество. Наоборот, каждый человек является личностью (а не только мужчиной или женщиной, подростком или стариком, корейцем или немцем, рабочим или учителем). Все формы социального угнетения связаны между собой, и потому — показывает анархо-феминизм — могут быть преодолены лишь одновременно: разрушение природы, насилие над детьми, издевательства над животными, милитаризм, гомофобия, эксплуатация, бюрократизм и индустриализм. Лишь революционный путь ведёт к всестороннему изменению общества, личности, культуры на началах свободы.

Одна из современных теоретиков радикального гуманистического феминизма Джудит Батлер в работе «Гендерное беспокойство», указывая на множественность (и взаимосвязь) форм угнетения и множественность (и взаимосвязь) составляющих идентичности современного человека, подчёркивает: не мужчины противостоят женщинам, но каждая личность противостоит Системе Власти и стремится к самореализации и постепенному освобождению от гендерных стереотипов. А в этой совместной борьбе мы нуждаемся в солидарности, братстве-сестринстве.

Новые мифы и стены вместо старых или: не «все бабы — дуры», но зато «все мужики — сволочи»?

Но вот тут-то как раз на сцене появляются сепаратные феминистки и начинают на смену разрушенных стен и разоблачённых фобий спешно воздвигать новые стены и создавать новые стереотипы, порождая новые формы сексизма (уже не женоненавистнического, но мужененавистнического), дискредитируя, раскалывая изнутри и ослабляя феминистское движение и убивая его либертарный и персоналистический потенциал.

Основные идеи сепаратного феминизма сводятся к двум незатейливым и взаимосвязанным тезисам. Во-первых, все мужчины (уже только в силу своей мужской природы, воспитания, социального статуса и жизненного опыта) — угнетатели и враги женщин. Им не понять женских страданий, тяжёлой женской доли из-за своего привилегированного положения. Во-вторых, по этой причине, женщинам надо создавать своё, отдельное, сепаратное, изолированное от мужчин, сугубо женское феминистское движение (не заражённое тлетворными бактериями маскулинности), созидать свою женскую идентичность, культуру, язык (часто это ещё сочетается с проповедью исключительно лесбийской сексуальности как альтернативы гетеросексуализму). В общем, «все мужики сволочи», и потому всем женщинам надо начать священную борьбу против них и их господства. Такова, в общих чертах, суть сепаратного феминизма как одного из течений в феминистском движении.

По моему глубокому убеждению, сепаратный феминизм и проповедуемые им идеи несправедливы, антилибертарны, вредны (как для анархизма и для феминизма, так и вообще для дела человеческой эмансипации) и способствуют вырождению феминизма и его дискредитации в глазах общества. Много лет я объяснял всем и каждому, что феминизм — вовсе не против мужчин, но стоило лет семь назад в небольшом и малотиражном анархо-феминистском журнале «Жест» появиться статье сторонницы сепаратного феминизма под характерным названием «Я ненавижу мужчин», и все мои усилия пошли прахом, а все вокруг начали стыдить меня, говоря: «Ну, вот видишь, как на самом деле чудовищен и отвратителен твой хваленый феминизм, исповедующий такие человеконенавистнические идеи!..» — и мне трудно было возражать.

Однако, прежде чем формулировать свои возражения против сепаратного феминизма, скажу о том немногом, в чём я его понимаю и, отчасти, даже принимаю. Я признаю психологическую правду побуждений некоторых сепаратных феминисток — активисток анархического или антифашистского движения, ощутив вокруг себя недоброжелательную, агрессивную, иногда мачистскую атмосферу, услышав пару раз: «Молчи, женщина!» и другие грубоватые и не слишком умные шуточки в свой адрес, и столкнувшись с воспроизводимыми зачастую стереотипами («это — мужское, а это — женское дело» и т. д.), с отказом серьёзно рефлексировать проблемы патриархата (при декларациях о равноправии всех людей) и вообще с непропорциональной малочисленностью женщин в активистской среде, поспешно сделают вывод о необходимости вовсе уйти от «этих ужасных агрессивных мужчин» в своё уютное «гетто», где никто не оскорбит, не обидит, не унижит, все поймут, и можно доверительно поговорить «о своём, о девичьем» (о патриархате общества, о насилиях над женщинами, о кухонном рабстве, о несправедливостях и приставании на работе и о проблемах беременности).

Конечно, подобное обобщение несправедливо. Конечно, выстраивать на основании опыта общения с патриархальными мачо, теорию о зловредности всего мужского рода — неверно. Конечно, эта патриархальность анархистской среды — это не столько наша вечная вина, сколько беда и «болезнь роста» движения, ещё мало осознающего подобную проблематику и являющегося плотью от плоти больного патриархатом общества. Всё это так. Но я признаю психологическую правоту феминисток-анархисток, в ужасе и отчаянии решивших выделиться из общего, по преимуществу мужского по составу, движения и лишь не понимающих, что виноваты — не мужчины, как таковые, а именно недостаточная анархичность анархистов, а наша патриархальность — не родовая и неискоренимая «мужская» черта, а преходящая болезнь, которой одинаково подвержены как мужчины, так и женщины, и которую можно и нужно лечить совместно.

Кроме того, я, разумеется, признаю право женщин (и кого угодно!) объединяться во временные коллективы и группы с женщинами (равно как все могут объединяться, с кем захотят для обсуждения общих вопросов — хоть филателисты, хоть кактусоводы, хоть любители классической музыки, хоть кришнаиты, хоть жители Рязани). Более того. Я также допускаю, что в определённых исключительных ситуациях — тактически и временно — подобные женские

группы и союзы могут быть оправданы и полезны. Например, Центры по реабилитации женщин, подвергшихся насилию со стороны мужчин. Я понимаю, что в этих ситуациях этим женщинам бывает тяжело и тягостно видеть мужчин (на которых они невольно переносят воспоминания о насильниках и отождествляют их со своими мучителями), и легче обсуждать свою ситуацию исключительно с женщинами же. Вот, пожалуй, то небольшое, в чём я могу понять сепаратных феминисток и согласиться с ними.

Однако попытки возвести такие исключительные, временные и тактические подходы и ситуации в принцип, в правило, и построить на них всеобъемлющую стратегию, философию и идеологию сепаратного феминизма, вызывают у меня принципиальное несогласие и возмущение. Прежде, чем переходить к своим контраргументам, напомним одну давнюю, но поучительную историю. В начале 1870-х годов в Питере возник небольшой женский феминистский кружок. Несколько девушек, активно выступавших за женское саморазвитие и эмансипацию, стремясь избежать мужского гегемонизма, объединились в небольшую группу, в которой обсуждали вопросы феминизма, совместно читали книги, делали доклады и т. д. В группу, в частности, входила юная Софья Перовская. Через какое-то время, однако, они сумели перерасти эту «детскую» стадию самоутверждения и объединились с другим — мужским — кружком для совместной революционной деятельности. Так возник легендарный кружок «чайковцев», из которого вышли многие герои революционного народничества, и который сыграл выдающуюся роль в российском освободительном движении.

А теперь — к моим доводам против сепаратного феминизма.

Быть мужчиной — не преступно, быть женщиной — не унижительно. Но как стать человеком, как стать самим собой — «по ту сторону мужского и женского»?

Одна из фундаментальных, базовых догм патриархального сексизма гласит: между женщиной и мужчиной невозможна дружба. Почему невозможна? Да потому, что дружба — основана на взаимопонимании, взаимном уважении, равенстве, способности видеть и ценить друг в друге личность. А мужчина и женщина,

по патриархальным представлениям, это существа с разных планет, представители разных видов, полностью онтологически определяемые своей половой природой. И, значит, они могут находиться между собой исключительно в отношениях субординации, воспринимать друг друга лишь как сексуальные объекты, а потому межличностные взаимоотношения между ними почти исключаются. Сепаратный феминизм полностью воспроизводит и повторяет эту догму (несколько иначе её истолковывая). Для феминисток-сепаратисток мужчинам и женщинам, подобно «Востоку и Западу» в знаменитом стихотворении Киплинга, «вовек не сойтись». Ведь мужчины всегда (хотя бы потенциально) — угнетатели и палачи, а женщины всегда — угнетённые и жертвы. Здесь возможно только разделение, война, гомогенные женские (и мужские) сообщества. В них женщины будут лелеять, обретать и культивировать свою, репрессированную злобными мужчинами, «истинную женственность», а мужчины — если захотят и дозреют до осознания своей всеобщей неизбывной вины — могут искоренять свою отвратительную эксплуататорскую и агрессивную «мужественность». Дружба, диалог, сочувствие, сотрудничество, солидарность, взаимопонимание «по ту сторону мужского и женского» между личностями-мужчинами и личностями-женщинами для сепаратных феминисток, разумеется, также невозможны, как и для современных адептов патриархального мышления. Если это не сексизм, не обоснование и не увековечивание гендерных барьеров и стереотипов, то что это?

На словах критикуя сексизм, сепаратистки лишь меняют его форму. Они создают новый образ врага, и этот враг — не власть, не патриархат, не капитализм, а мужчины, все скопом. «Мужское» гипостазируется, отождествляется со злом, агрессией, войной — и переносится на половину всего человечества. «Женское» же обожествляется, восхваляется, ассоциируется с миром, созиданием, любовью и — опять же переносится на вторую половину человечества. Выстраиваются новые полосы отчуждения, воздвигаются новые стены, создаются основы для новых конфликтов и сегрегаций. Принцип коллективной вины мужчин (по самому факту их рождения мужчинами), провозглашаемый сепаратным феминизмом, несправедлив и чудовищен своей безликостью, как всякий принцип коллективной вины. Это ничем не лучше расизма или нацизма, огульно объявляющего «плохими» и «хорошими» целые народы и расы. На место межчеловеческой солидарности в борьбе за общую свободу и стремления каждого человека воплотиться как уникальная

личность, снова приходит тупая и глупая ошибка «стенка на стенку» по половому (гендерному) принципу, которая не устраняет искусственное разделение и власть, а лишь укрепляет их.

Почему несправедливо объявлять всех мужчин угнетателями (по аналогии со всеми жителями колониальной метрополии, всеми буржуа при капитализме, всеми белыми в обществе расового апартеида)? Эта аналогия не совсем корректна. Да и английский пролетарий времён Диккенса вовсе не был тождественным по своей «эксплуататорской сущности» с какими-нибудь чиновниками английской колониальной администрации в Индии. Кроме того, мужчины — на свой лад, тоже страдают от патриархата и калечатся этой системой, лишаящей их свободы. Но, говорят сепаратные феминистки, мужчины страдают от патриархата меньше, чем женщины. Допустим.

Давайте даже условно примем на время эту аналогию. Все ли дворяне России XIX века были негодьями и угнетателями? Конечно, нет! Ведь среди них были люди, сознательно отвергшие несправедливый порядок вещей, отрицавшие крепостное право и самодержавие, отказавшиеся от своего привилегированного положения, ушедшие в освободительное революционное движение, рисковавшие жизнью. Что же, считать паразитами декабристов, вышедших на Сенатскую площадь, Огарёва, добровольно освободившего своих крепостных и отдавшего им всю землю, Бакунина, просидевшего восемь лет в крепостях на цепи? По логике сепаратных феминисток, по логике коллективной тотальной вины, — да! Им не должно быть места в освободительном движении, ведь они имели несчастье и вину родиться мужчинами и дворянами!

А все ли крепостные были врагами рабства? Сколько было испорченных веками неволи людей, пронизанных холопством и лакейством, отвергавших «волю», сдававших народников полиции! Это о них — горькие строки Некрасова:

*Люди холопского звания
Сущие псы иногда.
Чем тяжелей наказание,
Тем им милей господа.*

Таким образом, принцип коллективной вины, основанный на формально-классовом или формально-биологическом подходе, не работает. Существующее общество объявляет «мужское» хорошим, человеческим, сепаратистки выворачивают этот принцип наизнанку, объявляя

«мужское» плохим, а «женское» — хорошим. В обоих случаях абсолютизируется искусственно сконструированное «мужское и женское» (в ущерб как личному, так и общечеловеческому), и на этой основе выстраивается образ врага и образ друга порождая новые стены, новые иерархии и новые конфликты.

В чём, собственно, состоит «вина» мужчин, всех мужчин, по мнению сепаратных феминисток? Вина всегда связана с личной ответственностью, личным выбором. Скажем, я решил стать фашистом или большевиком — это моя осознанная ответственность, со всеми вытекающими из неё последствиями, включая возможность пересмотра этих убеждений, как людоедских. Если я рождён в среде помещиков, капиталистов, рабовладельцев, то это уже не мой личный выбор, здесь намного сложнее порвать со своим окружением, роднёй, привычками (и более проблематично говорить о «вине» и ответственности). Именно поэтому социальная революция направлена против капитализма как системы, а не против капиталистов. Однако, и здесь возможны исключения: граф Лев Толстой или фабрикант Роберт Оуэн, сумевшие уйти «за флажки» своей касты — и стать людьми. Так что и здесь не работает принцип тотальной коллективной вины. Но от своей расы, от своего пола, от своего этноса почти невозможно отказаться — в этом нет ничего постыдного и преступного. Поэтому быть женщиной — не унижение и не стыд (если она сама себя не считает рабыней и «человеком второго сорта»), быть мужчиной — не преступление и не вина (если он не стремится стать «господином»). Патриархат — не биологическая система, не система экономического обладания собственностью; это система социальных отношений, ролей, психологических предрассудков, гендерных условностей (как писала Симона де Бовуар: «Женщиной не рождаются, женщиной становятся»). Если человек (неважно — мужчина или женщина) не принимает этих отношений, условностей, ролей и иерархий — этот человек «невиновен». Для преодоления патриархата не надо менять (искоренять) свой пол или отказываться от своего имущества; достаточно преодолеть некоторые общественные стереотипы, изменить нечто важное в своём сознании и поведении. Поэтому в отношении патриархата нет изначально «виновных» или «невинных». Линия разделения здесь проходит отнюдь не по полу, она — внутри каждого человека.

Преподавая в, преимущественно, женском вузе, я горестно констатирую: сколь многие девушки-студентки заражены патриархальными предрассудками (половая принадлежность вовсе не спасает их от этого): молятся на се-

мейные ценности, мечтают продать себя в рабство мужу, исповедуют гомофобию и искренне заявляют: «Разве женщины способны понять философию?». Поэтому очевидно, что водораздел между людьми проходит отнюдь не по полу, а между отдельными личностями. Существующая патриархальная культура — не «мужская» и не «женская», она — бесчеловечная и обезчеловечивающая. И среди её приверженцев и проводников, и среди её противников-феминистов есть и мужчины, и женщины. Наш **общий** смертельный враг — эта система предрассудков, стереотипов, ханжества, несвободы, иерархии и господства. Пока мужчины и женщины будут бороться друг с другом (также как немцы с французами, европейцы с азиатами) государство, капитализм и патриархат могут чувствовать себя в безопасности (тем более, в эпоху консервативной реакции и «духовных скреп»). Лишь солидарность угнетённых, свобода самореализации, равенство непохожих личностей, кооперация и координация в борьбе людей способны подорвать этот порядок вещей.

Мы, анархо-феминисты, мужчины-феминисты протягиваем руку нашим сёстрам, женщинам-феминисткам и анархисткам, поскольку не хотим никаких привилегий и доминации. Но принять эту руку или отвергнуть её — дело их свободного выбора. Мы не хотим быть господами или рабами, мы хотим быть свободными братьями и сёстрами.

Солидарность или сепарация?

Сторонницы феминистского сепаратизма утверждают: мужчинам не понять женщин с их страданиями. И потому женщинам надо иногда быть одним, наедине друг с другом. Да, в некоторых ситуациях это очевидно: в гинекологии, в туалете, в кризисных центрах. Но зачем эти редкие исключения возводить в систему и правило, объявлять основой политического движения? По этой логике москвичи и провинциалы, инвалиды и «здоровые», люди, не служившие в армии и служившие (прошедшие через страшные страдания) должны объединяться порознь друг от друга. Наоборот, взаимное дополнение, помощь, забота, диалог, солидарность должны лежать в основе либертарного общества и анархического движения. Как иначе нам понять друг друга и помочь тем, кто не похож на нас и лишён того, что мы имеем (будь то жизненный опыт, здоровье, «мужские привилегии», «московская прописка»).

Сепаратистки убеждены в том, что мужчине никогда не понять женского опыта и таких его

составляющих, как насилия и приставания на работе, сложности, связанные с материнством и т. д. Но ведь каждый опыт страдания и уникален, и универсален. Каждый, кто сталкивался с несправедливостью и унижением, способен понять другого. Или все мужчины навеки обречены быть сексистами, паразитами? Но справедливо ли, гуманно ли, либертарно ли навеки заклеить половину человечества только по факту рождения мужчинами — без права на оправдание и навеки обелить вторую половину — без намёка на виновность?

Нет слов, отвратительны таблички «Только для белых» в автобусах и ресторанах США до начала движения чернокожих за равноправие, как и система апартеида в ЮАР. Но разве лучше чёрный расизм и надписи «Только для чёрных»? (А всё это, увы, тоже имеет место). Ни у одной расы нет ни вечной индульгенции, ни вечной презумпции невиновности — оснований для выстраивания сегрегации. Чудовищен геноцид евреев, устроенный нацистами. Но разве это даёт индульгенцию государству Израиль на те зверские насилия и депортации, которые это государство совершает над палестинскими арабами?

Всякий опыт дискриминации, страдания, унижения, страха — неповторим, но и общечеловечен. Люди способны к сочувствию, сопереживанию — независимо от пола, возраста, этноса, расы. Иначе каждой дискриминируемой группе пришлось бы обособляться от всех прочих.

«Проникнув в феминистское движение, мужчины поработят и колонизируют его», — пугливо восклицают сторонники сепарации. Неужели все мужчины такие? А разве проблемы, которые ставит феминизм, не важны для мужчин? Разве история феминизма наполовину — не история мужчин? Как быть с Чернышевским и Миллем, Сартром и Ибсеном? Явно или латентно за всеми тезисами сепаратизма скрывается презумпция мужененавистничества и вера в принцип коллективной вины.

Но цепи патриархата крепко держат всех нас. Если одна половина человечества уйдёт от другой и будет сепаратно «освобождаться» (воображая другую в образе вечного насильника), а вторая, оставшись одна, будет обречена вечно и неизбежно «каяться» в своих врождённых грехах, но не в силах извести в себе «мужчину-злодея», — ничем хорошим, кроме новых уродливых форм сексизма, это не закончится. Сепаратизм сначала сводит все виды угнетения к одному — патриархату (хотя их много и среди них есть и матриархат), затем отожд-

дествляет «патриархальное» с «мужским», и делает выводы в духе андрогинии (мужененавистничества), подменяя феминизм — борьбу с сексизмом, — борьбой против мужчин. На деле и формы угнетения вообще, и сексизма, в частности, очень различны. А главное, виновни-

ками и жертвами патриархата являемся все мы вместе, все те, кто принимает патриархальные ценности и правила игры. И лишь вместе мы можем его ниспровергнуть.

Петр Рябов

Кто боится сепаратного феминизма?

...Итак, мы — раскольницы и сектантки. Разжигаем, подстрекаем, война полов — наше все. Хотим уничтожить мужчин и изолировать женщин в политическом гетто. Разделяем пролетариат, уничтожаем человеческую солидарность. Игнорируем насилие, которое совершают женщины, и женские привилегии. Нас не трогают страдания мужчин, которых угнетает патриархат. Мы их всех ненавидим. А еще мы замешиваем мацу на крови христианских младенцев. Мы — сепаратные феминистки!

Хотите знать, как я дошла до жизни такой? Когда я идентифицировала себя как феминистку, я думала, что знаю о гендерном угнетении все: но тогда я еще не познакомилась с мужчинами-«феминистами». Для этого потребовались десятки дискуссий-собраний-обсуждений феминизма в смешанной аудитории. Обсуждений, темой которых, по идее, являлись проблемы женщин: домашнее насилие, материнство, пособия, дискриминация на работе, харасмент... Объективация женского тела и игнорирование нашей субъектности, сексизм культуры... Выученная беспомощность и социальная дезадаптация, которая является сутью социализации в женском гендере... Но, о чем бы мы изначально не собирались обсудить, приходилось говорить о мужчинах. Дело в том, что носители мужского гендера не могли успокоиться, не задав вопрос «А правда ли феминистки против мужчин?», после которого приходилось проводить обязательный ритуал под названием «Развеивание негативных стереотипов». Суть его в следующем: хочешь покоя — произнеси несколько нехитрых защитных мантр: «нет, мы не собираемся поражать мужчин в правах, нет, мы не считаем, что каждый мужчина рождается насильником и садистом, нет, мы даже не против гетеро-секса по взаимному согласию, нет, мы не строим матриархат в отдельно взятой стране, нет, дело не в биологии, а в социальном заказе...» Однако, умиротворенные нашими мирными декларациями, друзья феминисток задушевно поднимали тему об «угнетении мужчин патриархатом». По законам жанра, нам пола-

галось посочувствовать и порадоваться их глубокой рефлексии и тонкой душевной организации. Одним словом, персонажи типа «я-не-сексист», составляющие стабильно-небольшой процент всех женских мероприятий и феминистких пабликов, соглашались снисходительно послушать о наших проблемах — но только в обмен на заверения в лояльности и порцию эмоционального обслуживания. И на прощание, из лучших побуждений, не забудут выставить тебе оценку по пятибалльной шкале: таки да, нам нравится ваш «эгалитарный» («анархический», «марксистский» «правозащитный» — кто что котирует) феминизм — мы видим, что вы — не те безумные радикалки. Одним словом — «вы хорошие девочки, и мы пока позволим вам существовать».

Это бесит. Сепаратный феминизм часто начинается с понимания, что быть удобной и безопасной ты больше не хочешь. «Лучше по уши влезть в дерьмо, чем понравиться вам!»

Немного истории: политическая Москва сегодня имеет с парижским Красным Маем и шестидесятнической Америкой одну общую черту — угнетение активисток. Современницы этих легендарных дней также, как и многие из нас, на износ работали в организациях и группах антирасистского, антивоенного и левого движений — по странному совпадению оказываясь на вторых и третьих ролях. Строчили на пишмашинках, варили кофе — отличаясь от офисных секретарш только тем, что занимались всем этим бесплатно. Выгорали. Таскали флаги, рисовали плакаты и вытягивали выматывающую организационную рутину: это была устоявшаяся практика, которую десятилетиями не ставили под сомнение. Пока не поднялась вторая волна феминизма, под влиянием которой женщины стали чаще замечать и проблематизировать свое угнетение. А товарищ-мужчины, позиционировавшие себя как радикальные поборники равенства и борцы со всеми видами привилегий (особенно с теми, которые им самим не повезло получить), отчаянно отрицали свое прямое участие в

угнетение женщин-соратниц и выгоды от него.

«Это не политика» — всякий раз утверждали они, и утверждают по сей день. Все, что относиться к сексу, не является политикой — даже если это изнасилование. То, что происходит у мужчины с женщиной дома — это не политика, даже если речь идет о фактическом принуждении к неоплачиваемому труду, даже если это — избиения. Сексизм, харасмент и неравные возможности в политических организациях — это не политика, потому что у нас этого не может быть, потому что не может быть никогда. Все, что происходит с женщинами — это не политика, просто потому что происходит с женщинами.

«Можно ли рассматривать отношения между полами в политическом смысле? Это зависит от того, как определяется политика. Под политикой я понимаю отношения, структурированные властью, все устройство общества в целом, при котором одна группа людей управляет другой, одна группа является господствующей, а другая — подчиненной» — писала Кейт Миллет, основательница одного из первых сепаратных движений. Она политизировала те самые, заведомо незначимые сферы семьи и домашней работы, этикета, секса, одежды... Все то, что считалось позорно-незначительным и при этом неприкосновенным как сугубо «личное». Территорию, на которой практики повседневного и повсеместного угнетения оставались невидимыми — становясь еще более репрессивными.

Радикальный феминизм признал политическим все, что служит воспроизводству и удержанию власти. Однако новое понимание политики требовало иных форм. Темы, в которых каждая из нас становится как нельзя более уязвимой, травматический опыт насилия и необходимость полного переосмысления самой себя требовал иного формата обсуждения. Та уязвимость и стигматизация женщин, открывавшаяся при обсуждении личного опыта, в том числе опыта насилия, отчужде-

ния и объективации собственного тела, требовала определенной психологической безопасности. Собственно, поэтому и возникли первые сепаратные группы. Однако сочетание изначально стигматизированной проблематики с закрытостью вызвало бурную реакцию.

...В семидесятые годы десятки женщин уходили из левых организаций и социальных движений, создавая собственные объединения. Наступило время многотысячных женских маршей и громких акций, сепаратных коммун, шелтеров для беженок от домашнего насилия, фем-арта и фем-правозащиты. Обывателей пугали антиутопиями про пост-апоклетический матриархат, в котором размножаются почкованием и сбрасывают со скалы младенцев мужского пола, почти затмившие по популярности оруэлловский «ангсоц» и ядерную катастрофу.

Тогда-то мужчины все часто стали чувствовать себя жертвами «обратного сексизма». Еще вчера не желавшие обсуждать гендерную повестку в открытых активистских пространствах, они вдруг проявили бурный энтузиазм участвовать в сложившемся, самостоятельном и сильном движении. «Сначала над вами смеются, потом вас пытаются уничтожить, потом...» — а потом вами пытаются руководить...

«Дисбаланс власти также проявляется в асимметрии доступа. У президента США есть доступ к кому угодно практически для чего угодно, если он того захочет, но практически никто не может получить доступ к нему... Тотальная власть — это безусловный доступ, тотальная беспомощность — это быть всегда доступным. Создание и манипуляция власти состоит из манипуляций и контроля доступа. Встреча только для женщин — это фундаментальный вызов структуре власти. Это безусловная привилегия хозяина — войти в лачугу рабыни, когда ему этого захочется. Если рабыня решила не пустить хозяина в лачугу, то это равнозначно отказу быть рабы-

ней». Мэрилин Фрай «Некоторые мысли о сепаратизме и власти.

Фем-сепаратизм — это попытка отстроить собственные границы, создать независимую коммуникацию друг с другом... Но прежде всего — это право закрыть дверь. И тот, кто не был его лишен, просто не представляет его значимости. И если мужчина чувствует себя оскорбленным одним лишь только сепаратным принципом — значит, те самые гегемонические претензии у него есть. Так что мы не собираемся оправдываться в том, как распоряжаемся своим пространством, и отчитываться за наше собственное время. Сама по себе сепарация женщин не угрожает мужчине ничем — кроме потери контроля. Всего лишь.

Акт сепарации — уже сам по себе является практикой освобождения. И тот эмпаурмент, который обретает женщина, которая отныне сама определяет границы и коды доступа, ценнее и результативнее приобретения гипотетического союзника мужского пола. Просто потому, что освобождения можно добиться только своей собственной рукой. И потому, что «настоящая жизнь начинается с отчаяния»: надежда на то, что просвещенный и просвет-

ленный мужчина добровольно откажется от своих маскулинных привилегий, только утверждает патриархатный гендерный порядок. Потому что такая надежда — не что иное, как ожидание понимания и эмпатии от сильного и ставка на добрую волю носителя власти. Только научившись не верить, не бояться и не просить, женщина может вернуть свою отчужденную субъектность.

Сепаратный феминизм не подразумевает отказа от политики как таковой: формы и степени сепарации определяются каждой женщиной для себя самой. От закрытой лесби-коммуны — до просто разговора двух женщин: без мужчин, не о мужчинах... Принцип сепаратности отнюдь не исключает марксизм, анархию, антифашизм — однако феминизм мы предпочитаем оставить только для самих себя: выход — свободный, вход — только для женщин. И если феминизм — это путь обретения женщиной субъектности, то цель сепаратного феминизма — это создание женского движения как самостоятельного политического субъекта.

Аня Брюс

СОПРОТИВЛЕНИЕ

Игаль Левин: «Израиль как проект свое отжил»

Интервью с активистом израильской федерации анархо-коммунистов «Единство» Игалем Левиным

- Скажи вначале про себя лично, какая у тебя сейчас ситуация с армией.

- Я бывший кадровый военный офицер, отслужил четыре года. Потом, когда полевел и перешел к анархическим убеждениям, нормально завершил службу после того, как закончился контракт. Но здесь служишь до 40 лет в резервных войсках — остается звание, постоянно едешь на сборы. Я должен был участвовать в сборах в боевой артиллерийской части. Так как убеждения у меня уже были анархические и леворадикальные, я официально послал в армию письмо, отказался служить дальше и, по сути, дезертировал. Не явился на сборы первые, не явился на сборы вторые, армия какое-то время меня преследовала, пытались

доаукаться, достучаться, вызвать на собеседование, сейчас меня оставили в покое. Одна из причин, по которой меня не трогают и никуда не сажают, хотя в теории это грозит от месяца до двух лет тюрьмы, это то, что здесь, в Израиле, много отказников, но в основном это сержанты и рядовые, офицеров отказников очень мало, и просто не хотят раздувать скандал. В леворадикальной среде я человек известный, за моей спиной стоят люди, среди которых есть историки и журналисты с доступом в СМИ, если меня посадят, тем более на большой срок, это вызовет общественную реакцию. Израиль кичится, что это такое милитаристское военизированное общество, поэтому совсем не желательно оглашать то, что есть

офицер-анархист, который отказался служить в армии по политическим убеждениям. Лучше потерять одного человека, чем превращать это в гражданский скандал.

- Расскажи теперь в целом про вашу движуху, сотрудничаете ли вы с арабскими жителями или организациями в каких-то мероприятиях?

- Во-первых, каждую пятницу активисты из организации анархистов-коммунистов «Единство» ездят в Бильин или Наби Салех, это деревушки, которые находятся на оккупированных территориях, на границе, по приглашению народных советов или комитетов этих деревень. В каждой деревне есть староста, за которым стоит народный сбор. Они хорошо знают израильских левых активистов, знают анархистов, зовут нас часто участвовать в их мирных демонстрациях против оккупации, против разделительной стены, которую строят между Израилем и Западным берегом. Это мирные демонстрации, но заканчиваются очень кроваво, начинают обстреливать газом, резиновыми пулями, то есть постоянно происходят столкновения с армией. Потом есть арабы-анархисты в Иерусалиме, Назарете, Хайфе, которые очень тесно с нами сотрудничают, но мы не принимаем арабов в организацию на официальном уровне, чтобы не было поводов для властей или охраны доебаться до нас. Это очень щекотливая тема, любой араб здесь рассматривается охранкой как потенциальный террорист. Мы предпочитаем, чтобы они неформально состояли в организации. Они переводят наши тексты на арабский язык, помогают связями.

- Вы сотрудничаете в какой-либо форме с левыми организациями, например, с рабочей партией ДААМ, ХАДАШ или другими?

- Сотрудничает очень мало и редко, потому что дискурс у левых в Израиле этатистский, они все выступают или за два государства, или за одно, плюс марксизм в Израиле очень догматичен, это такой вульгарный марксизм — национализация средств производства, право наций на самоопределение и т.д. Есть сотрудничество с общественными левыми организациями, независимыми профсоюзами, но опять же очень осторожное и тактичное. Когда «Единство» образовывалось, мы пытались создать самобытное и уникальное движение, а не очередную левацкую секту. Это, по сути, первая анархическая организация в Израиле, до нас были три или четыре попытки на протяжении десятилетий, но неудачные, и мы не хотим терять эту специфику организации и чисто черный, анархический дискурс в ней, как аль-

тернативу всему левацкому движению. Поэтому многие к нам и приходят, «Единство» разрослось, и мы развиваемся в федерацию страны, в которой состоят уже десятки людей, больше пятидесяти человек, что для семимил-

Это мирные демонстрации, но заканчиваются очень кроваво, начинают обстреливать газом, резиновыми пулями, то есть постоянно происходят столкновения с армией.

лионного населения Израиля довольно много. Среди тех, кто к нам приходит, очень много бывших левых активистов, которые разочаровались в типичном левом дискурсе и ищут что-то новое, радикальное и непохожее, и находят ответы на свои вопросы у анархистов.

- Но на 1 мая вы общей колонной выходите?

- 1 мая — это исключение. Выходит единая колонна левых от умеренных социалистов до ХАДАШ — аналога КПРФ и радикалов.

- А в выборах ваши люди участвуют?

- Мы разделяем позицию организации и индивидуальную. Сама организация «Единство» бойкотировала последние выборы, но были активисты, которые пошли проголосовать, в основном, за леворадикальные карликовые партии типа ДААМ, которые стопроцентно не проходят в кнессет, просто чтобы их голоса не достались правым.

Игаль Левин

- Сотрудничаете ли вы с беженцами из африканских стран?

- Последний год работаем, можно сказать, только с ними очень много; нами был организован Марш бедноты, состоявший в основном из беженцев. Мы вывели на улицы от трехсот до четырехсот человек на нелегальный марш на юге Тель-Авива. У них есть свои низовые народные комитеты в кварталах, так как ими не занимается государство, они самоорганизуются. Есть общественные гуманитарные организации, которые с ними работают. В этих комитетах и организациях состоят наши активисты, которые проталкивают там анархические идеи самоорганизации, самоуправления, того, что не нужно надеяться и уповать на государство, а пытаться бороться своими силами, потому что если они будут ждать от государства подачки и помощь, то просто все погибнут. Это действует и работает, был этот самоорганизованный марш, во время которого жители южного Тель-Авива увидели, что беженцы существуют и являются силой. Недавно произошла забастовка, в которой участвовало больше половины всех израильских нелегалов в Тель-Авиве, парализовавшая все низовые работы, где они трудятся, такие как уборка, мытье посуды, гостиницы. Улицы оказались грязными, посуду никто не мыл в ресторанах, не укладывал постели в гостиницах. Парализовало до такой степени, что многие бизнесмены завывали, что еще один или два дня, и они обанкротятся. В подготовке, помощи, организации и координации забастовки тоже приняли участие анархисты из «Единства».

- Как в принципе ты оцениваешь перспективы арабо-израильских отношений?

- У меня очень пессимистичный взгляд на эти вещи. Более сотни лет конфликта, столько пролилось крови и столько ненависти, столько погибших людей с обеих сторон, в особенности со стороны арабов, что говорить о мире нет никакого смысла. Территория крохотная, разделить здесь нет просто места, кто говорит о двух государствах, которые будут жить бок о бок, это просто миф и бред. Этого не будет, тут нет ни ресурсов, ни возможностей, ни земли. По моему мнению, Израиль, как проект, свое отжил, он не нужен уже Западу, который тащит его на своей спине очень нехотя, и, в конечном счете, он будет лет через двадцать, максимум тридцать, прикрыт. Те, кто отсюда не успеет уехать, убежать, окажется лицом к лицу с массами обездоленных и нищих арабов, которые придут с Западного берега и из Газы, и будет очень страшно. Наиболее дальновидные люди это хорошо понимают и отсюда бегут, особенно богатые, 70% капиталистов Из-

раиля здесь не живут, они делают бизнес на военной индустрии, но живут за границей. Все бизнесмены, крупные политики уезжают из Израиля. Люди из низших классов, которые приезжают сюда и видят, какой здесь пиздец творится, тоже уезжают, в той же Москве сейчас живет на постоянной 10000 израильтян. Финансирование уже уменьшено, плюс Израиль уже не нужен самим евреям. Если когда-то он был построен энтузиастами-пуристами, которые были готовы умирать и убивать за свое государство, сейчас такого больше нет, армия прогнивает и разваливается, это уже не та непобедимая армия, которая фактически без оружия и подготовки, на одном энтузиазме, держалась и побеждала врагов. Сейчас в Израиле развиваются бизнес, конкуренция, процветают эгоистические чувства, нет больше духа кибуцев, братского общества евреев, типа еврей еврея не обидит. Ведь Израиль рождался как утопия, рабочее еврейское государство, созданное националистически настроенными «левыми» радикалами. Сейчас всего этого нет, гнилая армия держится на технологиях, всяких роботах, авиации и т.д. Но армия жрет бешеные бабки, и как только кран с этими бабками будет прикрыт, армия начнет разваливаться, а за ней само общество и государство. И оно уже разваливается, растут цены, повышается стоимость жизни, при этом зарплаты не растут. Увеличивается уровень преступности, падает социальное обеспечение, разрыв между классами становится все более вопиющим, и если у правящих классов есть возможность съехать на Запад, то бедняки, зажатые в гетто, от арабской бедноты до еврейской бедноты, а сейчас еще и беженцы добавились, оказались как между молотом и наковальней. Поэтому будущее здесь очень печально.

- А почему финансирование из-за рубежа будет сокращено?

- Запад и особенно США финансировали Израиль когда-то, потому что это был форпост против Советского Союза, он был как сухопутный авианосец на Ближнем Востоке, когда была холодная война. С концом холодной войны, развалом советского блока, исчезновением красной угрозы и ядерной войны мировой, отпала надобность и в Израиле как в форпосте. Плюс нужно не забывать, что Америка и Запад очень сильно зависят от арабской нефти, и в конечном итоге арабская нефть намного ближе и дороже, чем еврейская кровь. И если им в один момент придется выбрать между арабской нефтью и еврейской кровью, конечно, они выберут арабскую нефть. У Америки очень хорошие партнерские бизнес-отношения с армией Египта, с Иорданией, Саудовской Аравией; Ирак, по сути, находится под управ-

лением американцев после того, как они его оккупировали и т.д. Израиль становится все меньше нужен США.

- А перспективы анархо-движения в регионе ты как оцениваешь в связи с общей ситуацией? Что можно еще сделать?

- Главная цель анархистов здесь в Израиле - это крепить разбитое и больное общество. Мы пытаемся действовать там, где начинает буксовать и давать сбой само государство, там, где люди оказываются брошены на произвол судьбы, как африканские беженцы, например, арабы-палестинцы и еврейская беднота из кварталов. Были попытки, например, помогать работающим в секс-индустрии проституткам, которые на уровне рабства держатся здесь в Израиле, это страшная эпидемия, которой никто не занимается даже близко. На страданиях молодых девушек делаются бешеные бабки, хотя там полная антисанитария, нищета и эксплуатация. Перспективы ближайших трех-пяти лет - создать синдикат, который объединит рабочих арабов и евреев, на основе анархического антиэтатистского дискурса. Перспектива на более далекие годы - внедрить анархические и анархо-феминистские идеалы в арабскую среду, где они сильно не развиты. Арабское общество очень патриархально и консервативно, если среди арабов появляются леваки, то это, как правило, консервативно-вульгарные марксисты, которые смотрят на эксплуатацию женщины не с точки зрения патриархата, а только с экономической точки зрения. Хотелось бы, чтобы в будущем, когда начнется социальная революция, а она начнется со стороны арабской бедноты, и арабы будут задавать тон, в ней как можно больше было радикальных анархических настроений, идей и, может быть, организаций. «Единство» рассматривает себя как генератор идей и общественного мнения, а не как боевую милитантную организацию или рабочий синдикат. Время для них еще не пришло, сейчас надо развивать именно дискурсы как анархо-коммунистические в плане экономики, так и анархо-феминистские в плане патриархата, антиклерикальные в плане религии, потому что религия занимает здесь очень сильные позиции как со стороны ультрарелигиозных евреев, так и религиозных арабов. Также тем людям, которые останутся в Израиле, нужно помочь наладить максимальные связи с арабами, чтобы в конечном итоге эти люди не погибли. Мы рассматриваем конфликт только с классовой точки зрения, поэтому для нас важно налаживать интернациональные связи между еврейской и арабской беднотой, чтобы, когда начнется интифада, арабские трудящиеся не

перерезали еврейских, а сплотились в единую интернациональную спайку, как бы это идеалистично не звучало.

- Как в целом ты оцениваешь последствия арабских революций для ближневосточного региона?

- Нужно понимать, что это были буржуазные революции, то есть сменилась правящая верхушка, капитализм остался на месте, также как и отчуждение, дихотомия между классами и эксплуатация трудящихся. То, что в Египте скинули Мубарака, а потом пришли исламисты во главе с Мурси, а сейчас военщина и, по сути, хунта, ничего не изменило. Сирия вообще погрязла в гражданской войне очень кровавой, где погибли и погибают сотни тысяч, миллионы беженцев, и ее уже нет как страны, она развалилась на анклавов. То же самое можно сказать и про Ливию. С одной стороны, да, арабская весна дала большие надежды и показала людям, что бороться можно и нужно, что власть не является абсолютом, который непоколебим, ее можно скинуть. Она научила людей самоорганизованности на Тахрире и в Сирии, и в Ливии на первых порах мы видели чудеса самоорганизации, но так как опять же общество арабское очень консервативно, доминантой там является религия, очень патриархально и шовинистично, это все скатилось к банальным кровавым мясорубкам. Так что не стоит идеализировать эти революции. Арабским анархистам нужно продолжать дальше пропаганду и разъяснительную работу, говорить людям, что это не конец, это только первый виток революции, нужно двигаться дальше в сторону настоящей социальной революции, когда будут скинуты и государство, и капитал, а не только одна голова заменена другой головой. Ведь в том же Египте военщина так и осталась у власти, Мубарак же был бывший военный, представитель военных кланов, а теперь генерал Сиси претендует на место президента. А погибла тысяча человек на Тахрире, и вопрос, за что они погибли? За то, чтобы Мубарака сменил Сиси? Сомнительная перспектива.

- Как ты в связи с этим относишься к идее блоков разных сил? В Египте в процессе революции объединились исламисты, либералы и левые, чтобы скинуть Мубарака. Потом прошли выборы, победили исламисты, потом военные с либералами скинули исламистов и т.д. Не является ли порочной сама идея создания блоков ради краткосрочной политической цели, если это потом приводит к противостоянию и резне? Может быть, это вообще неправильный путь, когда

левые, правые, националисты, фундаменталисты объединяются ради свержения кого-то? Похожие блоки возникали и на Украине ради свержения власти или в России ради честных выборов...

– Я полностью согласен с постановкой вопроса. Это и моя личная позиция, и позиция организации, одна из причин, почему мы так сильно держимся в стороне от партий, даже от левых, а тем более либеральных или социал-демократических, мы не верим в общелевое объединение, тем более в союзы с либералами или националистами, мы рассматриваем их всех как врагов. Союз ради абстрактных целей типа скинуть президента или честных выборов – это порочный круг, в конечном счете, получается, что анархисты обслуживают либералов или националистов, которые потом снимают сливки со всего этого протеста, используя леворадикалов как пушечное мясо. Лучше оставаться маргиналами и малочисленным движением, чем гоняясь за массовой, оказаться в мясорубке репрессий тех же либералов или правых. Это мы видели и в истории, когда мощное и гигантское анархистское движение в Испании, CNT и FAI, поддержали республиканское правительство, а потом эта республика, которая казалась демократичной и гуманной, так же продолжала репрессировать анархистов, после свержения диктатуры Primo de Rivera из тюрем их так и не выпустили. Нужно учиться на уроках истории, той же арабской весны, когда левые присоединились к массовым протестам, смотреть на ту же Украину сейчас и видеть, что нужно всеми силами держаться в стороне от националистов, подчеркивать всегда свое отличие от них. Подчеркивать, что наша борьба классовая, что нас интересуют только низовые движения, а не национальные или общелиберальные ценности.

– Одно дело, когда мы говорим про образ мысли или разовые действия, типа акций, пикетов и демонстраций, другое – это то, что касается образа жизни. Есть ли здесь попытки создания анархи-

ческих коммун, кооперативов, школ и пр.?

– Здесь этого много, так как у Израиля наследие социалистическое, ведь киббуцы были, по сути, близки анархическим коммунам, социалистическое движение сказалось очень сильно. Есть, например, анархическая школа с таким шутовым названием «Школа наук о свободе». Это инициатива анархистов из «Единства». Раз в месяц мы проводим семинары (собираем классы от двадцати до тридцати человек) на разные темы от истории анархизма до радикального феминизма, социологии, психологии и т.д. Специфика этой школы уникальна тем, что те, кто преподает предметы, это специалисты своего дела, допустим, вести уроки по психологии мы приглашаем профессиональных психологов, по истории – историков. В этой школе нет деления на учителя и ученика, всегда ведется открытый диалог, каждый может поделиться своим мнением и поправить учителя. Такой альтернативой мы пытаемся показать, как может выглядеть педагогика без строгих иерархий в анархическом обществе. Есть у нас и молодежное крыло «Черная звезда», это детвора в возрасте от 14 до 18 лет, которая симпатизирует анархизму, в основном, это трудные подростки, оказавшиеся на обочине, с которыми мы занимаемся, пытаемся их социализировать в обществе, чтобы они не скатились в наркоманию, бандитизм и т.д. Пытаемся привить им либертарные идеи, в рамках общественной коммуны «Спартак» приучали их к физическому труду, сажали с ними огурцы, помидоры, картошку, обучаем их этике, например, идеям равноправия полов, не рассматривать женщину как инструмент или вещь и т.д. Есть два кооператива, в которых участвуют активисты «Единства».

Один – это бар, кинотеатр и кафе на севере Израиля. Другой – музыкальная студия и зал для выступлений и концертов в Тель-Авиве. Есть анархический киббуц «Самар», про который достаточно много материалов на русском языке. Наши активисты туда ездят, помогают финики

собирать. Это чисто анархо-коммунистический кибуц, там живет 250 человек, без денег и власти, это живая модель того, как будет работать большая высокотехнологичная коммуна в будущем обществе, при этом с высоким уровнем жизни. Есть скептики, которые говорят, что анархо-коммунизм не возможен, это война против всех, люди алчные, он работает только в маленьких группах по 10—20 человек. Таких людей мы везем в кибуц «Самар».

- А как ваше движение относится к проблемам ЛГБТ, феминизма, животрепещущим для российского движения?

- ЛГБТ, феминизм и т.д. очень активно использует государство в своих целях, вплоть до того, что гей-парады или парады гордости, как они тут называются, финансирует государство. Последний парад гордости стоил полмиллиона шекелей, которые выделила мэрия. То есть нацистское государство выделяет деньги на парад гордости. Сама община ЛГБТ, естественно, объединяется по признакам ЛГБТ, а не классовым, так что есть геи, лесбиянки и транссексуалы, которые вполне себе буржуи. Есть отдельно элитные организации гомосексуалистов. В противовес этому, буржуазным парадом гордости и объединенному не по классовым признакам ЛГБТ-движению, существуют альтернативные радикальные движения анархо-феминисток и анархо-квиров. Они бойкотируют буржуазное ЛГБТ вплоть до радикальных акций. Например, когда был буржуазный марш гордости, то анархо-квирсы перегородили им дороги и заблокировали движение этого марша со словами, что пока богачи процветают и живут в своих элитных гей-клубах, геи-бедняки умирают в трущобах от нищеты и болезней. Наша организация сотрудничает с ними и помогает им, нас не

может не радовать их классовый подход. Есть и очень радикальное движение анархо-феминисток, от совсем радикалок сепаратисток, которые держатся вдали от мужчин, в том числе, и от нас, «Единства», до не-сепаратисток, которые состоят в нашей организации. Мы против сепаратизма, конечно, мы за единое бесклассовое общество трудящихся, где мужчины и женщины будут жить в равенстве, с равными возможностями.

- Как государство и охранка реагируют на вашу деятельность, прессуют или нет?

- Прессуют. 90% деятельности «Единства» легальное, но были попытки и нелегальной деятельности: например, мы пытались построить баррикады и заблокировать марш еврейских фашистов в Яффо, нас схватили и пересажали, некоторых допрашивала служба безопасности «Шабак». Периодически бывают проблемы с полицией. Часть активистов, например, после прошлого 1 мая были арестованы и получили запрет в течение двух или трех недель приближаться к Тель-Авиву. Мы почти уверены, что среди наших 50 человек есть провокаторы. Мы устраиваем очень жесткий отбор, чтобы попасть в «Единство» нужны рекомендации трех товарищей, но, несмотря на это, провокаторы проникают в движение, пытаются его раскачать и привести к расколу. В целом, «Единство» - пропагандистская и просветительская организация, большая часть того, чем мы занимаемся, это педагогика и профсоюзы, а пока Израиль кичится тем, что он якобы демократическое государство, профсоюзная деятельность и педагогика разрешены. И мы это используем. Запретят - придется уйти в подполье.

Беседовал Ильяс Фалькаев

Демонстрация против разделительной стены в палестинской деревне Бильин

Поговорив с Игалем Левиным, я решил посмотреть на анархистов в действии. Кроме того, хотелось и самому выразить моральную поддержку палестинцам.

Я спросил Игалья:

– А можно поехать на демонстрацию против разделительной стены в палестинскую деревню?

– Да, — ответил он. — В эту пятницу в 9 утра. Ты поедешь на машине с Иланом Шалифом.

Илан Шалиф — 72-летний анархист, в конце 60-х — начале 70-х участвовал в леворадикальной группировке «Мацпен». За свои взгляды в 1968-м был изгнан из кибуца. Многие члены «Мацпен» в 70-е были арестованы по обвинению в подготовке покушения на тогдашнего министра обороны Моше Даяна и диверсионных акций на территории Израиля.

В назначенный час я прибыл на место встречи. Собралось человек пятнадцать. Люди были самого разного возраста — от 20 лет до 80. Мы разместились в трех машинах и поехали на Западный берег. Миновали блокпост. Товарищами в нашей машине была придумана легенда, что мы едем в поселение в гости к сестре, но все обошлось благополучно — документы никто не проверял. Наконец, прибыли в деревню Бильин. Демонстрация проходит еженедельно и начинается после пятничной молитвы. В ожидании, пока муэдзин закончит свое заунывное пение, все отправились есть фалафель. Для сравнения уровня жизни скажу, что в арабских кварталах Яффы на территории Израиля его цена может доходить до 16 шекелей, здесь же он стоил всего 4 шекеля. Мне есть не хотелось, так что я решил пройтись в сторону мечети. Пофото-

графировал мясника, огромным ножом ловко разделывавшего коровью тушу, висевшую прямо на улице. Мимо прошествовала группа человек в двадцать парней и девушек в арафатках. Европейские леваки, приехавшие поддержать палестинцев. У входа в мечеть познакомился с арабскими мальчишками. Чтобы по недоразумению не приняли меня за забредшего израильского поселенца, сходу объявил, что я русский.

– А, русиа, — обрадовались мальчишки.

Мы разместились в трех машинах и поехали на Западный берег. Миновали блокпост. Товарищами в нашей машине была придумана легенда, что мы едем в поселение в гости к сестре, но все обошлось благополучно — документы никто не проверял.

Сфотографировал одного из них на фоне портрета самого Арафата. Город Рамаллах, долгое время бывший его резиденцией, находится неподалеку. В отличие от сектора Газа, где рулит Хамас, на Западном берегу позиции арафатовской партии ФАТХ до сих пор сильны. Тут звонил телефон.

– Ты куда пропал? — спросил Игаль. — Я уж думал, тебя линчевали, — пошутил он.

Молитва закончилась. Пора было выдвигаться на демонстрацию. Нас набралось несколько десятков — люди самого разного толка, от анархистов и других леваков до пропалестинских националистов. Мы с товарищами на той же машине подъехали ближе к стене. Дальше пошли пешком. Палестинцы развернули палестинские флаги, анархисты — анархистские.

Седобородый мужчина в джинсовом костюме начал скандировать речевки.

- One, two, three, four, — кричал он.

- Occupation no more! — вторили ему остальные.

- Five, six, seven, eight.

- Israel is fascist state!

Так подошли к стене. Налево она тянулась далеко вниз по сплошь усеянной камнями пустынной земле, чем-то напоминая Великую китайскую стену, ограждавшую страну от набегов кочевников. Странное зрелище в современное время. Прямо и правее за ней виднелось израильское поселение. Из-за стены маячили каски военных, постоянно переговаривающихся с кем-то по рациям. Еще правее на холме окопался бронетранспортер. Палестинцы предложили пройти дальше, на по-

лоску земли между ограждением из колючей проволоки и стеной. Некоторые из демонстрантов чуть помялись в нерешительности, но все же пошли за ними. Кто-то так и остался стоять чуть в стороне. Полноватый палестинец среднего возраста и двое мальчишек начали подбирать с земли камни и неторопливо швырять их в каски солдат. Если раздавался характерный щелчок, это значило — камень попал в цель. Солдаты терпеливо сносили удары и не отвечали.

Нас набралось несколько десятков — люди самого разного толка, от анархистов и других леваков до пропалестинских националистов. Палестинцы развернули палестинские флаги, анархисты — анархистские.

- Сейчас в Израиле Джон Керри, так что у них приказ не применять насилие, — пояснил мне кто-то из анархистов.

«Значит, угара не будет», — подумал я даже с некоторым разочарованием. Как правило, из-

Акция анархистов в Израиле

раильтяне применяют обычный слезоточивый газ, но могут выпустить и газ «вонючку», неприятный запах которого вызывает рвоту. Одежду от него не отмыть, приходится выбрасывать. Стреляют еще резиновыми пулями. Ранения и увечья бывают, если граната с газом угодит в голову или пуля в глаз. Несколько лет назад один из приехавших с нами пожилых активистов, Израэль Путерман, был ранен в ногу и попал в больницу. По его словам, пули на самом деле стальные, просто покрыты резиновой оболочкой. Смертей немного — я слышал всего о двух палестинцах, погибших в районе этой деревне, и еще об одном активисте, застреленном по ошибке самими палестинцами. Они приняли его за обычного израильянина.

Один из палестинцев подсадил на плечи другого, и тот попытался перелезть через стену. У него это не вышло, но тут терпение солдат лопнуло. Раздались хлопки, и я увидел перед собой первое облачко дыма. Откуда-то из-за наших спин появились крепкие парни с пращами. Этот вид оружия мне особенно понравился. Парни вращали ими, как мастера боевых искусств железными цепями в фильмах про кунг-фу. Праща раскручивается над головой, и оттуда со свистом вылетает камень. Мощно запущенные камни долетали уже не только до солдат, но и до израильских поселенцев, собравшихся на пригорке с той стороны посмотреть на зрелищную демонстрацию. Хлопки от гранат раздавались тут и там — израильтяне отвечали плотным газовым огнем.

Как правило, израилтяне применяют обычный слезоточивый газ, но могут выпустить и газ «вонючку», неприятный запах которого вызывает рвоту. Одежду от него не отмыть, приходится выбрасывать.

По началу газ не показался мне слишком едким.

Я уже был знаком с ним по столкновениям в Париже. Товарищи уверяли меня, что действие здесь не будет таким сильным, как в закрытом городском пространстве. Но не тут-то было. Я перестал видеть, из глаз потоком струились слезы, легкие пылали. Девушка рядом зашла в кашле, ее рвало. Кто-то закричал:

– Армейские джипы!

Все бросились отступать. Зажав глаза рукавом толстовки, я вслепую пустился наутек вслед за остальными. Мы укрылись за одним из микроавтобусов, на котором приехали демонстранты.

**Я перестал видеть, из
глаз потоком струились
слезы, легкие пылали.
Девушка рядом зашлась в
кашле, ее рвало.**

Понемногу вернулось зрение. Перед стеной струились клубы дыма. По камням шныряли джипы в погоне за мальчишками. Я пошарил по карманам и обнаружил, что пропал телефон.

– Телефон потерял, — сказал я. — Надо вернуться.

Лица некоторых из товарищей вытянулись. Явно не все горели желанием вернуться под газ.

– Люди здесь жизни теряют, а ты — телефон! — с укоризной сказал Игаль.

– Там у меня все контакты, — жалобно протянул я.

Со мной пошли двое — Алексей и Игаль. Игаль звонил на мой номер, а мы с Алексеем высматривали телефон в траве и камнях. Наконец, я

услышал знакомую мелодию, раздававшуюся метрах в десяти от дороги. Телефон счастливо найден, можно было спокойно возвращаться в деревню. По пути я спросил у товарищей, в чем, на их взгляд, смысл еженедельной демонстрации. Ведь никакого развития она не имеет.

– Смысл просто в моральной поддержке, — сказал Игаль. — Показать палестинцам, что не все израильтяне такие плохие.

– Это чем-то напоминает российскую Стратегию 31, — добавил Алексей.

Ребята сказали, что если повезет, один из старейшин деревни Ваджид — тот самый седобородый заводила в джинсовом костюме — пригласит нас в дом. Это выглядело наградой за тяжелый трудовой день. Нам повезло — мы попали в дом Ваджида. Он и женщины в традиционных мусульманских платках выносили на стол чай, большие арабские питы, хумус, оливки, соусы и приправы. Вокруг жарило солнце, мы обедали в тени под навесом. Ничто не напоминало о годах противостояния и войн. Я смотрел на эту благостную интернационалистскую картину — израильтяне в гостях у палестинцев — и думал: «Есть ли шанс, что будущее на этой земле станет именно таким?»

Ильяс Фалькаев

Привлекли внимание

Как менты и чекисты пытались сорвать «Либком»

«Либком» — одно из самых массовых и уже ставшее традиционным анархистское мероприятие московского региона. Весной 2014 очередной «Либком» пытались сорвать сотрудники МВД и ФСБ. Публикуем рассказ организаторов, пожелавших остаться анонимными.

Это был уже наш третий по счету либком. В этот раз мы решили распространять информацию о лагере шире, чем в предыдущий раз. Был снят пригласительный ролик, в этот раз мы решили попробовать провести рекламу и при помощи «Вконтакте», помимо активистских ресурсов, которые использовались и ранее. Видимо, эта активность и привлекла к нам излишнее внимание.

- Что вообще произошло?

Организаторы заехали в лес за неделю до встречи участников. Нами была подготовлена отличная спортплощадка, обустроены кухня и несколько мест для стоянок. Все остальное мы решили возложить на плечи участников. Мы провели встречу участников, оповещенных по почте о месте сбора и приехали в лес. На входе в лес мы оставили пару человек проверить хвосты. За нами увязался какой-то «гусь», и как только понял, что был обнаружен, резко сменил направление своего движения.

Ближе к полуночи часть людей выдвинулась с лагеря к станции, чтобы разгрузить машины и донести оставшиеся продукты и необходимый инвентарь. От водителей в лагерь поступило сообщение о скоплении большого количества полиции возле станции. Сообщение было принято, лагерь без паники подняли, и было принято решение наготове ожидать дальнейшего развития событий. Группа людей, которая выдвинулась за едой, продолжила движение в сторону машин.

На подходе, уже в лесу, группой были обнаружены яркие представители «полицейской академии», идущие по тропинке с фонарями, галдящие, бряцающие оружием. Не заметить полсотни таких персонажей издали было просто невозможно.

Группа участников «Либкома» залегла буквально в 5 метрах от ментов, не имея особых

От водителей в лагерь поступило сообщение о скоплении большого количества полиции возле станции. Сообщение было принято, лагерь без паники подняли...

укрытий, тем не менее, замечены не были. Ибо менты хоть и светили фонариками, но видеть кого-то категорически отказывались. Поскольку мощности раций не хватало, чтобы пробить через проходящие там ЛЭП, от группы была выделена пара человек, которые, сделав крюк, побежали в лагерь. Остальные приняли решение проследовать за правоохранителями, чтобы с теми ничего по дороге не случилось, так как сами они были подслеповаты и ориентировались на местности недостаточно хорошо.

- Как уходили от мусоров?

Лагерь был поднят, собрались буквально за 5 минут. Старались брать самое ценное, наиболее подготовленные смогли унести весь свой штафф, те, кто все же понадеялся на авось, потом еще долго искали свои вещи. Отойдя на некоторое расстояние от лагеря, мы пересчитались и было принято решение оставить двух человек, для «зачистки» места стоянки, проверки лагеря на возможность оставления документов, телефонов и других важных вещей. Уйдя в другом направлении от станции, мы довели группу до шоссе, преодолели его по подземному тоннелю, разбились на подгруппы и далее увели людей в разные стороны. К утру разными маршрутами и транспортом все были в Москве.

Группа, которая изначально отправилась за едой, проследив за братьями нашими меньшими и удостоверившись, что с ними ничего не случится, также вернулась в лагерь.

Мусора вели себя весьма дилетантски и гуляли по лесу, весело переговариваясь: «А представляешь, вдруг они сейчас вокруг нас вот сидят?», совершенно не представляя, насколько они были близки к истине. После чего группа, пройдя через лагерь, соорудив в краткие сроки укрытие и замаскировав брошенные на месте лагеря вещи, так же снялась с места проведения «Либкома».

- Приняли ли кого-то?

Однако, все вышло не так радужно, как нам казалось изначально. Пара людей из-за своей отвратительной физической подготовки и принятых ими личных некомпетентных решений, таки угодили в лапы оборотней. По их словам, к ним применялся весьма широкий спектр средств убеждения — начиная с душевных бесед и заканчивая применениями таких подручных средств, как, например, полено. Остальные участники крайне надеются, что данный урок, полученный этими людьми, положительно повлияет на их подготовку и заставит всех включать мозги при принятии решений в подобных экстремальных ситуациях.

- Что было нужно мусорам?

Несмотря на отвратительную организацию той поисковой операции, менты были близки к успеху. Скорее всего, провалились из-за расп**йства на нижних уровнях организации. Задержанных же усиленно расспрашивали не только про стандартный набор «кто лидер, кто организатор, кто спонсировал», но

и про более экзотические вещи: сначала у них усиленно пытались узнать про оружие в лагере, а потом мимоходом сообщили, что уже ждут команду саперов, так как есть подозрение, что лес заминирован, и без саперов соваться дальше не хотят.

- Какие выводы вы сделали из происшедшего?

Анархическое движение уже давно крепко не трясли и участники форума не были полноценно готовы к столь серьёзному проявлению внимания со стороны (не)компетентных органов. Что же касается выводов сделанных нами, как организаторами, их было очень много. Мы тщательно разобрали все возможные косяки, изменили некоторые концепции. Не хотим вдаваться в подробности, дабы не давать форы нашим оппонентам, но в грядущем году форумчан ждут инновации, инновации и еще раз инновации. :)

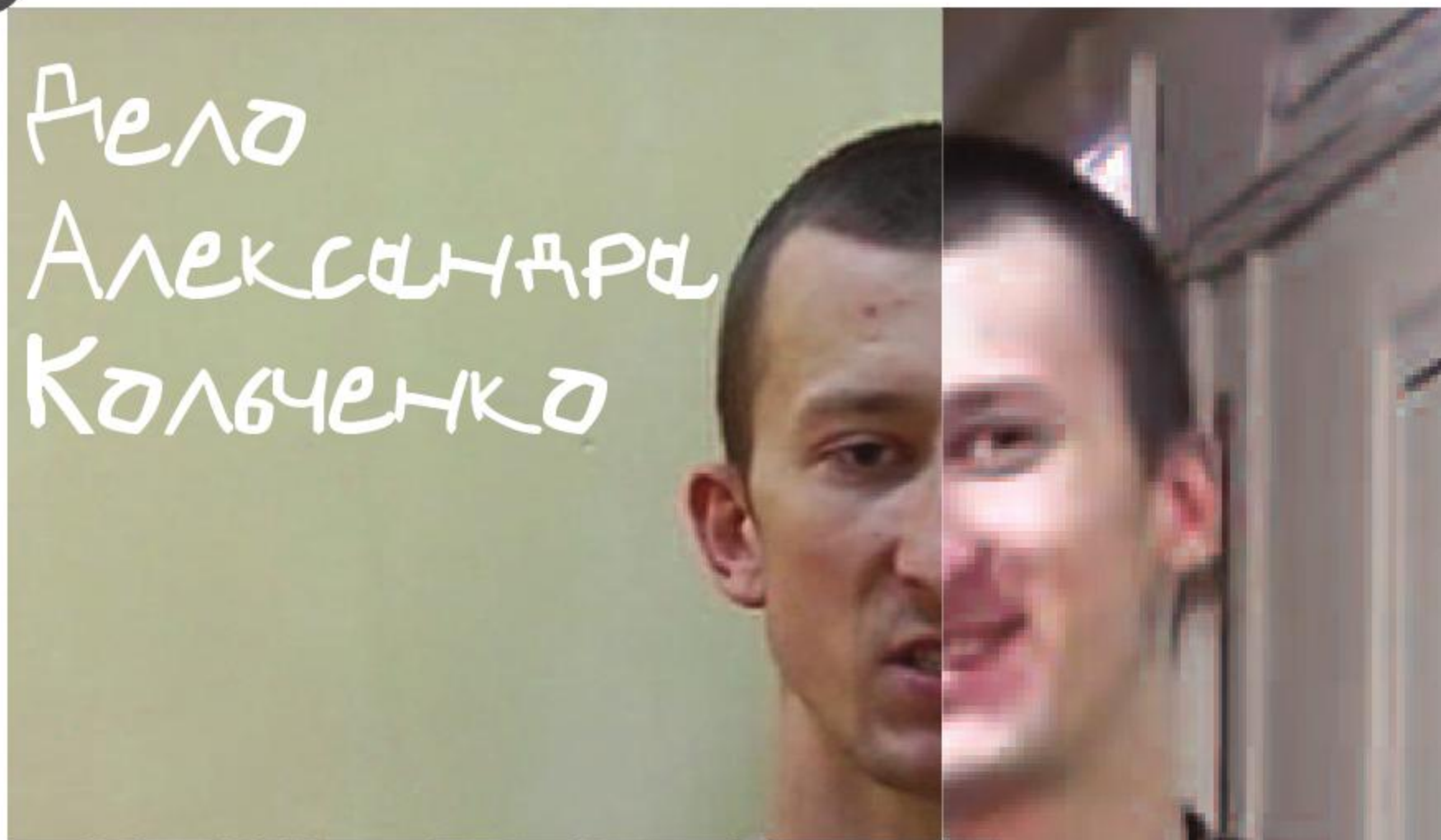
P.S. Несмотря на все эти развлечения, Либком-2014, был перенесен и завершен в другом месте, а программа, хоть и с некоторыми изменениями, была реализована. За что мы крайне благодарны всем приехавшим. Ночной шухер привнес некоторую изюминку и остался в памяти у ребят. Увы, из-за этих обстоятельств мы растеряли часть людей, которые не смогли оперативно выйти на связь и приехать на новое место сбора. Однако, мы не услышали ни одного негативного отзыва о ночной прогулке. Это было хорошей встряской и уроком.

До новых встреч!

Беседовал Валерий Листьев

Дело Александра Кольченко

Крымский антифашист Александр «Тундра» Кольченко был арестован в Симферополе в мае 2014 года. Вместе с режиссером Олегом Сенцовым, историком Алексеем Чирнием и юристом Геннадием Афанасьевым и «неизвестными лицами» его обвинили в совершении террористических актов в Крыму и в участии в террористическом сообществе, которое якобы создал Сенцов. ФСБ утверждает, что обвиняемые не только подожгли офис местного «Едра» и пропутинской «Русской общины Крыма», но и якобы готовили теракты на 9 мая. Наш товарищ Тундра проходит только по эпизоду с поджогом — но судить его в России будет военный суд, ему грозит огромный срок за «терроризм». Еще ФСБ считает, что приказы «группа Сенцова» получала от «Правого сектора». Тундра — последовательный анархист и антифашист, не раз доказавший свои убеждения делом, так что в его случае это обвинение звучит особенно нелепо.

Адрес для писем: 111020, РФ, Москва, Лефортовский Вал, дом 5, п/я 201, Кольченко Александру Александровичу, 1989 г.р. Письмо ему можно написать также через сайт «Росузника»

Осенью 2014 года стало известно о планах «медицинской реформы» в столице и по всей стране. В одной только Москве власти планировали закрыть десятки «лишних» больниц и медучреждений, а их сотрудников уволить. Медики неожиданно сплоченно выступили против тупого и коррупционного способа борьбы с проблемами медицины, который выбрала власть. Ноябрьский митинг протеста в Москве собрал несколько тысяч участников, его поддержали выступлениями в других городах. В декабре состоялось еще одно шествие, участие в аналогичных акциях приняли медики по всей России.

СМЕРТЬ ЭДУАРДА КАЛЯМАНОВА

16 октября 2014 года в Москве на своем рабочем месте умер анархист Эдуард Каляманов, один из создателей профсоюза работников здравоохранения «Действие», активист «Автономного действия». В 2010-2011 годах Эдуард работал на скорой помощи в Иваново и занимался там созданием профсоюза. В последнее время он работал фельдшером на заводе «Рено» в Москве. Он верил, что вместе мы сможем многое изменить.

МУЗЕЙ КРОПОТКИНА

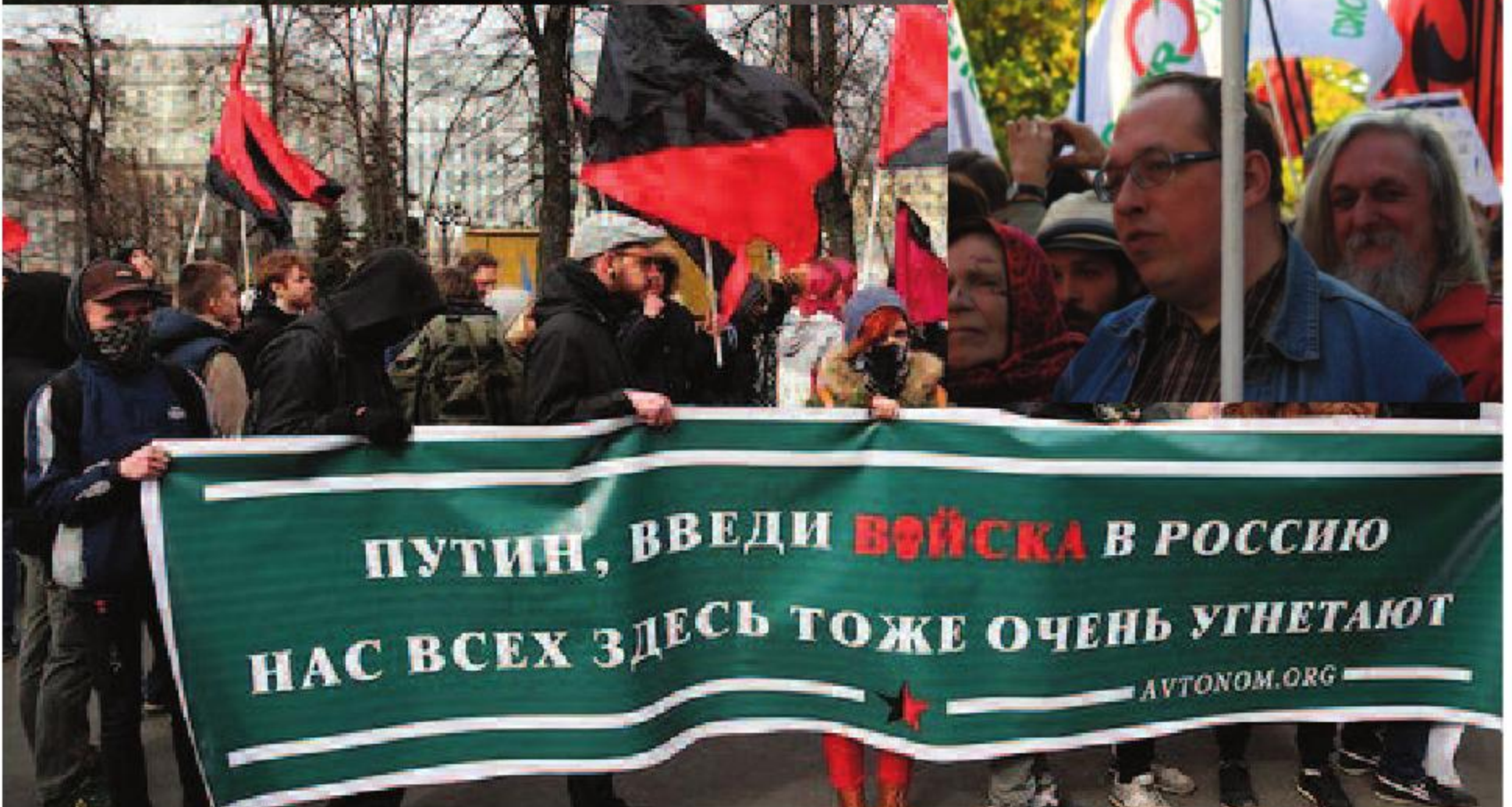
В сентябре 2014 года случилось событие, о котором многие мечтали долгие годы (см., например, статью об этом в «Автономе» № 26 (2006 г.)). В подмосковном городке Дмитрове, где прошли последние три года жизни П.А. Кропоткина, наконец-то открылся его музей! Обещание сделать это немедленно было дано ещё в 1992 году (в 150-летний юбилей Кропоткина), но... власти всё тянули и откладывали. Был снесён домик, где жил и умер анархист, а на его месте

неспешно построен такой же, был поставлен памятник Петру Алексеевичу, успешно «расташен» грант на музей. Ушли из жизни профессор Наталья Пирумова — автор первой в СССР книги о Кропоткине и организатор Комиссии по его наследию при РАН, замечательный биограф Кропоткина Вячеслав Маркин и дмитровский краевед Ромуальд Хохлов, многие годы собиравший материалы для музея и боровшийся за его открытие. Но вот, не прошло и четверти века, и музей великого анархиста открыт! Будем надеяться что он, как и Прямухино (родина Бакунина), станет центром возрождения либертарной мысли в России и во всём мире.

АНАРХИСТЫ НА АНТИВОЕННЫХ АКЦИЯХ

2014 год вновь сделал актуальной антимилитаристскую тему. Анархисты участвовали в акциях и против аннексии Крыма, и против военного участия России в событиях на Донбассе. Выступали с осуждением агрессивного шовинизма с обеих сторон, спровоцировавшего бойню на востоке Украины, в ходе которой тысячи простых людей погибли за интересы олигархов Украины, России и Запада.

Девушка с камерой снимала лица активистов у здания суда во время оглашения приговора Алексею Гаскарову и получала указания от персонажа в футболке «Слава Руси Великой».

ТЕ, КТО ЗА НАМИ СЛЕДЯТ

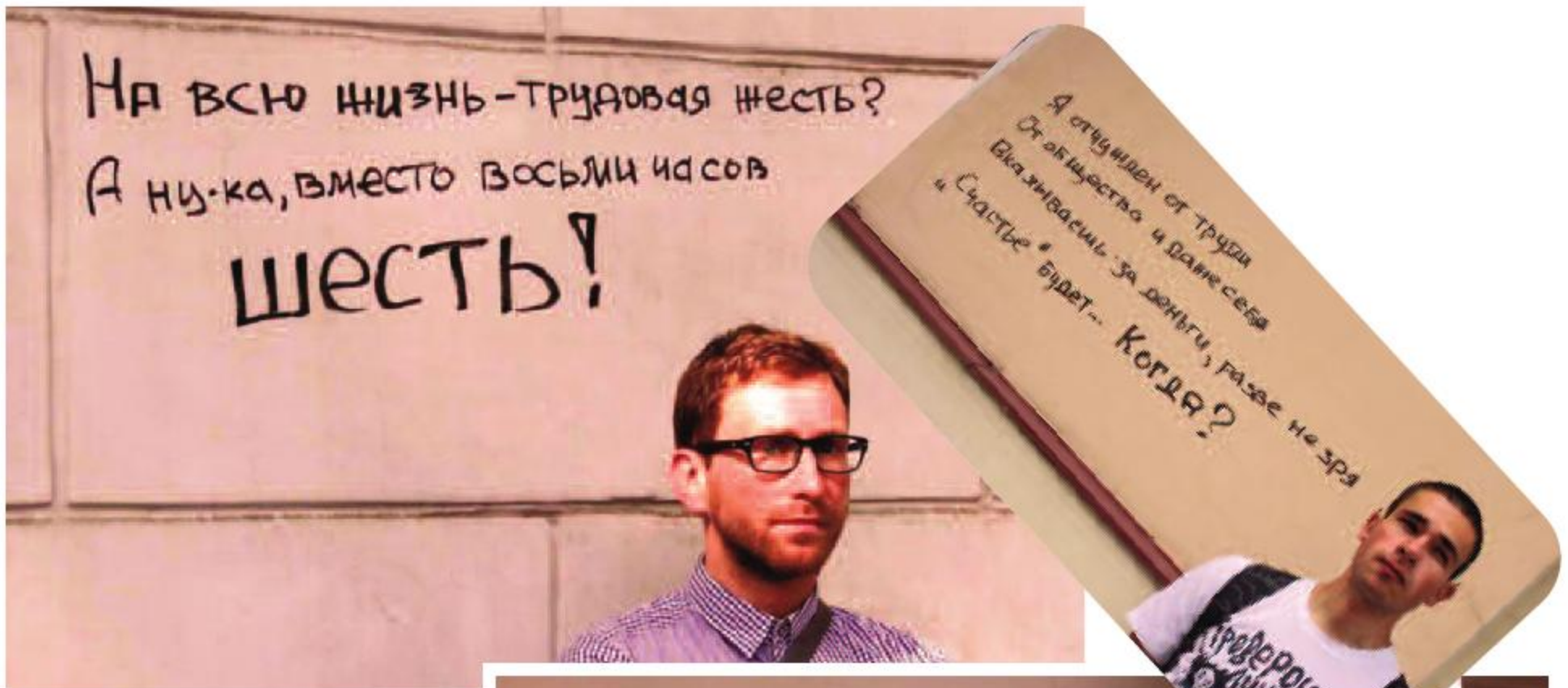

Один из руководителей «людей в штатском» у здания Замоскворецкого районного суда во время оглашения приговора Алексею Гаскарову в националистической футболке. Был замечен и на других акциях.

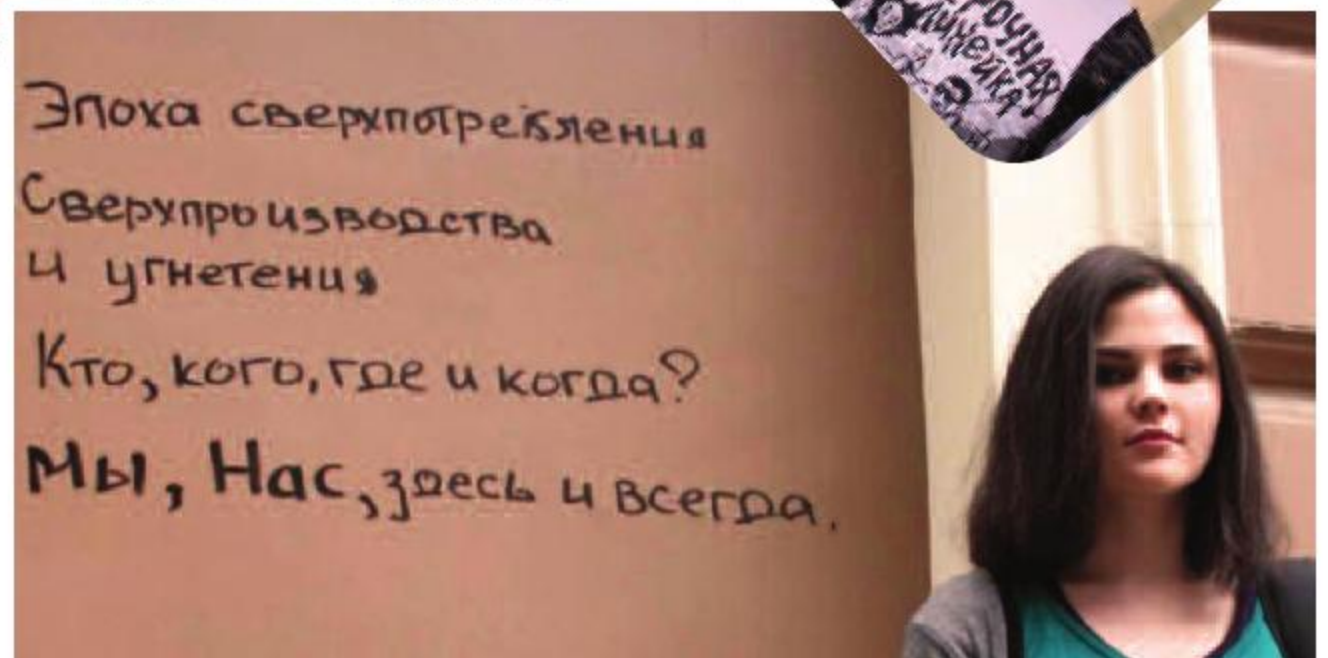
Оперативный сотрудник московского Центра «Э» Антон Навроцкий. Выступал в суде как свидетель обвинения по делу Алексея «Сократа» Сутуги, поскольку руководил его задержанием 5 апреля 2014 года. Работает в Центре «Э» с 2012 года, раньше, по собственным словам, работал в НИИ МВД РФ, где писал кандидатскую о «молодежном экстремизме с использованием современных технологий». Знаком с Сутугой по этой своей «научной работе». В суде Навроцкий рассказывал, что именно он «полностью планировал и подготавливал оперативно-профилактические мероприятия» возле клуба Rock House, где задержали Сутугу и полтора десятка активистов. В суде Навроцкий дал понять, что это был далеко не первый раз, когда он занимается планированием подобных мероприятий.

Вместо восьми часов - шесть

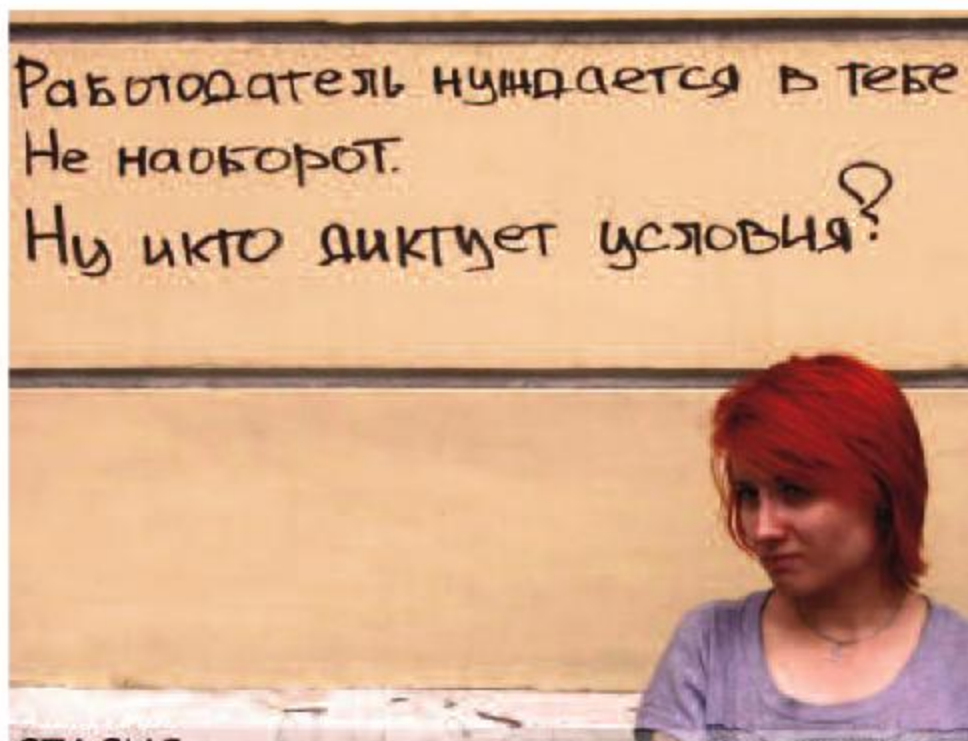
Наёмный труд отнимает огромную часть жизни современного человека. Анархисты прошлого боролись за то, чтобы снизить продолжительность рабочего дня до 8 часов. Но неужели на этом нужно остановиться? Технический прогресс и увеличение производительности

труда позволяют уже сейчас каждому работать меньше (при достойном уровне жизни). Препятствует этому лишь концентрация ресурсов в руках немногих — и страх власть имущих перед «незанятыми людьми». На самом деле освобождение от наёмного труда откроет новые возможности и новые уровни свободы. Начать же можно с борьбы за снижение продолжительности рабочего дня до 6 часов.

Этому посвящён фотопроjekt иркутской группы «Автономного Действия».

На фотографиях — разные люди. У них разные взгляды на жизнь, на взаимоотношения между людьми, на образ жизни, есть и много общего. Их объединяет проблематика сокращения восьмичасового рабочего дня. Несмотря на их разные социальные группы и роли, все они уверены: шестичасовой рабочий день — здоровая трудовая норма, благоприятная для экологии, экономики и общества.

БАКУНИНСКИЙ ЮБИЛЕЙ

30 мая 2014 года Михаилу Александровичу Бакунину исполнилось 200 лет. Во всём мире анархисты и академические учёные отметили эту дату конференциями, собраниями, книгами и митингами. В России юбилей Бакунина, полностью проигнорированный СМИ, однако был отмечен анархистами. В Иркутске и Екатеринбурге анархисты, члены АД устроили лекции и публичные акции памяти анархиста. В Москве 27 мая прошла конференция, посвящённая Бакунину, в Институте Философии РАН. 30 мая состоялся вечер памяти Бакунина в музее Герцена. Дважды были проведены экскурсии по бакунинским местам Москвы. Вышел сборник, изданный усилиями энтузиастов-анархистов, посвящённый жизни и идеям анархиста. А 12-13 июля в Прямухино с огромным размахом и подъёмом состоялись Чтения, на этот раз целиком посвящённые юбиляру. Было сделано более 20 докладов о нём. Присутствовали анархисты и учёные из Японии, Бразилии, США, Израиля, Франции, Италии, Польши, а также из Барнаула, Воронежа, Твери, Торжка, Питера, Москвы, Екатеринбурга... Всё прошло замечательно! Идеи Бакунина живут, хотя пока не побеждают.

ИСТОРИЯ

Говорит Бакунин

Интервью с великим бунтарём в годовщину его двухсотлетия

30 мая 2014 года исполнилось 200 лет со дня рождения Михаила Александровича Бакунина. О том, насколько этот человек и его идейное наследие остаются живыми, злободневными и опасными для власть имущих, говорит хотя бы тот всеобщий заговор молчания, которым все российские СМИ — и официальные, и оппозиционные — встретили эту годовщину. Вспоминать о Бакунине им неудобно, больно и мучительно, поэтому — лучше вычеркнуть его из памяти людей.

Редакция «Автонома» решила отметить юбилей анархиста, обратившись к нему самому. Здесь мы следуем, например, за российским анархо-синдикалистом Григорием Петровичем Максимовым, в 1920-е годы опубликовавшим свои «Беседы с Бакуниным», в которых анархист XX века обращался к своему предшественнику за ответами на насущные вопросы революционной теории и... получал их. Нет, конечно, дело вовсе не в спиритических сеансах по вызыванию духов. Просто в сочинениях великих людей прошлого порой больше жизни и смысла, чем у многих наших ничтожных современников. По этому же пути пошли сегодня и мы. Вопросы в «Интервью» наши, а ответы — читайте у Бакунина (в «Исповеди», «Государственности и анархии» и других его, таких современных, книгах). Итак, как говорил Александр Блок, «займём огня у Бакунина!»

- Дорогой Михаил Александрович! Поздравляем вас с почтенным юбилеем! Мы, анархисты всего мира, помним и любим вас. Позвольте несколько вопросов. Сейчас, спустя 200 лет, масштаб вашей личности, ваших пророчеств виден ещё отчётливее, чем при вашей жизни. Сколько учёных, революционеров, писателей, философов, ваших почитателей и врагов пытались как-то осмыслить вашу натуру и деятельность! А что вы сами можете сказать о себе? Что вам представляется самым существенным в вашем характере?

- ... Любовь к свободе и неотвратимая ненависть ко всякому притеснению, ещё более когда оно падало на других, чем на меня самого. (...) В моей природе был всегда коренной

недостаток: это любовь к фантастическому, к необыкновенным, неслыханным приключениям, к предприятиям, открывавшим горизонт безграничный и которых никто не может предвидеть конца. Мне становилось и душно и тесно в обыкновенном спокойном кругу. Люди обыкновенно ищут спокойствия и смотрят на него как на высочайшее благо; меня же оно приводило в отчаяние; душа моя находилась в неустанном волнении, требуя действия, движения и жизни. (...) Во мне всегда было много донкихотства: не только политического, но и в частной жизни. (...) Искать своего счастья в чужом счастье, своего собственного достоинства — в достоинстве меня окружающих, быть свободным в свободе других — вот вся моя вера, стремление всей моей жизни.

- Отлично сказано! Ещё лучше то, что это не только сказано вами, Михаил Александрович, но и сделано. Восемь лет в крепостях на цепи, два смертных приговора, множество восстаний, которые вы возглавили — тому порукой... Однако многие считают (вслед за либералами), что свобода других людей ограничивает мою свободу. Вообще, должны же существовать какие-то ограничения нашей свободы? Разве не этих ограничений требует от нас и государство, во имя защиты другой части наших свобод?

- Мне возразят, что Государство, представитель общественного блага, или всеобщего интереса, отнимает у каждого часть его свободы только с тем, чтобы обеспечить ему всё остальное. Но остальное — это, если хотите, безопасность, но никак не свобода. Свобода неделима: нельзя отсечь её часть, не убив целиком.

Малая часть, которую вы отсекаете, — это сама сущность моей свободы, это всё. В силу естественного, необходимого и непреодолимого хода вещей вся моя свобода концентрируется именно в той части, которую вы удаляете, сколь бы малой она ни была.

- А как же демократическое государство, за которое выступают наши любители «честных выборов», нынешние белоленточники? Разве мы не должны бороться за неуклонное соблюдение Конституции и Закона?

- Республиканское Государство, основанное на всеобщей подаче голосов, может быть очень деспотичным, даже более деспотичным, чем монархическое, если под предлогом, что оно представляет всеобщую волю, Государство будет оказывать давление на волю и свободное развитие каждого из своих членов всей тяжестью своего коллективного могущества. (...) В настоящее время серьёзное, сильное государство может иметь только одно прочное основание — военную и бюрократическую централизацию. Между монархией и самой демократической республикой существует только одно существенное различие: в первой чиновный мир притесняет и грабит народ для вящей пользы привилегированных, имущих классов, а также и своих собственных карманов, во имя монарха; в республике же он будет точно так же теснить и грабить народ для тех же карманов и классов, только уже во имя народной воли. В республике мнимый народ, народ легальный, будто бы представляемый государством, душит и будет душить народ живой и действительный. Но народу отнюдь не будет легче, если палка, которою его будут бить, будет называться палкою народной. (...) Полезная конституция для народа может быть только одна — разрушение империи. (...) Государство является не чем иным, как официальной и правильно установленной опекой меньшинства компетентных людей... чтобы надзирать за поведением и управлять поведением этого большого неисправимого и ужасного ребёнка — народа.

- Да уж, мы-то знаем, что под этой диктаторской опекой ребёнок никогда не повзрослеет, а, скорее, станет инфантильным идиотом! Ну, к вопросу о государстве мы ещё вернёмся. Но всё-таки, разве нам не внушают с детства, что свобода других ограничивает мою свободу, и что чем больше её у других, тем меньше её у меня?

- Человек — это не только самое индивидуальное из земных существ, но и самое социальное. (...) Свобода является истинной и полной в це-

лостной взаимосвязи каждого и всех. Нет изолированной свободы, она по своей природе взаимна и социальна... Я могу быть действительно свободным только среди людей так же свободных, как я. (...) Полная свобода каждого возможна лишь при действительном равенстве. Осуществление свободы в равенстве — это и есть справедливость.

- Вы говорите поразительные для современного человека вещи! Удивительно! Но ведь либерализм внушает нам, что свобода и равенство — несовместимы друг с другом? Разве мы не должны выбирать что-то одно: или свобода (разумеется, ограниченная государством и основанная на неравенстве), или казарменный социализм, основанный на равенстве, но без свободы?

- Свобода без социализма есть привилегия и несправедливость. Социализм без свободы есть рабство и животное состояние.

- Да уж, за последний век мы насмотрелись и на то, и на другое! И эта ваша мысль была для нас путеводной звездой. Сколько раз мы писали её, эту фразу, на своих плакатах и в своих манифестах, сколько раз руководствовались ей в поисках единомышленников и третьего своего пути между Левиафаном власти и всеобщей конкуренцией... Итак, свобода — это главное для вас (как и для нас). А что это, собственно, такое — свобода?

- Свобода! Только свобода, полная свобода для каждого и всех! Вот наша мораль и наша единственная религия! Свобода — характерная черта человека, это то, что отличает его от других животных. В ней заключается единственное достоинство его человечности... Длительный постепенный переход от рабства к свободе, к величию, к совершенству... — вот в чём весь смысл истории. Быть свободным — это право, долг, всё достоинство, всё счастье, всё назначение человека. Это — исполнение его предназначения. Быть неспособным к свободе — значит быть неспособным к человечности. Лишить человека свободы и средств к достижению её и пользованию ею — это не просто убийство одного человека, это убийство человечности.

- Помнится, в XX веке нечто подобное нам твердили философы-экзистенциалисты: Сартр и другие (на вас, правда, они обычно не ссылались). Человек без свободы — вещь, а не человек, он обречён быть свободным и через свободу утвердить свою человечность. А философ Вальтер Беньямин даже грустно заметил: «После Бакунина Европе не было предложено радикального понимания свободы». Но вот что позвольте узнать: обыватели считают, что анархия — это хаос, дестрой, без государства нет общества, и Прудон, мол, пошутил, что анархия — мать порядка. Вы-то, Михаил Александрович, с этим, конечно, не согласны?

- Порядок в обществе должен быть равнодействующей всех местных, коллективных и индивидуальных свобод, достигших возможно высшей степени развития. (...) Страстный поклонник свободы, я признаю, что с недоверием отношусь к тем, у кого слово «дисциплина» постоянно на языке. (...) Тем не менее, я признаю всё-таки, что известная дисциплина, не автоматическая, а добровольная и разумная, в полном согласии со свободой индивидов, остаётся и всегда будет необходимой во всех случаях, когда множество свободно объединившихся индивидов займётся какой-либо работой или предпримет какое-либо совместное действие. Тогда эта дисциплина есть не что иное, как добровольная и разумная согласованность всех индивидуальных усилий, направленных к общей цели. Во время деятельности, в пылу борьбы роли распределяются естественным образом в зависимости от способностей каждого, которые определяются и оцениваются всем коллективом: одни управляют и отдают приказания, другие их исполняют. Но никакая функция не застывает, не закрепляется и не обращается в неотъемлемую принадлежность какой-нибудь личности. Иерархии ранга и продвижения не существует, так что вчерашний руководитель может сегодня стать подчинённым. Никто не поднимается выше других, а если и поднимается, то только для того, чтобы в следующий момент вновь опуститься, как волны моря, к благотворному уровню равенства. При такой системе больше нет собственно власти. Власть основывается на коллективе и становится откровенным выражением свободы каждого, истинным и верным воплощением воли всех. При этом каждый повинуетя только потому, что тот, кто руководит им в данный момент, приказывает ему то, чего он и сам хочет. Вот истинно гуманная дисциплина, необходимая для организации свободы.

- И вот тут-то самое время, Михаил Александрович, кратко объяснить читателям «Автонома», почему мы, анархисты, так не любим государство!

- Государство — это самое вопиющее, самое циничное и самое полное отрицание человечности. Оно разрывает всеобщую солидарность людей на земле и объединяет только часть их с целью уничтожения, завоевания и порабощения всех остальных. (...) Такова уж логика всякой власти, что она в одно и то же время неотразимым образом портит того, кто её держит в руках, и губит того, кто ей подчинён. (...) Что же такое богатство и власть, как не два неразлучных вида эксплуатирования народного труда и народной неорганизованной силы?

- Мы помним вашу блестящую критику марксовской идеи революции через государство. Вы развенчали теорию «диктатуры пролетариата» (которая порождает новый эксплуататорский класс «красной бюрократии») и претензии «научных социалистов» диктовать жизни свои законы и ставить эксперименты над народами. Увы, через полвека ваш прогноз полностью сбылся — в России, и не только. А что бы вы делали, окажись сами в совершенном анархическом обществе?

- Всё опрокину! (...) Будет время, когда не будет более государств..., будет время, когда на развалинах политических государств осунется совершенно свободно и организуясь снизу вверх, вольный братский союз вольных производительных ассоциаций, общин и областных федераций, обнимающих свободно людей всех языков и народностей... (...) Мы не только не имеем намерения... навязывать нашему или чужому народу какой бы то ни было идеал общественного устройства, вычитанного из книжек или выдуманного нами самими, но в убеждении, что народные массы носят в своих насущных потребностях и в своих стремлениях, сознательных или бессознательных, все элементы своей будущей нормальной организации, мы ищем этого идеала в самом народе.

- Таким образом, если мы вас правильно понимаем, вы предлагаете нам, вашим продолжателям, не породить из головы планы «светлого завтра», а искать и развивать ростки либертарной культуры в самой современной действительности. И для вас анархизм — не пункт прибытия, навязываемый доктринами-революционерами обществу, но путь, путь доверия к жизни, путь расчистки завалов несвободы? Но не идеализируете ли вы народ? Может прав был

Сергей Нечаев (с которым вас и сегодня чересчур отождествляют, приписывая вам его чудовищный «Катехизис революционера», который вы назвали «катехизисом абреков»), и в революции все средства допустимы, народ надо вести к свободе любым путём, а на наших врагов смотреть, как на нелюдей?

– Народа никогда и ни под каким предлогом и для какой бы то ни было цели обманывать не следует. Это было бы не просто преступно, но и в видах достижения революционного дела вредно; вредно уже потому, что всякий обман по существу своему близорук, мелок, тесен, всегда шит белыми нитками, вследствие чего непременно обрывается и раскрывается, и для самой революционной молодёжи самое ложное, самопроизвольное, самодурное и народу противное направление. Человек силён только тогда, когда он весь стоит на своей правде, когда он говорит и действует сообразно своим глубочайшим убеждениям. Тогда, в каком бы положении он ни был, он всегда знает, что ему надо говорить и делать. Он может пасть, но осрамиться и осрамить своего дела не может. Если мы будем стремиться к освобождению народа путём лжи, мы непременно запутаемся, собьёмся с пути, потеряем из виду самую цель, и, если будем иметь хотя какое-нибудь влияние на народ, собьём с пути и самый народ, т. е. будем действовать в смысле и на пользу реакции.

(...) Кровавые революции иногда необходимы по причине людской глупости; но они всегда зло и большое несчастье, не только с точки зрения жертв, но также ввиду чистоты и совершенства той цели, во имя которой они совершаются. (...) Но это естественное явление не будет ни нравственным, ни даже полезным. Политические убийства никогда не убивали партий; они оказывались бессильными особенно против привилегированных классов; до такой степени верно, что сила — не столько в людях, сколько в положении, которое создаёт людям привилегированной организацией вещей, то есть государство и частная собственность. Итак, чтобы произвести коренную революцию, надо подкосить самый порядок вещей, разрушить собственность и государство, тогда не придётся уничтожать людей и подвергать себя неминуемой реакции, которую повсюду и всегда вызывала резня людей. Но чтобы иметь право поступать человечно с людьми без риска для революции, надо быть безжалостными с вещами и порядками... Вот в чём тайна революции.

- И это говорите вы, военный руководитель восстаний в Лионе и Дрездене?

Разве мы, сегодняшние анархисты, можем видеть людей в наших врагах, скажем, в чекистах, чиновниках, олигархах или фашистах, разве можем признавать за ними какие-то права? Уж они-то нас не щадят!

– Вся человеческая нравственность... покоится главным образом на уважении к человеку. Что подразумеваем мы под уважением к человеку? — Признание человечности, человеческого права и человеческого достоинства в каждом человеке, каковы бы ни были его раса, цвет кожи, уровень развития его ума и даже нравственности. Но могу ли я уважать человека, если он глуп, злобен, достоин презрения? Конечно, если он обладает этими качествами, то невозможно, чтобы его подлость, тупоумие, грубость вызывали моё уважение; они мне противны и возмутительны; я приму против них, в случае надобности, самые энергичные меры, и даже убью этого человека, если у меня не останется других средств защитить мою жизнь, моё право или то, что мне дорого и мною уважаемо. Но во время самой решительной, ожесточённой и в случае необходимости смертельной борьбы с ним я должен уважать в нём его человеческую природу. Только этой ценой я могу сохранить своё собственное человеческое достоинство. Однако, если этот человек не признаёт ни в ком этого достоинства, можно ли признавать его в нём? Если он своего рода хищный зверь, если, как это иногда случается, хуже, чем зверь, можно ли признавать в нём человеческую природу, не будет ли это заблуждением? Нет, ибо каково бы ни было его теперешнее интеллектуальное и моральное падение... его человеческая натура, при всех ужасных отклонениях, тем не менее весьма реально существует в нём как всегда живущая, покуда он жив, способность возвыситься до сознания своей человечности — если только произойдёт коренная перемена в социальных условиях, сделавших его тем, что он есть.

- Здесь самое время спросить вас, Михаил Александрович, а как вы относитесь к теме женской эмансипации? Считаете ли, подобно некоторым другим классикам анархизма — Прудону и Толстому — что женщины никогда не быть равными с мужчинами? Или, подобно марксистам, полагаете, что женский вопрос сам собой решится вслед за вопросом классовым? Или же, как некоторые анархисты сегодня, предлагаете не задевать лишней раз патриархальных и сексистских предрассудков трудящихся?

– Женщины почти везде — рабы, и мы сами — рабы их рабства; без их освобождения, без их

полной, безграничной свободы наша свобода невозможна; а без свободы нет ни красоты, ни достоинства, ни истинной любви. (...) А в русской общине — безобразное унижение женщины, абсолютное отрицание и непонимание женского права и женской чести. (...) Уничтожение государства и юридического права необходимо будет иметь следствием уничтожение личной наследственной собственности и юридической семьи, основанной на этой собственности, так как та и другая совершенно не допускают человеческой справедливости. (...) Равенство прав и обязанностей для мужчин и женщин.

- Михаил Александрович, сегодняшние фашисты и националисты нередко сводят весь ваш спор с Марксом к спору русского с немецким евреем. И, вырывая из контекста многие ваши не вполне политкорректные по нынешним меркам русофильские, франкофильские и иудофобские и германофобские высказывания представляют вас русским патриотом. При этом, правда, они забывают о вашем героическом участии в немецкой революции в Дрездене. Что бы вы ответили им сегодня?

- Моё отечество — Социальная Революция. (...) Настоящий патриотизм, чувство, разумеется, весьма почтенное, но вместе с тем узкое, исключительное, противучеловеческое, нередко просто зверское. Последовательный патриот только тот, кто, любя страстно своё отечество и всё своё, также страстно ненавидит всё иностранное, ни дать ни взять, как наши славянофилы.

- Понятно. Не можем не спросить ещё об одной теме, которой вы посвятили много пламенных страниц. Сегодня, в эпоху укрепления «духовных скреп», много говорят о необходимости возрастания роли церкви в нашей жизни.

- История показывает, что священники всех

религий, за исключением преследуемых, были союзниками тирании. (...) Исторический опыт и логика доказали, что достаточно одного господина на небе, чтобы создать тысячи господ на земле. (...) Мы верим, что независимо от какого-либо божественного вмешательства в самом человеке заложена творческая активность и непобедимая внутренняя сила — она его сущность и его естество, которые на протяжении столетий неизменно влекут человечество к истине и добру. (...) Я ищу Бога в людях, в их свободе, теперь я ищу Бога в революции.

- Спасибо, Михаил Александрович! И последний вопрос. Когда же, наконец, придёт ваше и наше время?

- Мы рассчитывали на массы, которые не захотели со страстью отнестись к делу своего собственного освобождения, а за отсутствием этой народной страсти мы, при всей своей теоретической правоте, были бессильны. (...) Глядя на окружающие нас события и явления момента, в котором мы живём, на подлость, мелкоту, трусость, бездушие характеров; на полное отсутствие честных стремлений (в большинстве), на тупость, эгоизм, на буржуазность и беспомощность пролетариата, на стадность, на самолюбихи и проч... на весь современный склад нравственной личности, на социалистическую развращённость рабочего, испорченного болтовнёй и утратившего даже инстинкт, ... я ничего не жду от современного поколения, ... везде вижу одно — лишь полное отсутствие человечности, и одну лишь цивилизационную гангрену буржуазных стремлений... Поле не за нами, а за сорной травой... Наш же час не пришёл...

- Подождём и мы! Ведь, как говорил Бакунин: «перед вечностью всё ничтожно». До встречи ещё через двести лет!

Беседовал с Михаилом Бакуниным
Пётр Рябов

Мой Мишель

В этот раз я не буду писать о том, каким Михаил Бакунин был замечательным революционером и глубоким мыслителем. Напишу о другом. О себе. И о том, как Мишель (как его называли все при жизни) вошёл в мою судьбу. Да так вошёл, что вот уже 27 лет он остаётся для меня — не идиолом, не иконой — но идеалом человека и анархиста. Четверть века я езжу в Прямухино, на родину Мишеля, организую то Прямухинскую Вольную Артель, то Прямухинские чтения, написал о Бакунине три десятка статей и пару книг, вслед за Блоком хочу «занять огня у Бакунина». А с чего всё начиналось?

Весной 1987 года я заканчивал первый курс исторического факультета МГПИ имени В.И. Ленина. В это время, 8 мая 1987 года был основан историко-политический клуб «Община», состоявший в основном из студентов этого факультета и вскоре ставший центром возрождения анархизма в СССР. Я тогда был весьма далёк от «политики». Однажды я пришёл в Историческую библиотеку и встретил там своего однокурсника — члена «Общины» — Сашу Шершукова. Велико было моё изумление от этой встречи. Ведь я знал, что Сашу завтра должны были забирать в армию (тогда студентов брали в армию). Вчера были бурные проводы, наверняка, немало было выпито. Завтра Сашу ждала гостеприимная казарма, и вот, в последний день воли, перед двумя годами армейского ада, он пришёл в Историчку. Я был потрясён и, естественно, спросил, что его занесло в библиотеку. «Вот, пришёл напоследок почитать Бакунина, — отвечал он, — два года я не смогу его читать — вот хочу начитаться напоследок перед службой». Это очень меня впечатлило. Что же это за автор такой, чтение которого — словно глоток свежего воздуха перед долгим и опасным погружением на душное дно?

В этот раз я не буду писать о том, каким Михаил Бакунин был замечательным революционером и глубоким мыслителем. Напишу о другом. О себе. И о том, как Мишель (как его называли все при жизни) вошёл в мою судьбу. Да так вошёл, что вот уже 27 лет он остаётся для меня — не идолом, не иконой — но идеалом человека и анархиста. Четверть века я езжу в Прямухино, на родину Мишеля, организую то Прямухинскую Вольную Артель, то Прямухинские чтения, написал о Бакуanine три десятка статей и пару книг, вслед за Блоком хочу «занять огня у Бакунина». А с чего всё начиналось?

Весной 1987 года я заканчивал первый курс исторического факультета МГПИ имени В.И. Ленина. В это время, 8 мая 1987 года был основан историко-политический клуб «Община», состоявший в основном из студентов этого факультета и вскоре ставший центром возрождения анархизма в СССР. Я тогда был весьма далёк от «политики». Однажды я пришёл в Историческую библиотеку и встретил там своего однокурсника — члена «Общины» — Сашу Шершукова. Велико было моё изумление от этой встречи. Ведь я знал, что Сашу завтра должны были забирать в армию (тогда студентов брали в армию). Вчера были бурные проводы, наверняка, немало было выпито. Завтра Сашу ждала гостеприимная казарма, и вот, в последний день воли, перед двумя годами ар-

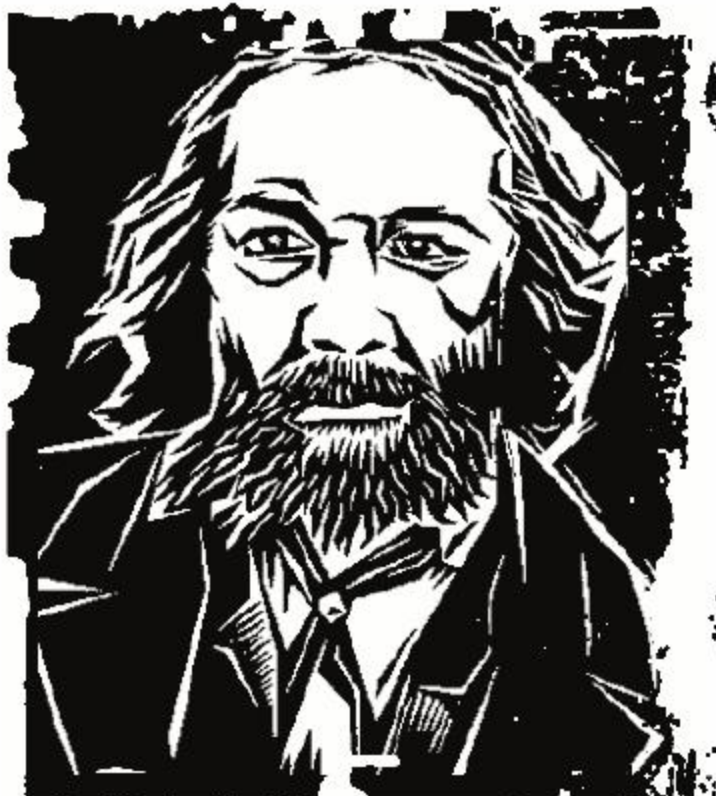
мейского ада, он пришёл в Историчку. Я был потрясён и, естественно, спросил, что его занесло в библиотеку. «Вот, пришёл напоследок почитать Бакунина, — отвечал он, — два года я не смогу его читать — вот хочу начитаться напоследок перед службой». Это очень меня впечатлило. Что же это за автор такой, чтение которого — словно глоток свежего воздуха перед долгим и опасным погружением на душное дно?

Прошло полгода. Я уже сам стал читать Мишеля, и даже сделал о нём свой первый доклад на занятии, и уже сам вступил в «Общину». Осенью 1987 года один школьник из группы «Альянс» (бакунинское название здесь, конечно, не было случайным; так называлась группа школьников-анархистов, проводившая под руководством Андрея Исаева свои исторические семинары, издававшая стенгазету «Баррикада», занимавшаяся развитием школьного самоуправления, в начале 1988 года организовавшая первую в Москве забастовку учеников и тесно связанная с «Общиной») подарил мне мой первый неформальный значок (тогда все носили значки). На нём был портрет Бакунина, вероятно, вырезанный из какого-то школьного учебника. Я до сих пор бережно храню этот значок как память и талисман.

(Хотя и Саша Шершуков уже давно не читает Бакунина — он, вслед за Исаевым, стал видным чиновником официозных профсоюзов, редактором газеты ФНПР «Солидарность», да и тот школьник из «Альянса», Игорь Гарькавый — нынче клерикал и почитатель Белого движения. Так порой шутит с нами судьба! А я продолжаю читать Бакунина, писать о нём и вдохновляться его примером. «Я песни прежние пою»!...)

Но вернёмся в те наивные и юношеские перестроечные времена. Осенью 1987 года начал выходить журнал «Община» — сперва на машинках, тиражом 50-100 экземпляров, потом на ксероксе, а потом и в типографии (достигнув тиража в 30 тысяч и став самым многотиражным анархическим изданием мира и центром объединения групп Конфедерации

анархо-синдикалистов России, Сибири и Украины (КАС)). В первом или во втором номере журнала была статья Андрея Исаева «Бакунинская критика государственного социализма». Она воспринималась нами как откровение (а номер «Общины» переходил из рук в руки на одну ночь): оказывается, Михаил Бакунин в начале 1870-х годов откуда-то всё понял про СССР и объяснил нам про нашу жизнь: и про «диктатуру пролетариата», стремящуюся увековечить себя, и про партию «научных социалистов», будто бы лучше рабочих осознающих и выражающих их интересы, и про новый эксплуататорский класс «красной бюрократии», садящийся на шею народа вместо старых классов дворян и буржуа... Мы были потрясены. Для меня и многих других моих товарищей эти мысли столетней давности были глотком свежего воздуха, ключом к пониманию окружающей реальности. С этого для меня — и не только для меня — началось обращение в анархизм. Бакунин же стал — образцом, другом, собеседником, примером — как человек и мыслитель. Он больше не был мёртвым человеком, ушедшим сто лет назад. Он — сто лет назад — что-то важное про нас знал и понимал. Его жизнь и мысли были аргументом в споре, были опорой в борьбе. Его фраза: «Свобода без социализма — это привилегия и несправедливость. Социализм без свободы — это рабство и скотство», стала позывной, камертоном для самоопределения нашего поколения анархистов. Как пел Цой: «Мне не нравится то, что здесь было. Мне не нравится то, что здесь есть». Эти бакунинские слова мы начертали на огромном транспаранте, который несли впереди шествия, когда в первый раз за 65 лет (!) 28 мая 1988 года вышли под чёрным знаменем с красной звездой на улицы Москвы. Эта фраза вошла и в первую декларацию «Общины», и сейчас украшает манифест «Автономного действия».

Быть анархистом для меня и для многих тогда было — держать курс на Бакунина. Один чрезвычайно язвительный наблюдатель, студент нашего факультета Сергей Клименков, сочинил тогда длинную песню на мотив «На сопках Маньчжурии». В числе многих куплетов, где всем сестрам раздавалось по серьгам, был и такой:

Тихо в стране.

Только не спит анархист.

Молится он на бакунинский лист,

Вот и не спит анархист!

А с 1989 года началось наше проникновение-возвращение в Прямухино. Огромную роль в этом, как и во многом, сыграл человек, получивший ласковое прозвище «бабушка русского анархизма» — Наталья Михайловна Пирумова. Автор великолепных книг о Бакунине, Герцене и Кропоткине (через них не один десяток людей обратился в анархизм), Наталья Михайловна — не в пример большинству докторов исторических наук — относилась к своим героям как к живым и прекрасным людям. (Когда я оказался в её квартире на одной из Парковых улиц, уставленной книгами Бакунина, издающимся Амстердамским институтом социальных исследований, я услышал, как она нежно и любовно называет его «Мишелем»; для неё он тоже не был покойником и просто «объектом исследований»!) С Пирумовой многое началось: и создание при Академии Наук Комиссии по творческому наследию Кропоткина (под эгидой которой удалось провести десяток конференций и издать дюжину книг), борьба за возвращение дома Кропоткина в Москве для музея, общение академической публики, потомков анархистов и анархической молодёжи времён перестройки. Начались и конференции в Прямухино. В 1989 году, когда там прошла первая конференция (к 175-летию Мишеля), понадобился его портрет. Но где же в СССР возьмёшь портрет «мелкобуржуазного» Бакунина? Выход был найден: взяли... портрет Маркса (которых, напротив, было в избытке) и наскоро перерисовали в его врага Бакунина. Вот такой постмодернистский исторический триумф либертарного социализма над социализмом авторитарным!

Тогда, в 1989 году, в Прямухино, возле обломков исторического Дуба Декабристов (посаженного в 1816 году дядями Мишеля декабристами Муравьёвыми и сломанного бурей полтора века спустя), Наталья Пирумова

и Андрей Исаев посадили свой дубок. Сколько раз мы, анархисты, позднее приезжая в Прямухино, пытались повторить это, вроде бы несложное дело: ничего не выходило, дубы не приживались — то ли просто погибали, то ли их скашивали. А вот тот, исаевско-пирумовской дубок, выжил, подрос — как современный российский анархизм, неуклюжий, неказистый, странный, но — живущий уже своей жизнью.

Если прийти в небольшой музей Бакуниных в Прямухино, то самый удивительный для меня экспонат там — карта Европы XIX века. Там значками отмечены места, связанные с жизнью Мишеля. Вот здесь он сидел в крепостях: Ольмюц, Кенигштейн, Петропавловка, Шлиссельбург. Вот здесь он участвовал в восстаниях: Париж, Лион, Болонья, Прага, Дрезден. Вот здесь он организовывал революционные выступления и организации, выступал с речами... Попробуйте представить себе эту карту.

Ещё несколько разрозненных воспоминаний на тему: «Бакунин и мы». В конце 1990-х годов был в Краснодаре анархист по прозвищу БУНИО. Расшифровывается: Бакунин Умер Но Идеи Остались! О великом китайском писателе-анархисте, взявшем себе имя Бакин — в честь Бакунина и Кропоткина — «Автоном» уже как-то писал.

В 1936 году, в начале Испанской революции, талантливый советский журналист Илья Эренбург по воле своей партии приехал в революционную Испанию. И был поражён, встретив в одной деревне в жилище крестьянина, портрет Михаила Бакунина. Какое отношение Мишель Бакунин мог иметь к этому крестьянину, — недоумевал советский пропагандист.

А лет 7-8 назад французские студенты, протестуя против политики государства, захватили Университет. И написали на стене: «Читайте Бакунина!»

Пётр Рябов

Facebook шестидесятых

Цитаты из статей Ульрики Майнхоф

Недавно мне попался сборник статей для журнала «Конкрет» Ульрики Майнхоф «От протеста к сопротивлению», изданный «Гилеей» в 2004 году. Ульрика, как известно, одна из лидеров Фракции Красной Армии, RAF. RAF — это теракты, три с половиной десятка трупов, ночной кошмар западногерманских властей второй половины прошлого века. До того как встать на путь вооруженной борьбы, Ульрика была одним из популярнейших журналистов Западной Германии. Читая её статьи сегодня, испытываешь дежавю. Многие тексты — как будто не про Германию 1960-х. Похожие статьи я читаю по вечерам в своей френдленте.

«Чрезвычайное положение?», 1960

«Германия 1960 года: каждый третий сравнивает её с Германией 1933-го; что 10 лет назад отвергалось как чудовищное, сегодня под аплодисменты провозглашается само собой разумеющимся. Профессора, «как тогда», лишаются мест и званий, военные всю действуют на политической сцене, социал-демократы зажаты в тиски между оппортунизмом партийного руководства и оппозиционной

позой, конституция имеет репутацию поддающейся манипуляциям и постоянно переписываемой. Президент снова — надпартийный пропагандист реакционных программ, доверие к судьям упало до самого низкого уровня... Но самая скверная новость — законопроект «О чрезвычайном положении», призванный дополнить конституцию. С первым чтением этого закона в германском бундестаге молодая немецкая демократия вступает в новую фазу «развития». Заканчивается фаза манипуляции демократией, начинается фаза легального христианско-демократического военно-промышленного гауляйтерства».

«Уже статья 48 Веймарской конституции отменяла основные права граждан — уже тогда слишком многим казалось, что у граждан слишком много прав; за прошедшие годы эта мысль развилась и окрепла. В Бонне пошли дальше Веймара: будут упразднены не только свобода личности, свобода мнений, свобода собраний, право на объединение в союзы и общества, право на собственность, но — и именно с этого начинается истинный скандал в связи с проектом правительства — и ст. 5 п. 3 конституции (о свободе искусства и науки, исследовательской работы и обучения); ст. 9 п. 3 (право на создание объединений для защиты установленных законом условий труда в экономике); ст. 11 (свобода передвижений на территории федерации для всех немцев); ст. 12 — право свободного выбора профессии, рабочего места и мест обучения».

«Человеческое достоинство», 1962

«Конституция — это единственная программа западногерманской демократии, содержание которой не определяется диктатом отдельных групп заинтересованных лиц и не вытекает из постоянно меняющихся систем мировоззрения. По своему появлению и по своей сути это — неотъемлемая часть истории, точнее — истории послевоенного времени. Парламентскому совету, который заседал в Херренхимзее и который объединил лучших из тех, кого удалось разыскать в трех западных зонах после 12 лет нацизма, были предъявлены высокие требования... Эти требования уже тогда, возможно, были слишком высокими — как в отношении предмета творчества, как и в отношении реальных возможностей творцов. Но эти требования были патетическими и серьезно воспринимались широкими слоями населения — а истощенные, отмеченные печатью голода лица парламентариев внушали доверие».

«Таким образом, ещё за 7 лет до внесения кардинальных изменений в конституцию, канцлер без зазрения совести ловко протаскивал свою политику в обход духа и буквы основного закона».

«Из всех свобод останется только одна: свобода поддерживать правительство. А если и выступить против него — то уж точно не в форме массовых акций, не в форме жесткого противостояния, без всяких забастовок и демонстраций».

«Закон о чрезвычайном положении», 1964

«Наш успех заключается в том, что власти целых 6 лет не могут принять закон о чрезвычайном положении. Наш успех заключается в том, что со стороны правительства до сих пор поступают жалобы на «недостаточную готовность населения к чрезвычайному положению», на «недостаточное понимание обществом намерений правительства»... Теперь, однако, возникает опасность, что мы — из-за охватившего нас чувства усталости, утомления — просто войдем в чрезвычайное положение, как скот в ворота бойни... Мы рискуем получить его — из-за нашей усталости, нашей апатии, нашей увлеченности другими делами».

«Захолустье — и мелко-травчатое к тому же», 1964

«14 лет правления Аденауэра превратили 55 миллионов немцев — писателей и читателей, политиков и комментаторов, продюсеров и зрителей кино и телевидения — в народ полуинформаторов и полуинформируемых, из которых первые говорят только половину того, что знают, а вторые получают только половину того, что должны знать. Народ, отягощенный предрассудками, окруженный разными табу, затянутый в корсет иллюзий так, что он уже не способен ни верно оценивать свои выгоды и преимущества, ни трезво осознать, в чем его интересы».

«58,2% избирателей отдали свои голоса тем, кто собрался все это воплотить в жизнь, кто захотел влезть в чужие квартиры, и кухни, оттяпать изрядный кусок чужих зарплат, лишить людей уюта и комфорта, ограничить их в правах, отменить гражданские свободы. Такой же грандиозной, как непонимание своих интересов, является и наивность бундесбюргеров во всем, что касается внешней политики».

«И вот этих людей, которые даже о себе и своих проблемах знают так мало, что не в состоянии о себе позаботиться — и уж практически ничего не знают о мировых проблемах, каждые четыре года призывают сделать выбор. А они не понимают, что им принесет этот выбор: они хорошо осведомлены совсем о другом — о различиях между вечеринками римской аристократии и римских богачей неаристократического происхождения, о лю-

бовниках и любовницах представителей британского высшего света, о душераздирающих страданиях иранской шахини».

«Только кулацкой ограниченностью и скупостью можно объяснить желание ввести доле участие в наемных работников в медицинском страховании и таким образом снизить число выдаваемых больничных листов — за счет и без того отвратительного состояния бюджетного здравоохранения».

«О заholустности свидетельствует и дисциплинарное взыскание в адрес депутата бундестага за то, что в его журнале публикуется статья, в которой автор высказывает сомнения в существовании геенны огненной».

«Кули или коллеги? Иностранцы рабочие в Германии», 1966

«Посмотрите на наш склад, где живут греки, — сказал мне хозяин предприятия. — Не бойтесь. Посмотрите на это свинство. Постели не убраны. К работе они не приучены. Приходят — и валяются на соломенные матрасы. На работе и то за ними надо убирать. Лучше всего — немецкая уборщица!..»

Я прошла шесть лестничных пролетов — узких каменных пеналов, полных окурков, отбросов, бумаги и мусора. В течение многих лет здесь не красили стен и не мыли окна. [...] Наверху — длинный коридор, справа и слева комнаты, затем стена, отделяющая женскую половину от мужской. В стене — запертая дверь. Если её открывают нелегально, на заводе тут же взывает сирена — и «черный воронок» появляется быстрее, чем мужчина у женщины. Здесь живут 150 мужчин и 30 женщин, часть из них — совершенно официальные семейные пары, разделенные запертой дверью. Поэтому в стене догадались сделать люк, именуемый на высоколитературном немецком «раздаточным окном». Конечно, мужья навещают [через это окно] своих жен — несмотря на запрещающие таблички на немецком и греческом языках. [...]

Если вы, осмотрев 10, 20 или 30 приютов для иностранных рабочих, окажетесь в состоянии

забыть все эти невыносимые запахи переваренной курицы, пережаренной рыбы, чадящего масла, у вас в сознании останется лишь общая серая картина — картина полной безнадежности. Бараки на грязных городских окраинах, окруженные забором из колючей проволоки, с будками для сторожей; такие же бараки на заводской территории. Переоборудованные под жилье складские помещения под крышами фабрик, сараи, переделанные кинозалы, перестроенные — подлежали сносу — дворцы и руины, бытовки, с водой и без воды, с подачей горячей воды и без. С сортирами и без.

[...]

Впечатление одно и то же — полной безнадежности. Поскольку в любом случае это жизнь отдельно от немецкого населения, в собственном замкнутом мирке, отдельно от своих жен и любых других женщин, в изолированных друг от друга мужских и женских общежитиях, с автоматами для продажи сигарет, отдельной столовой, мелочной лавкой, а если показывают кино — то тут же, на складе. Для этих людей никто не устроил курсов немецкого, они и по городу ходят только кучкой».

«Опрошенным был задан исходный вопрос: «Как вы можете охарактеризовать гастарбайтеров?» [...] «За девками ухлестывают» (43%), «шумят» (39%), «грязные и неряшливые» (30%), «вспыльчивые, жестокие, грубые» (27%). И далее: «им нельзя доверять; навязчивые; плохие работники; ленивые; бесстыжие; дерзкие; склонные к воровству. [...]

А вот положительные характеристики, которые прозвучали в ответах — такие, что они, может быть, подходят для домашней собаки, для домашней скотины, в лучшем случае для незадачливого сынка, который так и не смог сдать на аттестат зрелости, но уж никак не для коллег и сослуживцев».

«Третий проект», 1967

«Не нужно отменять свободу собраний, если власть научилась хорошо манипулировать имеющимся законодательством о проведении собраний, если и без того можно получить полицейское разрешение на проведение запланированной демонстрации только в переулке, только после очень заблаговременно поданной заявки и только после тщательного предварительного изучения этой заявки — и при условии, что вокруг вас будет стоять полиция, которая в любой момент готова начать вас бить».

«Напалм и пудинг», 1967

«Разумеется, преступление — не сбрасывать напалмовые бомбы на женщин, детей и стариков, а протестовать против этого. Недемократичны не подавление свободного волеизъявления в Южном Вьетнаме, запрет газет, преследования буддистов, а протест против этого в «свободной стране». Считается дурным тоном бросаться в политиков пудингом и творогом, а вовсе не принимать с официальным визитом политиков, по чьей вине стирают с лица земли целые деревни и бомбят города».

«Объявлять пакеты с молочными продуктами чем-то однородным с бомбами и пулями, действие которых ужасней, чем действие запрещенных Женевской конвенцией пуль «дум-дум» — это значит приравнивать войны к детским играм. И разве «Франкфуртер Рундшау» не знает, что заявления студентов и других оппозиционных групп — в каких бы выражениях они не были сформулированы — никогда не появляются в печати, за исключением тех случаев, когда это удается сделать посредством скандала?»

«Вьетнам и немцы», 1967

«Уже сейчас можно смело сказать, что не потому противники войны во Вьетнаме составляют меньшинство населения ФРГ, что большинство населения эту войну поддерживает, а потому, что доступ к полной и правдивой информации имеет только меньшинство: образованные люди, интеллигенция, которые

— при существующей структуре образования
— по определению являются меньшинством».

«Водометы. И против женщин тоже», 1968

«Художественный образ собаки со вспоротым животом, которая, однако, не воет от боли, поскольку у неё перерезаны голосовые связки, более не соответствует образу ФРГ. Сейчас собака, пусть негромко, но завывает».

«Борьба против чрезвычайного законодательства — классовая борьба», 1968

«Мы высоко подняли над собой как знамя конституцию — а должны были сражаться за то, чтобы в обществе были созданы социально-экономические условия для сохранения и расширения демократии. Мы выдвигали аргументы против законов о чрезвычайном положении — а должны были бороться против власти монополий, против расширения концерна Шпрингера или, как минимум, радикально отстаивать наше право жить так, как мы хотим».

Поскольку мы ввязались в схоластический спор о конституции, мы сделали так, что нашими противниками оказались парламентарии, которые ни перед кем не ответственны, «кроме своей совести».

Валерий Листьев

Последний бой красноармейца Ключкина

Перегибы на местах

Погожим весенним деньком мы резались с дедом в козла. Дела мои шли из рук вон плохо: я проигрывал кон за коном. Спас меня от окончательного разгрома сосед. Зайдя в хату, он первым делом поинтересовался результатом игры, посочувствовал мне, и попросил у деда стремянку, вместе они вышли на улицу.

Оставшись в одиночестве, я стал обдумывать свое безвыходное положение, оставаться козлом в очередной раз не входило в мои планы. Случайно мой взгляд упал на газету, лежащую на столе, называлась она — «Петровские вести».

На ее передовице большими буквами красовался заголовок — «Гофицкое: жизнь как она есть».

«Что еще за Гофицкое такое?», — подумал я. Тут я стал припоминать, дед рассказывал мне, что это село было названо в честь чекиста, которого ухлопали то ли местные крестьяне, то ли какие-то недобитые беляки.

Еще больше заинтересовавшись, я стал беглым взглядом просматривать содержание статьи. После этой краткой демографической статистики главой местной администрации, неким Захарченко, перечислялись всякие граждане, какими-либо трюками вписавшие в биографию села немало славных страниц.

Первым в этом списке шел чекист Виктор Оскарович Гофицкий, по словам чиновника, он вместе со своим бравым отрядом разбил банду неких «Ключкинцев», которые всю терроризировали местных жителей.

На втором месте были различные деятели времен коллективизации, которые также пострадали от этой банды.

Остановившись на этом месте, я задумчиво стал чесать свою репу рукой, мне почему-то показалась, что чиновник со страницы газеты неуклюже пытается наебать своего читателя.

Один мой знакомый бывал в этом самом селе, и местные старики рассказали ему, как все было на самом деле.

Задолго до того, как товарищ Гофицкий скоропостижно щелкнул своими красноперыми лапами под свист белобандитских пуль, село называлось Медведское. По словам аксакалов, эти самые ключкинцы были местными крестьянами, которых большевики довели до ручки.

Так как сегодня в азартных играх мне явно не везло, я решил отыгаться на историческом фронте и восстановить доброе имя своих земляков.

Как это водится в серьезных произведениях — начнем издаека.

В начале 19 века крестьяне начали активно переселяться из Украины и центральной России в Ставропольскую губернию в поисках лучшей доли. На территории современного Петровского района Ставропольского края переселенцами был основан ряд сел, в том числе и интересующее нас Медведское-Гофицкое. Жили переселенцы по тем временам вполне сносно: женились, растили детей, дули чай из самоваров. Земли в тех краях было много, а всяких помещиков и прочего мудачья мало.

Так, относительно размеренно, прошло сто лет, пока не началась Первая мировая война, а затем Ставрополье закрутило в лихолетье гражданской войны. Если говорить о политических взглядах жителей Ставропольской губернии того времени, то большинству из них на политику было глубоко наплевать. Ситуация резко изменилась с прибытием в край осенью 1918 года Барона Врангеля и его казаков, которые испытывали непреодолимую тягу к крестьянским сбережениям. Это сыграло решающую роль в формировании взглядов ставропольских крестьян — против белых развернулось широкое партизанское движение.

Следует отдать Врангелю и его людям должное, они умели не только мародёрствовать, но и воевать. Черный барон умудрился со своими казаками дойти в 1919-м до Царицына и взять

его, а в следующем году еще и отдохнуть в Крыму, пока большевики не выписали ему билет на пароход в один конец. После установления советской власти жизнь на Ставрополье начала входить в мирное русло. Она мало отличалась от царского времени, крестьянство благосклонно встретило НЭП и залечивало раны, нанесённые войной.

Но не тут-то было! Товарищам из Москвы срочно понадобилась техника и технологии для индустриализации. По старинной русской традиции средства для всех этих цацек решили взять у крестьянства.

В январе 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». На Северном Кавказе коллективизация должна была быть завершена осенью 1930 г. или, в крайнем случае, весной 1931 г. В связи с этим с 10 по 13 января 1930 г. прошел пленум Северо-Кавказского Крайкома ВКП(б), на котором было дано указание местным организациям максимально усилить работу.

Поначалу дела с коллективизацией на Ставрополье шли не ахти, в колхозах состояла лишь треть хозяйств. Коллективизация проводилась в спешке, организационная работа внутри самих колхозов практически не проводилась. Финансовое положение колхозов было не в лучшем виде. Не хватало квалифицированных специалистов, зато прибавилось лишних ртов в виде сотрудников администрации и всякого рода партийных работников.

Крестьяне не хотели оставаться в колхозах, и стали пытаться свалить оттуда как можно быстрее. Чтобы переломить ситуацию, большевики стали принимать крайние меры. Ведь достижение цифр в планах было гораздо важнее жизни и свободы людей. В тридцатом году крестьяне практически лишались права выбирать оставаться им в коллективном хозяйстве или нет. Если крестьянин все-таки добивался выхода из колхоза, то он практически оставался без средств к существованию.

С другой стороны, большевики применили свой излюбленный прием: всем вступившим в колхоз обещали неземные блага. Все эти коммунистические поливы, понятное дело, остались только на бумаге.

В итоге, к середине 1931 года удалось согнать в колхозы 80 процентов хозяйств. Одним из инструментов по строительству нового мира было раскулачивание.

ЦК ВКП(б) издал ряд постановлений, которые запрещали в районах сплошной коллективизации наемный труд, кулаки лишались права голоса. Если кто-то начинал артачиться, местные власти могли конфисковать его имущество, а его самого — выслать в Сибирь или Казахстан.

Только по официальной статистике, за февраль 1930 г. было раскулачено 5350 крестьянских хозяйств. Массовые раскулачивания и выселения продолжались ещё на протяжении трех с половиной лет... Но вряд ли можно доверять этим цифрам, ведь критерии, по которым можно было попасть в кулаки, постоянно расширялись.

Под раздачу попали не только зажиточные крестьяне, но и середняки и бедняки, а также были случаи, когда всякие уполномоченные, видевшие белых только на картинках в стиле «Мальчиш-кибальчиш», раскулачивали красноармейцев и участников партизанского движения.

Попутно советская власть и товарищ Сталин не забывали и об урожае. В 1930г. был получен самый высокий урожай за все годы после октябрьской революции. Если в предшествующие годы максимально валовой сбор зерновых в 1928 г. составил 733,2 млн. ц., то в 1930г. — 835,4 млн. ц.

Вождь приписал эти достижения именно проводимой в стране коллективизации. Это утверждение, послужило одним из аргументов в пользу дальнейшего форсирования и увеличения плана хлебозаготовок. Для повышения собранного урожая в село были направлены десятки тысяч партийных активистов.

Условия хлебозаготовок не учитывали один важный фактор, а именно материальный интерес колхозов, колхозников и единоличников, и лишали их стимула в производстве и сдаче хлеба государству.

Казачество и крестьянство края пришли к уборке и заготовке урожая с пустыми амба-

рами, так как большинство зерна было сосредоточено в руках государства. Оставшись после хлебозаготовок без хлеба на продовольственные нужды, хлеборобы стали всячески уклоняться от выполнения плановых показателей.

В итоге все планы по сбору урожая колхозами были провалены. Конечно, во всем обвинили кулацкие элементы, в них теперь мог попасть кто угодно. Красноармейцы, оперуполномоченные и коммунисты постоянно проводили обыски, изымая у крестьян и колхозников все найденное.

Партийные организации активно поощряли доноительство, стукачам передавали от 10 до 15 процентов найденного хлеба.

Результат такой гениальной политики не заставил себя долго ждать. Костлявая рука голода протянулась над ставропольскими селами и станицами к началу зимы 1932 года. К этому времени из дворов колхозников вынесли уже все что можно. А в покрытых снегом полях найти себе пропитание было невозможно.

Все продукты распределялись теперь парторганизацией, большинство людей на эту помощь могли не рассчитывать, в отличие от активистов и вертухаев, которые чувствовали себя довольно вольготно.

Сегодня многие наши сограждане, получив доступ к интернету, воспевают гений товарища Сталина и стонут от удовольствия при одном только упоминании о его сильной руке. Ведь усатый товарищ своими действиями не раз спас нашу Родину, а число жертв коллективизации сильно завышено всякими либералами и наймитами запада. Но я всегда больше доверяю очевидцам событий, а не современным историкам и крикунам.

Вот что пишет в своих воспоминаниях житель станицы Невинномысской (сейчас город Невинномысск) наверняка проплаченный либералами Игорь Иванович Дудко:

«К 1933 году уже начал свирепствовать голод. Зерно и всякая еда изымались безоговорочно. Отец и мать спрятали в кувшин фасоль и закопали в песке на берегу Кубани, заросшей ивняком. Вскоре фасоль кончилась, мы стали есть тыкву, морковь, лебеду. Хлеба я не видел ни дня в году. Ничего нет страшнее голода. Судорогами сводило живот, я прижимался к матери и боялся плакать, потому что и она была голодна... Шестеро моих братьев и сестер умерли от голода и болезней...» Не осталась в стороне

и ставропольская интеллигенция. Писатель Тихон Холодный писал в газете «Власть Советов» от 29 марта 1933 в № 593:

«Подкидывание» голодными матерями своих голодных детей у нас в Ставрополе стало заурядным явлением. Чаще всего детей бросают на вокзале и базаре. Большинство из этих детей так и остаются на улице.»

А вот что сообщает в своем донесении Начальник политотдела Ейской МТС: «Состояние людей в январе 1933 г. За январь по ряду колхозов умерло от 365 до 290 человек. Итого по 4 колхозам свыше 1 тыс. человек. В Есентукском районе был ряд случаев трупоедства и людоедства своих близких и родных. Трупы разворовывались с кладбища».

Далеко не все жители Ставрополя эти изменения в своей жизни встретили с одобрением. Поняв, что свобода, за которую они боролись, обернулась еще большей несвободой — народ взялся за оружие. В крае развернулась стихийная партизанская война, теперь уже не против белых, а против террора Советской власти.

Большевистская пропаганда писала обо всех этих людях как о бандах белогвардейцев, бандитах с большой дороги и ожиревших кулаках. Одним из этих многочисленных преступных элементов и оказался тот самый Иван Ключкин, по фамилии которого назовут отряд восставших в Петровском районе крестьян.

11 июня 1931 года в Медведском произошло вооруженное восстание под руководством Ивана Ключкина. В селе состоялся народный сход, по итогам собрания было принято решение переэкзменовать местных партийных лидеров на предмет знания научного коммунизма. Секретарь партячейки, председатель колхоза, бригадир, секретаря райкома комсомола и еще несколько особо удачливых строителей социализма получили оценку неудовлетворительно у односельчан. Изъятое коммунистами продовольствие повстанцы раздали обратно хозяевам, а колхоз распустили из-за отсутствия руководящего партийного звена.

Вот что об этих деклассированных элементах и исключительных негодях писали земляки. Судя по всему, житель села Гофицкого В.И. Васильченко знает о ключкинцах не понаслышке:

– Двоюродный брат отца пошёл в банду Ключкина. Андрей его звали. Но ведь что его заставило? Ведь третий раз приехали забирать! Ведь если лаваша у нас, детей, забрали, оставили

нас голодными, кто ж не пойдёт? Ключкин же воевал за советскую власть, он орден Красной Звезды получил первым в гражданскую войну. Они ж «Земля крестьянам, а рабочим фабрики», так? А когда он пришёл с войны, у него же эту землю и забрали...

А вот что рассказала о кровавом терроре банды А.Н. Фролова, младшая современница Ключкина:

– Анна Никитична, а помните, как здесь банда Ключкина была?

– А как же, а как же. За Ключкина я вам скажу так. Они обиженные люди были. Эт не банда, это называли так — «банда». У их позабрали худобу, позабрали дома, с домов повыгоняли их. А он тогда, боявой парень, их пособрал таких усех, какие обиженные, вот они и открыли войну. Они у нас побили этих, какие ходили, как их называли? Активистов! Восемь человек они тут у нас убили. Они никого больше не трогали.

В советских источниках также говорится о том, что Ключкин был унтер-офицером (отнюдь не аристократичное солдатское звание, аналог нынешнего сержанта) в царской армии и стыдливо умалчивается о его ордене красного знамени и службе в рядах РККА.

В ставропольском ОГПУ очень удивились, узнав о таком развитии событий.

Наверняка его руководителю Виктору Оскарович Гофицкому надоело писать посмертные вирши по случаю смерти свои коллег по партии, и он решил вписать в историю села Медведское еще пару славных страниц.

Приехав в Медведское на поезде он, рассадив своих коллег по грузовикам, а сам сев в личное авто с шофером и своим замом, отправился подавлять восставшую контру. Гофицкий тоже был человеком не простой судьбы. В партию он вступил 1917 году, затем воевал в бригаде Котовского. Трудился не покладая рук во Всеукраинской ЧК, был заместитель начальника особого отдела 1-й Конной армии. Участвовал в боях с басмачами в Туркестане.

А с 1928 года ему еще больше подфартило — он стал начальником Майкопского и Ставропольского оперсекторов ОГПУ.

Судя по биографии, человек в военной науке он был весьма «искушенный». Поэтому по приезде в село он начал преследовать восставших крестьян на своей машине отдельно от основ-

ной группы чекистов.

Такая тактика себя полностью оправдала, Гофицкий быстро обнаружил отряд Ключкина. По официальной версии, отдающей отборным совковым абсурдом, Гофицкий, пришпорив водилу служебного авто, долго гнал 29 испуганных крестьян по степи. На ходу, встав в полный рост и передернув затвор винтовки, Гофицкий милостиво предложил повстанцам сдаться. Те согласились и начали бросать оружие на землю, но тут случился маленький конфуз. Перетрусив, один из крестьян случайно пальнул из своего ружья. По трагическому стечению обстоятельств пуля попала в лоб прославленному чекисту, а затем отрекошетила в его шофера и заместителя.

После этой трагедии, отряд повстанцев отступил в степь, где 16 июня их настигла погоня, после ожесточённого боя с отрядом ОГПУ большинство крестьян было убито, нашла чекистская пуля и Ивана Ключкина.

В память о Гофицком было названо село Медведское, а в другом, где проходил последний бой повстанцев, в честь главаря Ставропольского ОГПУ установили памятник.

Тело Гофицкого было доставлено в Москву и предано кремации в Донском крематории, с отдачей воинских почестей. Даже Ягода не поленился и написал приказ о героической смерти своего товарища.

О месте захоронения ставропольских повстанцев до сих пор ничего неизвестно. Надеюсь, родная земля приняла их тела и укутала в звездное ставропольское небо. До сих пор они не реабилитированы. А местные чиновники рассказывают жителям о Гофицком как о выдающемся деятеле их села, в котором он бывал только один раз, да и то в состоянии трупного окоченения.

Не долго радовались победам и руководители местных партийных организаций, а также сотрудники органов госбезопасности, воспетые в Петровских вестях. Кто-то должен был ответить за «небольшие перегибы», которые допустила Советская власть в этот период.

Понятное дело, что это было не оторванное от реалий московское начальство, выдумывающее в своей голове плановые показатели, а руководители на местах, которые ради достижения своих личных целей и сытой жизни были готовы пойти на все. После завершения коллективизации многие из них были репрессированы.

Игорян Нопасарян

Пентаграмма анархии

Какой символ можно увидеть на эмблемах анархических организаций и на ляжках субкультурных див, равно как и на флаге братской африканской республики Гана? Это чёрная пентаграмма (пентакль) — знак, прочно вошедший в либертарный обиход. Пожалуй, каждому, кто использует пентакль, неплохо бы более-менее представлять себе его символическое значение.

«Зачем ещё знать какие-то там метафизические трактовки символов?» — спросишь меня ты, мой секулярный товарищ. На это я смогу ответить только своим вопросом: «А зачем тогда вообще использовать символы?» Коль скоро уж графические идеограммы так притягивают нас, и, осознанно или нет, мы активно внедряем их в нашу жизнь, неумолимо возвращаясь во времена волшебных поверий, — то давайте разбираться с их значением.

Рассмотрение символизма чёрного цвета — задача отдельная, её мы оставим до лучших времён. Сейчас сосредоточимся на пятиконечной звезде.

Про столь одиозный, одновременно столь отталкивающий и притягательный символ, как свастика, известно довольно много: трактовался он и как символ огня, и движения солнца по небосводу. Известен он был с глубокой древности, и до сих пор активно представлен в материальной этнографии: всевозможных народных вышивках, декоративных орнаментах на утвари и т. д. Однажды в мою голову стал настойчиво стучаться интерес, что же действительно означает другой знак — в изобилии присутствующий на моих значках и разбросанной по квартире прессе. Знак, одновременно набивший оскомину в свете всевозможного советского официоза, до сих пор активно представленного в нашей повседневности.

Из того материала, что мне удалось накопать, следует, что наиболее древние изображения пятиконечной звезды были обнаружены в археологическом материале Древнего Египта и относятся к додинастическому периоду (V — IV тыс. до н. э.). В более поздние периоды древнеегипетской истории пентаграмма в круге была известна как иероглиф Дуат. Здесь впервые сказывается многообразность смыслов и пред-

ставлений, наполнявших пентаграмму. Дуат — страна мёртвых у древних египтян. Помещалась она, как указывал известный историк Р. И. Рубинштейн, под землёй (страна «совсем глубокая, совсем тёмная и бесконечная»), но в то же время ассоциировалась с ночным небосводом и его светилами, а также с горизонтом. Другие исследователи упоминали ещё и о том, что слово Дуат первоначально означало утреннюю звезду.

В другой мифологической системе Древнего Востока — вавилонской — пятиконечная звезда мыслилась как символ бога солнца Шамаша и, порой, его сестры, богини плодородия, любви и войны — Иштар. Иштар, в свою очередь ассоциировалась с планетой, которая ныне называется Венера. Любопытно, что в Центральной Америке, у ацтеков, одним из символов той же планеты также служил пентакль. Важно и то, что мифологические сущности, связываемые с пятиконечной звездой, часто имели выраженную связь с женским началом — например, Иштар или Дуат, что также персонифицировалась в образе «женщины-матери умерших, которых она ведёт на небо» (Рубинштейн).

Вероятно, из древневосточных культов пентаграмма перекочевала в символические системы ислама и христианства. В рамках последнего, между прочим, первоначально пентакль числился вовсе не как «символ сатанизма». Звезда была изображена, например, на печати римского императора Константина, покровителя христианства, признанного некоторыми церквями святым. На царской печати пентаграмма соседствовала с другим христианским символом — лабарумом, впоследствии одним из важнейших символов Византийской империи. Причём звезда на Константиновой

Figure 12

Figure 13a

Figure 13b

Figure 13c

печати была «перевернутой». Также встречается пентакль и на некоторых иконах. Существует трактовка, согласно которой у христиан пять лучей звезды обозначают пять ран распятого Христа (правда, первоисточник данной трактовки остался для автора тайной).

Известна пентаграмма и в средневековой Европе. В Германии одним из её названий был «ведьмин след» (немецк. Drudenfuß). Вместе с такой «негативной» коннотацией пентаграмма являлась обережным знаком, что нашло отражение в «Фаусте» Гёте, где демону мешает пройти начертанная при входе в дом пятиконечная звезда:

Мефистофель: Нет, трудноато выйти мне теперь.

Тут коё-что мешает мне немного:

Волшебный знак у вашего порога.

Фауст: Так пентаграмма этому виной?

Но как же, бес, пробрался ты за мной?

Каким путем впросак попался?

Мефистофель: Изволили её вы плохо начертить,

И промежуток в уголку остался,

Там, у дверей, — и я свободно мог вскочить.

В английской поэме XIV века «Сэр Гавейн и Зелёный Рыцарь» подробно расписана семантика пентаграммы, помещённой на щите главного героя:

*О, как чудесно шёл к нему щит благородный!
Зачем же знак пентаграммы на нём начертан,*

Я вам открою, пусть это рассказ и задержит.

Установил Соломон тот знак однажды

И повелел почитать как верности символ;

Пять острых углов его образуют

С чертою черта, встречаясь в пересеченье.

В направленьи любом бесконечны грани,

(Его «бесконечным узлом» зовут англичане).

Сей знак подобает лишь мужу кристальной чести;

И пять раз по пяти вершиной каждой

Гавейн воссиял ярче смарагда (...)

На пять своих чувств вполне Гавейн полагался.

Пять пальцев десницы его не подводили.

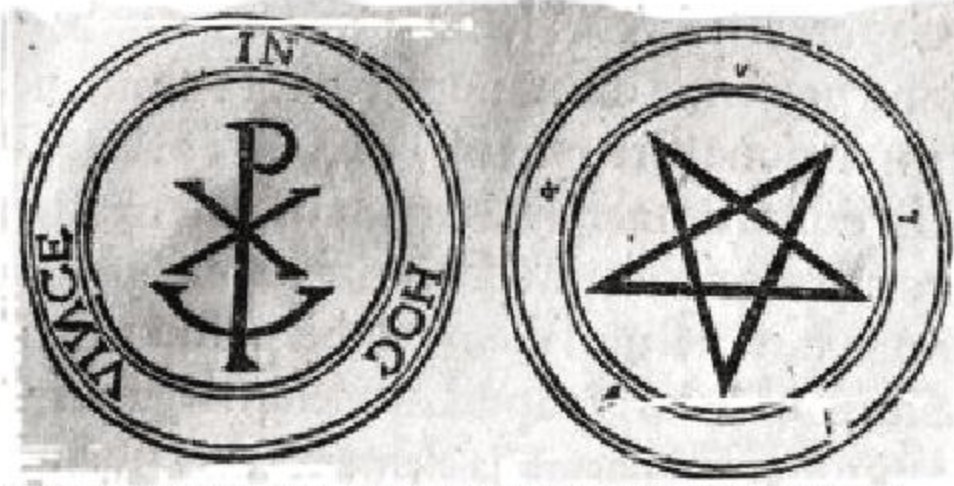
Он веровал крепко в пять ран Христа,

Распятого на кресте, как Писание учит.

*И куда бы судьба ни бросала героя,
Превыше всего он был уверен,
Что силою полнят его в испытаньях,
Пять дивных радостей Девы Пречистой.*

Здесь мы, помимо прочего, видим, что пентаграмма ассоциируется с библейским царём Соломоном. Вероятно, подразумевается его знаменитая царская печать. Обычно считается, что на ней красовалась шестиконечная «звезда Давида», а не пентаграмма, но здесь представлен альтернативный взгляд. Этот вопрос подводит нас к другому важному аспекту пентакля — его восприятию в качестве символа монархической государственной власти. Известна трактовка, приписываемая вавилонянам, согласно которой пятиконечная звезда символизирует власть царя (верхний луч) над четырьмя сторонами света (остальные лучи). Действительно, пентаграмма известна на печатях вавилонских царей и уже упомянутой печати римского императора. Также встречена она на монетах императора Александра Македонского. Кто знает, не тёмные ли духи монархии склонили осенённого пентаграммой Ленина и его последователей к установлению в России тоталитарного строя? Тема пентаграммы, как мистического клейма большевиков и антагониста православного креста, отражена в романе революционной писательницы Ольги Форш «Сумасшедший корабль». Там, деревенский знахарь, которого просят помочь большевику, страдающему от тифа, даёт такой ответ: «Святить коммуниста снаружи нельзя (...) всё наружное естество у коммуниста не под крестом, а под звездой. Но дать внутрь от властей не противопоказано, а для благодати даже спорочей. Святи его внутрь! (...) Запомни твёрдо одно: минуя кишечник, помочь коммунисту нельзя, потому что все наружные части идут у него под звездой! Ну, иди. Святи внутрь!»

Каким же образом пятиконечная звезда оказалась эмблемой у сторонников социальной революции — история отдельная. Вероятно, как старый религиозно значимый символ пентаграмма активно использовалась всевозможными оккультными обществами в Европе на рубеже Средневековья и Нового Времени, а от них она перекочевала к масонам — идейному течению, охотно прибегавшему к оккультизму и магии, и заодно вынашивавшему идеи о социальном переустройстве мира.

Пентаграмма до сих пор занимает не последнее место в масонском символическом арсенале. Масоны, в свою очередь, имели определённое влияние на круги французских революционеров конца XVIII столетия. И вот — мы наблюдаем пентакль как знак воинского отличия в республиканской армии революционной Франции. Каким именно путём и при посредстве каких именно деятелей пентаграмма из недр оккультных сект взошла на революционные мундиры, установить затруднительно. Однако «масонский след» выглядит здесь наиболее вероятным. Устоявшись в качестве революционного и военного символа, пентаграмма начинает свою экспансию по многим странам и разным континентам. В XIX веке к ней начинают применять эпитет марсова звезда, подчёркивая её военную ипостась (Марс — римский бог войны). Вскоре, мы, например, можем видеть красную перевернутую звезду в качестве эмблемы 7-го корпуса армии северных штатов в ходе американской гражданской войны. А с 1827 года пентаграмма вводится и как знак отличия офицеров российской императорской армии (по Н. А. Соболевой). Нужно сказать, что всевозможные рассказы про «сатанинскую» сущность пентаграммы (в том числе и перевернутой), по всей вероятности, также родом из XIX столетия с характерным для этого века бурным интересом светских пижонов к магии и оккультизму. Осмелюсь предположить, что сатанинский семантический ряд был попросту выдуман шар-

латанами и фальсификаторами, подвизавшимися на ниве мистицизма.

Отметим цветовое осмысление «марсовой звезды». Она мыслилась (хотя, по-видимому, не строго обязательно) красного цвета. В культуре российских революционеров начала XX века Марс (как планета) порой воспринимался как символ общественного прогресса. Подтверждением тому фантастический роман «Красная звезда», написанный в 1908 году А. Богдановым, где изображается коммунистическое общество на Марсе. Однако вплоть до революции 1917 года, насколько известно автору этих строк, пентаграмма не была символом российских революционных организаций. Как сообщает исследовательница российской эмблематики Н. А. Соболева, весной 1918 года или чуть раньше «марсову» красную пятиконечную звезду утверждают в качестве эмблемы Красной армии. В качестве авторов такого проекта красноармейской эмблемы называют имена Л. Д. Троцкого и Н. И. Подвойского. Затем, в начале 20-х годов красная пентаграмма переходит с военной формы на гербы союзных республик и СССР, а вскоре — становится одним из символов международного коммунистического движения. Вероятно, именно в этот период возникает революционная трактовка пентакля как символа борьбы пролетариата на пяти населённых континентах. По всей видимости, в анархистскую иконографию пентаграмма перешла от большевиков в ходе культурной диффузии этих одновременно исторически близких и противоположных идейных течений. Мне неизвестно, в какие годы чёрная и чёрно-красная звезда обретает прочное место в анархистской среде, однако сегодня эти символы в нашем движении используются весьма широко.

Что же может значить для нас этот знак? Какие он таит в себе возможности и опасности? Негативной, несомненно, является его

связь с авторитарным государственным началом, выразившаяся в связи пентаграммы с самовластными царями Древнего Мира и тоталитарной идеологией большевизма, а также в том, что соотносимые со звездой вавилонские божества порой также рассматривались как покровители правящих особ. Опасна и древнеегипетская связь пентаграммы с миром мёртвых Дуат. В то же время — где как не в запредельном мире, за горизонтом, среди отдалённых ночных светил обрести революционерам силы для невероятного изменения глобальной общественной парадигмы? И у кого как не у Шамаша-Солнца анархисту испрашивать поддержки в том, чтобы рассеять тучи господства и подчинения, тысячелетиями сгущавшиеся на ясном небосводе? Несомненно, стоит помнить нам и об осторожной силе нашей звезды, способной оттолкнуть

прочь наседаящих буржуазных демонов. Вероятно, близок анархистам и «универсализм» пентаграммы. Некоторые религиозно-философские системы древней Греции и Китая (а ныне виккане) в универсалистском ключе воспринимали звезду как средоточие пяти стихий, из которых, по их мнению, состоял мир. Сюда же по смыслу относится идея объединения пяти континентов. Именно поэтому, кстати, пентаграмму в качестве своей эмблемы используют эсперантисты — изобретатели и популяризаторы общечеловеческого языка... В общем, сложный и неоднозначный символ, товарищи, сделали мы своей путеводной звездой. Будем же уповать на то, что заключённые в пентаграмме силы послужат во благо либертарному революционному проекту.

Товарищ Дима

ОБЩЕСТВО

Войны за нефть

Войны и разрушения, принося смерть и обнищание одним, всегда служат, прямо или косвенно, обогащению других

Ирак

В случае с войной в Ираке, пожалуй, большая часть населения планеты не верит в то, что она была развязана из-за оружия массового поражения или в рамках антитеррористической стратегии. Многие — от низовых активистов антивоенных манифестаций по всему миру до высокопоставленных чиновников вроде Аллена Гринспена, бывшего председателя ФРС — сочли или признали, что это была война за нефть.

В 2000-м году ExxonMobil, British Petroleum, Shell и Chevron выделили беспрецедентную по своим размерам спонсорскую помощь на президентскую кампанию Джорджа Буша-младшего, представителя одного из старых нефтяных кланов Техаса. Эти четыре могущественные компании являются прямыми наследницами легендарных «Семи Сестёр», некогда обладавших полным контролем над мировым

рынком нефти, вплоть до первого нефтяного кризиса, случившегося в 1973-м. И в наше время, когда три четверти мировых запасов нефти перешли под контроль национальных правительств и государственных компаний, они всё ещё остаются крупнейшими в частном секторе, и, судя по всему отнюдь не оставляют амбиций вернуть себе хоть часть бывшего величия. Согласно свидетельству CNN участие этих четырёх корпораций в выборах президента США никогда прежде не достигало подобных масштабов. В качестве вице-президента в той гонке участвовал Дик Чейни исполнительный директор Halliburton, гигантской компании, оказывающей широкий спектр сервисных услуг на нефтегазовых месторождениях всего мира, в т.ч. в СНГ. Помимо всего прочего, Чейни стал в кабинете Буша-младшего одним из основных представителей неоконсервативной фракции американского истеблишмента. Советником по национальной безопасности Буш назначил Кондолизу Райс из Chevron. Уже через неделю после победы на выборах Чейни

возглавил Группу по развитию национальной энергетики, призванную координировать внешнеполитические действия новой администрации и интересы крупнейших нефтяных корпораций. Группой в первые же месяцы был разработан целый пакет документов, содержащий, в частности, подробные карты месторождений, трубопроводов, НПЗ и танкерных терминалов Ирака, а также списки иностранных юридических лиц, ведущих на тот момент переговоры о контрактах на разработку с правительством Саддама Хусейна. Позже эти документы, датированные мартом 2001-го, были переданы в суд в связи с расследованием действий Группы Чейни по иску одной правозащитной организации в пользу свободы слова. Они порядком смахивают на план «Барбаросса». Группа Чейни также приняла стратегию по развитию национальной энергетики, согласно которой ближневосточные страны, производящие нефть, следовало максимально «открыть для иностранных инвестиций».

Режим Саддама Хусейна несомненно продолжал оставаться на тот момент для лидеров нефтяного бизнеса самым опасным и непредсказуемым фактором дестабилизации на Ближнем Востоке. Ведь прошло лишь десять лет с тех пор как его дивизии аннексировали Кувейт (4-й в мире производитель нефти) и вторглись в Саудовскую Аравию, заняв на время приморский город Рас-эль-Хафджи с его стратегическим портом и крупными шельфовыми месторождениями. А ведь с тех пор как к доктрине Картера (по сути, официально закрепившей за регионом Персидского залива статус сырьевого придатка экономики США), было принято Дополнение Рейгана, именно США являются гарантом суверенитета и территориальной целостности ваххабитского королевства. Саддам, хорошо осознавая преимущества своего геополитического положения никогда не скрывал, что готов воспользоваться любыми доступными средствами в своей собственной борьбе за власть и влияние на мировом рынке нефти. Например, когда в ноябре 2000-го он перевёл все иракские сделки по экспорту нефти на евро, многие финансовые аналитики сочли это опаснейшим прецедентом для нефтедолларовой экономики. Ведь после отмены Бреттон-Вудса именно согласие стран ОПЕК устанавливать цены на «чёрное золото» в долларах во многом послужило укреплению главенствующей роли американской валюты в мировой экономике. Иракские сделки были вновь переведены на доллары в 2003-м, уже при оккупационном режиме Временной коалиционной администрации.

Таким образом, можно предположить, что на повестке дня у правительства США и руководства главных нефтяных корпораций стояло две задачи: физическое устранение Саддама Хусейна как самостоятельного игрока и максимальное открытие национализированной нефтяной промышленности Ирака для иностранного участия. Выполнение обеих задач должно было привести к стабилизации рынка, а заодно и принести дополнительные побочные дивиденды. В конце концов, Ирак обладает вторыми после Саудовской Аравии запасами нефти в мире.

Даже на посту вице-президента Дик Чейни, согласно свидетельству Наоми Кляйн, сохранил за собой 189 000 акций и 500 000 опционов Halliburton, а также почётную зарплату \$211 000 в год. Эта компания, выиграв тендеры на работы по реконструкции разрушенной войной инфраструктуры Ирака, заработала на них 20 миллиардов долларов. При этом стоимость акций компании подскочила на 400 процентов лишь за первые три года войны (Н.Кляйн, «Доктрина шока», 2009). Но это мелочи.

По данным Грега Паласта, другого независимого журналиста, приведённых в его книге «Вооружённая психбольница», рост доходов пяти крупнейших нефтяных компаний (т.е. вышеупомянутой четвёрки плюс ConocoPhillips, совместно именуемых Паластом «Большая нефть») за те же годы, составил 81 миллиард в 2004-м и 113 миллиардов в 2005-м. Напомним, что в том году Временная коалиционная администрация реализовала один из основных пунктов политической программы Буша-Чейни, проведя в Ираке парламентские выборы. Большинство суннитов заняло абстенционистские позиции, объявив демократическим выборам активный бойкот. Шииты, напротив, приняли в них деятельное участие, и в итоге добились преобладающего представительства своей конфессии в новом правительстве Ирака. Это вызвало всплеск межконфессионального насилия

и гражданскую войну. В ситуации хаоса и кровопролития, наступивших в Ираке, страны ОПЕК, в первую очередь Саудовская Аравия, не повышая текущий уровень добычи, а затем даже снижая его, искусственно взвинтили цены на нефть. В результате, согласно анализу Грега Паласта, стоимость общемировых активов одной лишь ExxonMobil возросла за первые три года войны на 666 миллиардов долларов. Стоимость активов Chevron, прежнего работодателя Кондолизы Райс, увеличилась на четверть триллиона. Совокупный же рост стоимости активов «большой пятёрки» составил 2,363 триллиона (Greg Palast, «Armed Madhouse», Penguin, 2006). Стоит отметить, что на момент расчётов Паласта цена на нефть составляла около 60 долларов за баррель. В 2008-м она достигла отметки \$147.30 за баррель. Следовательно, можно предположить, что к тому времени цифры, озвученные Паластом, как минимум, удвоились.

После формирования нового кабинета и парламента, следующим пунктом в повестке дня команды Буша-Чейни было принятие нового законодательства Ирака о недропользовании. Администрация Буша привлекла к работе над проектом нового иракского Закона об углеводородах консалтинговую фирму Bearing Point, бывшее подразделение KPMG. Согласно аналитику CNN Антонию Юхас, данный законопроект был «частично составлен западной нефтяной индустрией», т.е. представителями крупнейших корпораций, напрямую работавших над составлением и редакцией статей нового законодательства. На страницах «New York Times» отмечалось, что в итоге принятия нового закона две трети иракских запасов нефти должны были перейти под иностранный контроль. Типичной формой контракта инвесторов с правительством Ирака должны были стать Соглашения о разделе продукции (СРП), причём инвесторы освобождались от необходимости «инвестировать доходы в иракскую экономику, брать иракские компании в долю, нанимать иракский персонал и делиться новыми технологиями» («NYT» от 13/03/2007).

В феврале 2007-го законопроект был рассмотрен и утверждён правительством Ирака, после

чего в мае того же года он был передан в парламент для ратификации. Тем не менее, проведение законопроекта столкнулось с упорным массовым сопротивлением низовых профсоюзных организаций местных нефтяников. В частности, Иракская федерация профсоюзов, Федерация рабочих советов и профсоюзов Ирака, Федерация нефтяных профсоюзов Ирака приняли совместное заявление, в котором ратификация Закона об углеводородах была объявлена «красной чертой», которую они пересечь не позволят. В начале мая Федерация нефтяных профсоюзов Ирака объявила, что начнёт всеобщую забастовку через два дня. Учитывая массовое присутствие рабочих из Федерации в порту Басры, на трубопроводах, НПЗ и месторождениях Южного Ирака, такая забастовка в течение нескольких дней способна была парализовать порт, вызвать затоваривание мощностей хранения, а затем и полный останов добычи на месторождениях, производящих всю экспортную нефть страны и исчезновение 1,6 миллионов баррелей сырца в день с глобальных рынков сбыта. Функционеры Министерства нефти Ирака немедленно вышли на руководство профсоюза и в результате переговоров, правительству удалось добиться отсрочки проведения забастовки. Но уже 4 июня нефтяники Басры всё-таки объявили стачку, перекрыв потоки продукции в нескольких трубопроводах. В числе прочего они выдвинули требования об улучшении условий труда, повышении зарплаты, выделении земли под строительство домов, снижении цен на горючее и участии в разработке законодательства о недропользовании. В ответ на это премьер-министр Ирака Нури аль-Малики издал указ об аресте президента Федерации и нескольких других профсоюзных лидеров по обвинению в «саботаже национальной экономики». Бастующие были взяты в окружение войсками. Тем не менее, в считанные дни позиция аль-Малики смягчилась. Он вынужден был пойти на компромисс и создать правительственную комиссию для рассмотрения требований рабочих по улучшению условий труда, повышению зарплаты и участию профсоюзов в разработке законодательства о нефти. 11 июня забастовка была прекращена.

Этот законопроект так и не был ратифицирован, и по мере того как дебаты в парламенте отдаляли перспективу его принятия всё больше и больше, американская «Большая нефть» решила пойти в обход законодательной власти нового Ирака. В июне 2008-го Министерство нефти Ирака сообщило о планах присуждения компаниям ExxonMobil, Shell, BP и Chevron выгодных контрактов на внеконкурсной основе. Эти контракты, согласно сообщению «New York Times», были составлены группой американских советников, правительственных юристов и частных консультантов во главе с работниками Госдепартамента США и содержали практически все те выгоды, которые им должен был гарантировать Закон о нефти («NYT» от 30/06/2008). Вместо фиксированной доли в чистой выручке от реализации добытой продукции на десятилетия вперёд, эти корпорации по новым контрактам должны получать фиксированный тариф «за услуги по добыче нефти» с каждого добытого барреля. В марте 2010-го агентство Bloomberg сообщило, что в соответствии с присуждёнными контрактами с новой формулой консорциум, возглавляемый BP, будет получать 2 миллиарда долларов в год, ExxonMobil — 1,6 миллиарда, и Shell — 913 миллионов в год. При этом директор BP по разведке и добыче заявил, что это только «начало нашего долгосрочного партнёрства с Ираком», добавив, что «мы будем изыскивать дальнейшие возможности» (получения прибылей в Ираке).

Таким образом, можно считать, что задача №2 администрации Буша-Чейни и их клиентуры из верхов нефтяного бизнеса всё-таки была отчасти выполнена — иностранные инвесторы получили доступ к нефтяным залежам Ирака, пусть и не с той максимальной выгодой, какую им сулило принятие Закона о нефти.

Ливия

С самого начала гражданской войны в Ливии, силы, оппозиционные Каддафи, особо не скрывали своих истинных планов и целей — передел и перераспределение доходов от сверхприбыльной торговли высококачественной, низкосернистой ливийской нефтью, на которой покоилась экстравагантная Джамахирия полковника.

По сообщению «Financial Times» повстанцы начали приторговывать нефтью уже в первый месяц с начала боевых действий, выйдя на греческую танкерную фирму Dypasom. Согласно подсчётам «FT», на танкер, прибывший в занятый повстанцами порт Марса-эль-Харига из

египетского Порт-Саида, могла быть отгружена партия восточноливийской нефти в объёме 140 тысяч тонн стоимостью 125 миллионов долларов (FT от 04/04/2011). Собственно, бои повстанцев с регулярной армией в предшествующий месяц шли как раз за контроль над трубопроводом соединявший три месторождения занятых оппозиционными силами в Восточной Ливии с морским терминалом в Марса-эль-Хариге («FT» от 07/04/2011).

Но на самом деле оппозиционный Переходный национальный совет (ПНС) начал делить шкуру неубитого медведя ещё раньше. Французская леволиберальная газета «La Libération» опубликовала текст послания ПНС правительству эмира Катара с копией генеральному секретарю Арабской лиги, отправленного уже через пару недель после принятия Совбезом ООН резолюции №1973, открывшей небо Ливии для бомбардировок НАТО. В письме говорилось о том, что ПНС в результате секретных переговоров принял решение гарантировать Франции 35% от общенациональной ливийской нефтедобычи в будущем в обмен на принципиальную поддержку и признание ПНС (LF от 01/09/2011). Правоцентристская «Le Figaro» воспроизвела новость в тот же день, сопроводив её комментарием министра иностранных дел Алена Жюппе, утверждавшего, что он не знал об этом документе, но которому текст письма показался «вполне логичным и вполне справедливым» (LF от 01/09/2009). Точно так же, после того как повстанцы взяли под свой контроль компанию AGOCO, филиал ливийской Национальной нефтяной корпорации, её менеджер по информации заявил Reuters, что у нового режима в нефтяном бизнесе «не будет проблем с итальянцами, французами и англичанами», но при этом такие проблемы могут возникнуть у «России, Китая и Бразилии», прозрачно ссылаясь на политику этих государств в Совете безопасности ООН. Фактически, можно сказать, что в итоге гражданской войны действительно в наибольшем проигрыше из крупных корпораций оказалась китайская CNPC, а в наибольшем выигрыше итальянская ENI.

КНР поразила весь мир своими логистическими и организационными возможностями, молниеносно проведя полную эвакуацию китайской рабочей силы из Ливии ещё в самом начале войны. Тем не менее, после окончания войны CNPC так и не вернулась в Ливию, несмотря на серьёзный масштаб операций в этой стране, достигнутый в довоенный период. Россия и Бразилия серьёзных потерь не понесли, возможно, потерпев гипотетический урон в каких-то своих будущих планах или инвестиционных программах. Что же касается ENI, в портфеле которой Ливия занимает первостепенное значение, то именно эта компания, по свидетельству «Financial Times», сыграла решающую роль в вовлечении своей страны в военную интервенцию. FT сообщает, что не кто иной как Паоло Скарони, генеральный директор ENI, убедил Сильвио Берлускони — который всего за несколько месяцев до этого публично целовал руку Каддафи — присоединиться к англо-французской военной инициативе в Ливии («FT» от 26/09/2011). В результате именно ENI стала первой иностранной компанией, возобновившей добычу в стране по окончании войны и уже в конце 2012-го вышедшей на довоенный уровень производства.

Как бы то ни было, на самом деле наибольшую выгоду от войны и сохраняющейся по сей день нестабильности ливийского рынка извлекли не столько крупные нефтяные корпорации, сколько самые известные из трейдерских фирм, таких как Vitol, Glencore, Trafigura и Gunvor, большей частью зарегистрированные и базирующиеся в Швейцарии или Голландии. Согласно Reuters преимущество таких фирм перед «Большой нефтью» заключается в том, что в отличие от последней они намного меньше связаны с национальными правительствами и акционерами или подотчётны им, обладая гораздо большей свободой от общественного мнения и нормативно-правовых либо этических ограничений при заключении коммерческих сделок. Задолго до того как ENI могла даже начать планировать своё возвращение в Ливию, Vitol уже наладила систему сделок по обмену сырой нефти повстанцев на нефтепродукты, выйдя на миллиардный уровень. По сообщению информационного агентства UPI, это произошло сразу после майской атаки сил Каддафи на занятые повстанцами месторождения.

Утверждение Reuters о независимости трейдерских фирм от большой политики может показаться спорным в свете сообщения «Guardian» о том, что Алан Дункан, министр международного развития Великобритании,

участвовал летом 2011-го в серии встреч с менеджментом Vitol, на которых речь шла о контроле над нефтяным рынком Ливии («Guardian» от 01/09/2011). Более того, согласно «Guardian», ещё в мае 2011-го, британский Форин-офис учредил особую группу, под названием «Ливийская нефтяная ячейка», чьей непосредственной задачей стал контроль за экспортом нефти из страны в рамках кампании против Каддафи. Эта группа и организовала координацию с Vitol, «компанией, продающей и покупающей больше нефти... чем BP и Shell», а точнее «по 5 миллионов баррелей в день» (там же).

С разоблачениями выступил также ультраправый депутат Европарламента Ник Гриффин. На своём личном блоге он сравнивает действия вышеупомянутой «ячейки» с действиями группы Чейни в Ираке и утверждает, что именно эта ячейка консультировала НАТО по блокаде нефтяных портов и маршрутам для контрабанды сырой нефти повстанцами через Тунис и Алжир. Помимо этого, согласно Гриффину, благодаря донорским взносам на суммы, превышающие 50 000 фунтов стерлингов, Иэн Тейлор, бессменный глава Vitol, входит в группу спонсоров, имеющую постоянный доступ к личным консультациям с Дэвидом Кэмероном, премьер-министром Великобритании.

Параллели с Ираком, возможно, заканчиваются на этом, потому что послевоенная ситуация в Ливии кардинально отличается от иракской. Дело в том, что правопреемники ПНС не обладают реальной властью в стране. Большие и малые месторождения, производственные и экспортные мощности, резервуары хранения, терминалы и т.п. находятся под контролем мириад вооружённых группировок, не признающих никакую центральную власть и противоборствующих между собой. Многие участники боёв против сил Каддафи считают, что предприятия, которые они обороняли, должны им теперь определённую материальную долю от своей выручки в виде рабочего места и зарплаты. Кроме того, в эти вооружённые формирования зачастую входят бывшие работники оккупированных предприятий, которые теперь могут более успешно решать свои прежние вопросы, вроде карьерного роста или повышения зарплаты, с оружием в руках. Ливийская ситуация, может также представлять определённый интерес для анархо-синдикалистов, т.к. эти вооружённые группировки (если отвлечься от их идеологических и религиозных убеждений) нередко применяют на захваченных экономических объектах принцип самоуправления.

Сирия и Украина

Нефтегазовая составляющая не является центральной в сирийском и украинском конфликтах, но она в них, безусловно, присутствует.

Всем известно, что отдельные страны Евросоюза всё ещё находятся чуть ли не в тотальной зависимости от Газпрома и давно занимаются поисками альтернативных маршрутов поставок природного газа. До сих пор все эти вялотекущие проекты — Набукко, Трансадриатический (TAP) и Трансанатолийский (TANAP) газопроводы, были рассчитаны на пропускную мощность 20-30 миллиардов кубометров в год и сильно уступали проектной мощности знаменитого «Южного потока» (63 млрд. м³ в год), хотя и способны были в теории составить конкуренцию и положить конец фактической монополии Газпрома в отдельных странах Европы.

Самое крупное в мире месторождение газа разделено между Катаром и Ираном в пропорции приблизительно 66,7% (Северный купол) и 33,3% (Южный Парс) соответственно. В 2009-м эмир Катара выдвинул предложение о строительстве газопровода через территории Саудовской Аравии, Иордании и Сирии до Турции (последняя претендует на роль главного транзитного узла Евразии, и, судя по всему в итоге практически добилась своей цели, правда, в результате совершенно иной, очевидно непредвиденной никем комбинации, после ряда драматичных событий 2014-го года, см. ниже). Пропускная мощность катарского газопровода не называлась, но по оценкам экспертов проект способен был бы бросить реальный вызов проекту «Южного потока». Башар Асад решительно отверг это предложение катарцев, поддержанное турками, по сообщению «Guardian», мотивировав свой отказ «защитой интересов союзной России, главного поставщика природного газа в Европу» («Guardian» от 30/08/2013). В июле 2011-го правительства Ирана, Ирака и Сирии подписали Меморандум о взаимопонимании в отношении строительства «газопровода дружбы» для поставок газа в Европу из Ирана через Ливан и Средиземное море. Учитывая дружественные отношения между Сирией, Ираном и Россией, можно предположить, что конкуренция данного проекта с Газпромом была бы сведена к минимуму. Согласно «Guardian» переговоры об этом проекте начались в 2010-м («Guardian» от 13/05/2013). Пеппе Эшкобар, бразильский колумнист гонконгского издания «Asia Times» считает, что Газпром мог «даже войти в (проект газопровода) в части инфраструктуры и распределения», от-

мечая при этом, что Газпром сохранял на тот момент больше власти над «загнивающей, практически неплатёжеспособной еврозоной, чем Европейский центральный банк» («АТ» от 13/08/2013).

По фатальному стечению обстоятельств через пять дней после подписания этого меморандума была сформирована Свободная Сирийская Армия, и восстание в этой стране начало перерастать в полномасштабную гражданскую войну.

В ходе сирийской войны радикальные исламисты, отпочковавшиеся от «Аль-Каиды», образовали самопровозглашённое «Исламское государство в Ираке и Сирии», которое начинает играть всё более важную роль в т.ч. на мировом нефтегазовом рынке. После захвата большей части Северного Ирака, включающей города Мосул и Байджи, где расположен крупнейший в стране НПЗ с мощностью переработки 300 тыс. баррелей в сутки, боевики ИГ объявили о планах наступления на Багдад — это вызвало очень серьёзные опасения среди трейдеров, в связи с возможным прерыванием поставок из Ирака. С другой стороны, ситуацией воспользовалась курдская автономия, отбившая у багдадского правительства контроль над Киркуком и наладившая стабильный экспорт нефти со своих территорий через Турцию. Тем не менее, цена на Brent, эталонный сорт нефти, подскочила на опасениях трейдеров, связанных с действиями ИГ, до наивысшей за год отметки, достигнув 112.83 долларов за баррель (цена на Urals, основной сорт российской импортной нефти выросла соответственно до 109.78 долл./б). По сути, летом 2014 г. на мировую цену на нефть разнонаправленно воздействовало три основных фактора: эскалация военных действий на Украине (см. ниже), возможность прекращения поставок из Ирака и ожидания трейдеров, связанные с обещанным ростом поставок высококачественной, малосернистой нефти из Ливии. Между тем, сирийский конфликт перерос в региональный и принял затяжной характер — это фактически поставило крест на потенциале поставок катарского газа в Европу трубопроводным транспортом.

В сентябре 2013-го Обама приостановил планы по использованию военной силы против правительства Сирии, уже утверждённые на тот момент Комитетом по международным отношениям Сената США. Этому законопроекту до сих пор не хватает одобрения обеих палат Конгресса, чтобы стать законом, подлежащим исполнению. Сейчас можно лишь догадываться какие аргументы привёл ему Путин,

но очевидно, что они оказались достаточно вескими для Обамы.

В то же время, необходимо отметить, что внешнеполитический курс Обамы, с самого начала направленный на выстраивание новой модели мирного сосуществования через поиск компромиссов и сглаживание противоречий, к примеру, с Россией и Ираном, при одновременном сдерживании китайской экспансии, встретил упорное сопротивление в кругах неоконсерваторов. Своеобразным реваншем для них стали события на Украине. В качестве стратегической цели было заявлено сдерживание путинского империализма, хотя даже для дилетанта должно быть вполне очевидно, что последствия для геополитического баланса и, соответственно, для органического строения мирового капитала и классовой власти должны быть гораздо более далекоидущими. Ситуация на Украине совершила весьма характерный для нашего времени биогеополитический виток — от демократической мистификации народных масс на Майдане, через установление марионеточного правительства, к методичному истреблению человеческой жизни в зоне боевых действий на Юго-Востоке.

Разумеется, события на Украине в первую очередь связаны с геополитической повесткой дня, но своё влияние они оказывают и на нефтегазовый рынок. В первую очередь это касается Евросоюза, как основного потребителя продукции Газпрома. Существует определённый, пусть маловероятный, риск срыва всех поставок российского газа через Украину — это приблизительно 15% от совокупного импорта газа в ЕС.

После прекращения поставок газа на Украину из России 16 июня 2014 г., Андрий Коболев, глава «Нафтогаза», заявил, что зимой 2014-15 гг., правительство Украины намеревалось снизить внутреннее потребление газа путём введения режима экономии газа. Эти меры, вроде отключения домов от горячего водоснабжения, должны, согласно плану, уменьшить общее потребление на 6 миллиардов кубометров, т.е. на 20% — с 35.8 млрд. м³ до приблизительно 29.8 млрд. м³. Тем не менее, по оценкам ценового агентства «Аргус», этих мер будет недостаточно для полной «газовой независимости» Украины от российского Газпрома. Внутренняя добыча газа на Украине, в сочетании с импортом из Венгрии и Польши (2 млрд. м³) и «реверсными поставками» из Словакии, обеспечат лишь 17 млрд. м³. Более того, четыре украинских газовых месторождения и пять буровых установок находятся в зоне боевых действий в Юго-Востоке.

Тем не менее, в течение зимы Украина планомерно снижала объёмы покупки газа у РФ, с тем чтобы, уже начиная с 1 апреля 2015 г. прекратить их полностью на неопределённый срок (возможно, вплоть до октября).

Другим результатом событий на Украине стали санкции, наложенные Западом на близких к Путину политиков и бизнесменов, а также на отдельные российские компании. Любопытно отметить, что, если перед вторым раундом санкций в списке фигурировали Сечин и Миллер, главы Роснефти и Газпрома, то в итоге принятые санкции так и не коснулись последнего. Факт весьма красноречивый, в очередной раз свидетельствующий о лоббистском весе Газпрома в ЕС. Впрочем, по состоянию на конец 2014 г., после инцидента со сбитым «Боингом», Запад, под давлением США, демонстрирует тенденцию к расширению санкций, и даже к их превращению в основной инструмент политики, направленной на ослабление путинского режима.

На газовом рынке поставщик и потребитель настолько тесно связаны между собой, что ЕС соответственно также обладает собственными рычагами давления на Газпром и через него на правительство РФ. Например, отвод большей части российских войск с украинской границы в начале мая по времени совпал с возобновлением обсуждения условий применения Третьего энергопакета к Газпрому. Третий энергопакет представляет собой свод антимонопольных законов, направленных на защиту конкуренции в энергетической сфере Евросоюза. В случае применения этого законодательства к Газпрому, «Южный поток», в числе прочего, значительно потерял бы в своей коммерческой привлекательности. Путин неоднократно поднимал тему Третьего энергопакета на своём уровне, и, в принципе, до событий на Юго-Востоке Украины, Евросоюз шёл ему навстречу, предоставляя исключительный режим для операций Газпрома.

Достаточно неожиданным для всех итогом событий вокруг Сирии и Украины стало решение правящего класса России о сворачивании проекта «Южный поток», причём если РФ и испытывает здесь относительный проигрыш (шестипроцентная скидка для Турции), то в абсолютном выигрыше оказывается Турция. Дело в том, что на смену «Южному потоку» теперь должно прийти его зеркальное отражение, или, точнее, сам «Южный поток» теперь будет перенаправлен вместо Юго-Восточной Европы в Турцию. По дну Чёрного моря будет проложен газопровод с точно такой же проектной

мощностью — 63 млрд м³ в год. Из них Турция будет получать 14 млрд м³ для своих растущих нужд, перенаправляя весь остальной газ в Европу сама. Существующая на данный момент перемишка между Турцией и Грецией, рассчитанная на 11,5 млрд м³, загружена лишь на 700 млн. м³. Кроме того, российский газ может быть использован для упомянутых выше ТАР и TANAP. Путин и Миллер уже сравнили новую геополитическую роль Турции с положением Германии в Северной Европе — обе страны являются крупнейшими распределительными центрами, покупая газ по сниженным ценам. Помимо огромных объёмов российского газа, эта страна способна также принимать и перераспределять потоки азербайджанского, туркменского, иранского, иракского газа, а также продукцию с морских месторождений Кипра и Израиля.

Со своей стороны, Газпром также заключил долгосрочный контракт о поставках газа в Китай с национальной компанией CNPC. Объём экспорта должен составить 38 млрд. м³ с возможностью увеличения до 60 млрд. м³. Со временем, речь может идти о перенаправлении значительной части потоков российского и центральноазиатского газа в КНР.

На этом фоне необходимо также отметить усиление экспортного потенциала нефтегазового сектора США. Активная разработка сланцевых месторождений уже привела к тому, что стратегические нефтяные запасы США достигли рекордного исторического уровня — 400 миллионов баррелей. Впервые за 40 лет, истекших после первого мирового нефтяного кризиса, в правительстве США обсуждается отмена фактического запрета на экспорт нефти. Вдобавок к этому постоянно укрепляется роль США и на глобальном газовом рынке, благодаря морским поставкам сжиженного природного газа (СПГ). Согласно «Argus-FSU», Джон Керри на американо-европейском саммите в этом году уже объявил, что США в скором времени будут экспортировать «больше газа, чем вся Европа потребляет сегодня», хотя издание и ставит этот прогноз под сомнение. Тем не менее, перспек-

тива роста поставок американского СПГ на европейский рынок была в очередной раз подчеркнута в итоговом заявлении последней встречи между Керри и Ф. Могерини, верховным представителем ЕС по иностранным делам, в Брюсселе 3 декабря 2014 г., при том, что сама встреча была посвящена координации антироссийских санкций.

Наконец, самым значительным событием на нефтегазовом рынке этого года стал беспрецедентный обвал цен на стандартные сорта товарной нефти. Это обоюдоострый политический и коммерческий инструмент, и его воздействие является разнонаправленным. Так, местные люди в Киеве ещё в марте 2014-го, т.е. задолго до самого обвала, утверждали при разговоре с автором, что договорённость о нём между правящими классами США и Саудовской Аравии будет вот-вот достигнута, причём именно в целях ослабления российской экономики и государственной власти. С другой стороны, нельзя не согласиться с тем, что этот стремительный обвал цен подрывает настолько же беспрецедентное усиление США на нефтегазовом рынке, основанное в первую очередь на инновационных проектах добычи сланцевого газа и трудноизвлекаемой нефти из низкопроницаемых коллекторов, которые при определённом ценовом раскладе рискуют закрытием из-за нерентабельности.

Нефть и газ — очень специфические товары, обладающие в наше время большим геополитическим значением из-за высокой добавленной стоимости на эту продукцию. В прошлом схожую роль играли шёлк и пряности. В будущем это могут быть, например, уран и редкоземельные металлы, при худшем сценарии даже вода. Более рациональное использование подобных ресурсов стало бы вполне возможным в случае установления прямого контроля над процессами их производства и распределения в руках самих производителей и непосредственных потребителей на глобальном уровне. Последнее условие является ключевым.

A. Spiazato

Александр Францкевич: «Три курса исправительной системы вместо университета»

Вместе с четырьмя друзьями Александр Францкевич был задержан осенью 2010 года по подозрению в организации несанкционированной демонстрации возле здания Минобороны, компьютерном саботаже и ряде нападений на здания. В застенках из-под его пера вышло несколько рассказов (<http://abc-belarus.org/?p=4247>). Сейчас признанный международными наблюдателями политзаключенным Францкевич ведет со стороны обывательский образ жизни, однако его по-прежнему можно увидеть на протестных мероприятиях. Записал Денис Злыдота.

После трехлетнего заключения под стражей мой выбор стал окончательно осознанным, я отошел от тяги к эстетическим образам. Я стал на путь конкретной практики и четко очерченной цели. Это крайне важно, так как наше анархическое движение сейчас во многом страдает именно инфантильностью, когда действия для людей и процесс важнее цели и поставленных задач.

После выхода на волю отношение к людям стало, скажем так, реалистичным. Если в начале отсидки ждал преданности и верности идеям от товарищей, то теперь трезво смотрю на людей и общество. Скажем так, колония и история с нашим делом дали мне отрезвляющий урок, который я запомнил надолго. В свое время у меня был соответствующий контроль – шесть месяцев превентивного надзора. Однако не смотря на мои опасения, я его благополучно отсидел без нарушений (даже несмотря на декабрьское задержание на 12 суток) и перешел на более легкую форму контроля – профилактический надзор.

В конце апреля я вновь попал за решетку на 25 суток. Меня задержали накануне акции «Чернобыльский шлях», когда я возвращался домой. Стоит мне еще дважды попасть на сутки и превентивный надзор будет мне продлен, и такое продление может продолжаться до конца моей судимости – то есть до 2018 года. Приходится мириться...

Атмосфера в СИЗО или исправительной колонии значительно отличается от атмосферы в ЦИПе (Центр изоляции правонарушителей,

куда сажают на сутки). Там не существует того кастового деления, которое красной нитью проходит через СИЗО и лагеря. Срок не давит на твою психику и психику сокамерников, нет такой усердной работы администрации по «закручиванию гаек».

Я не отношусь к суткам как к заключению. Большинство из людей, находящихся на сутках, уже были в лагерях и тюрьмах – это просто мелкая подлость со стороны системы. Впрочем, именно в этих стенах я в очередной раз отпраздновал свой день рождения. Отмечать не со своими друзьями не очень приятно, но своеобразный фатализм помогает держаться.

В массе своей я общаюсь с людьми, с которыми уже был знаком до посадки, это люди, закаленные репрессиями в 2010 году, поэтому, мне кажется, их тот присмотр со стороны репрессивной системы, который есть в отношении меня, не особо пугает. Впрочем, есть категория людей, которые боятся общаться со мной, ожидая последствий. Скорее, они и так довольно далеки от политики или от моих идеологических позиций, чтобы нам иметь что-то общее.

К идеям и ценностям моя мама относится очень хорошо, однако переживает за меня, как и всякая мать, боится и хочет, чтобы я был подальше от центра событий. Понимаю ее заботу и опасения, но сам осознаю, что родители есть у каждого человека, однако это не отменяет необходимости сделать для себя четкий выбор.

Сейчас я работаю, как и до тюрьмы, разработ-

чиком для iOS – мобильных телефонов Apple. Не скажу, что адаптация была тяжелой – уже через месяц я работал в полную силу и мало замечал трехлетнее отсутствие компьютера под рукой. Возможно, три года не такой срок, чтобы говорить о потере навыков и умений. Образование у меня как было среднее, так и осталось – мне преподали три курса исправительной системы вместо университета.

К сожалению, самый разгар чемпионата мира по хоккею в Минске я не застал. Сейчас население разделено невидимой линией. Очевидно, что этот “пир во время чумы” был использован, во-первых, для внутреннего пользователя. Это дало людям ощущение причастности к чему-то великому и при этом связывало в квазифашистском экстазе по поводу великолепия нашего государства.

Во-вторых, основная часть усилий была потрачена на картинку для туристов, хотя не скажу, что тут они достигли своих целей. Другая часть белорусского общества, которая имеет нематериальный набор ценностей, будь то сторонники возрождения национальной культуры или сторонники свободного общества, отнеслась к чемпионату мира по хоккею негативно. Так практически по всем событиям в Беларуси и неподалеку. Общество поляризуется где-то в соотношении восемь-десять процентов к двадцати.

Мы привыкли взывать к солидарности людей по всему миру. Но проявляем ли мы сами эту солидарность с жителями других стран, которых угнетают не меньше нашего? Чем мы лучше болельщиков, приехавших в Минск на хоккей, если мы точно так же наслаждаемся большим футболом на экране своего телевизора, в то время как на улицах Бразилии происходят столкновения с полицией, бастуют рабочие и жители трущоб, не желающие принимать участие в этом празднике жизни.

Сегодня органы боятся повторения Майдана – он стал на постсоветском пространстве пугалом для тиранов. Однако, к сожалению, у нас гражданская активность практически сведена к минимуму, и люди редко используют хоть какие-то реальные методы борьбы, часто все ограничивается написанием жалоб и открытыми обращениями к Лукашенко. За событиями на Украине наблюдало тотальное большинство общества. Не хватает такого же обнищания как на Украине, но если посмотреть экономические сводки – то оно не за горами. Призрак Майдана ходит по Восточной Европе. В Беларуси сочувствовали киевлянам больше до того, как Янукович начал убивать людей. У людей, в связи с их

ценностями, очень малая готовность чем-то жертвовать во имя светлых идей и гуманистических идеалов. И когда они увидели, что льется кровь, они сразу открестились от Майдана. Им, даже сторонникам свободы, стало страшно, что такая ситуация может повториться у нас в более кровавом варианте. При этом киевские события подарили людям надежду, что все можно изменить, даже когда все государство обращено против тебя, когда стреляют и топят в крови.

У нас сепаратистов на Юго-Востоке поддержали только самые откровенные сторонники империи и реакционеры, которые под фашизмом подразумевают любое выступление против власти или России. Замечаю в Минске людей с георгиевской ленточкой, но их даже меньше, чем людей с запрещенной национальной символикой – бело-красно-белым флагом.

В государственных СМИ больше поддержки оказывается сепаратистам, но это довольно мягкий вариант пропаганды. Украинские власти и общество практически не обливают грязью, в отличие от того момента, когда на Майдане горели крыши. Лишь делаются незначительные реверансы пророссийским силам, Крым же заявляется как российская территория.

Лукашенко и рад был бы не поддержать Москву в ее империалистической интервенции, но не может, так как все равно остается марионеткой в руках Путина, поэтому лишь оставляет за собой право делать жесткие заявления по отношению к сепаратистам, но Россию на словах поддерживает.

Мама Олиневича, моего товарища, с которой мы осуждены по одному делу, в свое время сказала (<http://rabkor.ru/interview/2013/08/22/magadan>), что Беларусь – это полигон. Полигон, где отрабатывается репрессивная практика, которая будет использована для России. В какой-то мере Путин действительно берет многое от белорусской репрессивной практики. При этом, и сам Лукашенко следит за репрессивными новшествами в России и использует некоторые политтехнологии Путина. К примеру, партия власти, попытка вырастить контролируруемую оппозицию. Два авторитарных режима обмениваются мыслями и учатся один у другого умению контролировать людей. Но я все-таки верю, что никакие технологии не смогут остановить народный дух и естественное влечение человека к свободе и справедливости. Поэтому их репрессивная практика лишь временная мера в борьбе против пролетариата.

Александр Францкевич

САМООРГАНИЗАЦИЯ

Криптография против государства

Шифропанки и война за будущее

Джулиан Ассанж — у большинства тех, кто слышит это имя, возникают ассоциации лишь с WikiLeaks. Сайт, опубликовавший крупнейшие в истории утечки государственной информации: дипломатическая переписка, видеозаписи, секретные материалы... Благодаря WikiLeaks (а позже — и разоблачениям Эдварда Сноудена), мир получил множество доказательств того, что и так подозревал почти каждый: государства заботятся вовсе не о своих гражданах, а лишь о благополучии бюрократического аппарата и о качестве тотального контроля. Появление WikiLeaks, безусловно, одно из наиболее значимых событий начала XXI века, и прекрасного австралийца Ассанжа стоит поблагодарить уже за это (хотя сейчас ему, запертому в лондонском посольстве Эквадора, несладко).

Между тем, Ассанж не взялся из ниоткуда. Он происходит из среды, гораздо менее распиаренной на широкой публике, но хорошо известной в узких кругах: «шифропанков» (ciphcrpunkс). Если кратко, шифропанки — это тусовка интернет-активистов (изначально электронная рассылка), зародившаяся в США в конце 80-х — начале 90-х годов. Впрочем, она быстро вышла за пределы государственных границ: Интернет к этому располагал.

Главная идея шифропанков весьма проста. Государства являются аппаратами насилия и принуждения. Сопrotивляться государству на материальном уровне почти невозможно или крайне сложно. Но спасение лежит в том, что технический прогресс выдвинул информацию на первый план в структуре современной экономики. Информацию же можно шифровать, причём средства для сильной криптографии технически вполне доступны для любого индивидуума. В то же время взломать правильно реализованные криптографические алгоритмы не может ни одно самое могущественное госу-

дарство. Это обеспечивает защиту и сохранение личного пространства, позволяет сохранять анонимность в Сети, и главное — открывает путь к социальным и политическим изменениям, неподконтрольным государству. Без информации государственные Големы бессильны, следовательно, нужно лишь пропагандировать и всячески распространять инструменты шифрования. Этим и занимаются шифропанки.

Участники этого движения так или иначе внесли вклад в создание таких широко известных ныне инструментов, как PGP(gpg), OTR, Tor, BitTorrent, OpenSSL и других. Сам Джулиан Ассанж, между прочим, тоже не чужд прикладной криптографии: он один из авторов концепции «отрицаемого шифрования» (deniable encryption). Криптографические алгоритмы, обладающие этим свойством, не позволяют противнику никоим образом доказать сам факт шифрования: зашифрованные сообщения неотличимы от случайного набора байтов. За три года с 1997 по 2000 Ассанж написал целый программный комплекс Rubber-

hose, реализующий эту концепцию. Сейчас она используется почти в любом вменяемом криптографическом программном обеспечении, включая любимый многими TrueCrypt.

Таким образом, шифропанки сделали многое для того, чтобы у нас было чуть больше свободы в Сети, а у государства — чуть меньше возможностей для контроля. Как ещё в 1993 году сказал Эрик Хьюз, один из них:

«Безопасность личного пространства — это необходимость для открытого общества в электронный век. Наивно было бы думать, что государства, корпорации или любые другие большие безликие организации обеспечат нам эту безопасность. Если мы хотим, чтобы она у нас была, мы должны бороться за неё самостоятельно. Шифропанки пишут программы. Мы знаем, что кто-то должен создавать софт для защиты личного пространства — и мы собираемся это сделать».

Легко увидеть здесь хорошо читаемые параллели с давней идеей антиавторитарных левых о том, что «никто не даст нам избавленья — ни бог, ни царь, и ни герой, добьёмся мы освобожденья своею собственной рукой». Шифропанки также стоят на прочной либертарной основе — «никакого доверия государству, доверие лишь друзьям и законам природы». Джон Гилмор, ещё один известный персонаж из тех же кругов:

«Я хочу построить общество следующего характера. Мне нужны гарантии — не от государственных законов, а от законов физики и математики — что у нас есть реальная безопасность личных коммуникаций».

В 2012 году, когда Джулиана Ассанжа уже вовсю прессовали разнообразные государства, он со своими друзьями-шифропанками Якобом Аппельбаумом, Энди Мюллером и Джереми Циммерманом опубликовал книгу «Шифропанки: Свобода и Будущее Интернета». Мне кажется, что её должен прочитать каждый анархист или левый, или просто человек, обеспокоенный взаимодействием Государства и Сети. В условиях, когда информация в цифровой форме становится «нефтью XXI века», а правительства усиливают попытки контроля над Интернетом, ставить эти вопросы просто необходимо. Иначе последствия могут быть катастрофическими.

Книгу Ассанжа в 2014 году всё-таки издали на русском, текст легко найти в Интернете. «Автоном» публикует русский перевод введения, с которого книга начинается. В лучших шифро-

панковских традициях, перевод сделан коллективно анонимными волонтерами на сайте translatedby.com.

Ketzal

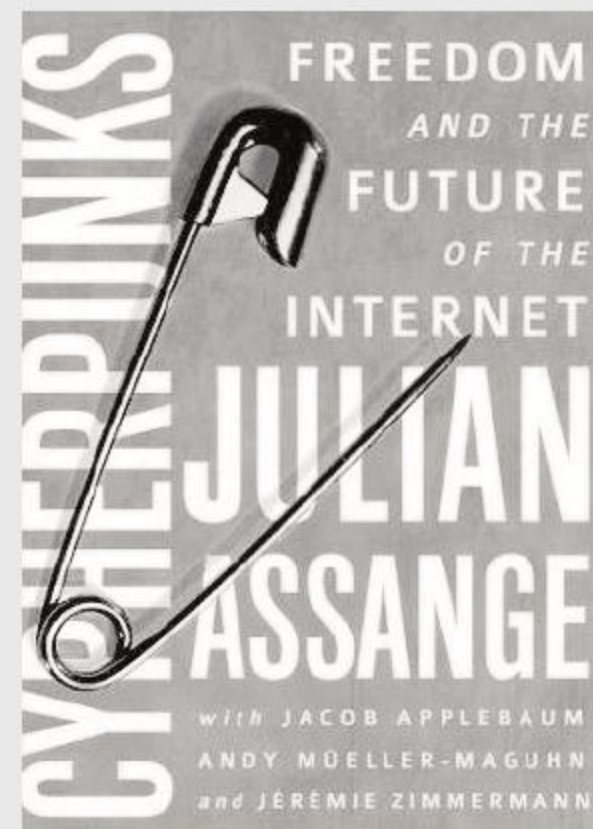
Введение: вооружайтесь криптографией!

Эта книга не манифест. Сейчас нет времени для этого. Эта книга — предупреждение.

Мир даже не движется, а галопом скачет к новой транснациональной антиутопии. Такое развитие событий не было должным образом воспринято за пределами кругов, ответственных за национальную безопасность. Оно было спрятано за завесой секретности, сложности и масштабности. Интернет, наш величайший инструмент эмансипации, был преобразован в самый опасный проводник тоталитаризма, который мы когда-либо видели. Интернет — угроза человеческой цивилизации.

Эти изменения произошли тихо, потому что те, кто знают, что происходит, работают в глобальной индустрии слежки и им незачем рассказывать. Предоставленная своей собственной траектории, в течение нескольких лет глобальная цивилизация превратится в постмодернистскую надзорную антиутопию, побег от которой для всех, кроме наиболее умелых индивидов, станет невозможным. На самом деле, вполне возможно, что мы уже там.

Многие писатели размышляли о том, что Интернет значит для глобальной цивилизации, но они ошибались. Они ошибались, потому что у них нет того ощущения перспективы, которое приносит непосредственный опыт. Они ошибаются, потому что никогда не встречались с врагом.

Ни одно из описаний мира не выживет первого контакта с врагом.

Мы встретились с врагом.

В течение последних шести лет WikiLeaks имел конфликты почти с каждым влиятельным правительством. Мы знаем новое полицейское государство изнутри, поскольку мы проникли вглубь его секретов. Мы знаем его с точки зрения бойца, поскольку мы были вынуждены защищать наших людей, наши финансы и наши источники от него. Мы знаем его в глобальной перспективе, поскольку у нас есть люди, активы и информация почти в каждой стране. Мы знаем его в долговременной перспективе, поскольку мы боролись с этим явлением на протяжении многих лет и видели, как оно удваивалось и распространялось, снова и вновь. Это вторгшийся паразит, жиреющий за счёт обществ, соединённых Интернетом. Он переворачивает планету, заражая все государства и народы перед ним.

Что нужно сделать?

Однажды, в месте, у которого нет физических координат, мы, конструкторы и граждане молодого Интернета, обсуждали будущее нашего нового мира.

Мы видели, что отношения между людьми будут опосредованы нашим новым миром, и что природа государств, которые определяются тем, как люди обмениваются информацией, экономическими ценностями и насилием, тоже изменится.

Мы видели, что слияние существующих государственных структур и Интернета открыло возможность изменить природу государства.

Во-первых, вспомните, что государства — это системы, через которые течёт насилие. Фракции внутри государства могут соревноваться за поддержку населения, что ведёт к феномену демократической видимости, но основание государств — это систематическое применение и избегание насилия. Собственность на землю, имущественные права, рента, дивиденды, налогообложение, судебные штрафы, цензура, копирайты и торговые знаки — всё это насаждается под угрозой применения государственного насилия.

Основную часть времени мы даже не осознаём, насколько близки мы к насилию, поскольку все мы идём на взаимные уступки для избегания его. Подобно морякам, чующим ветер, мы редко размышляем, как наш поверхностный

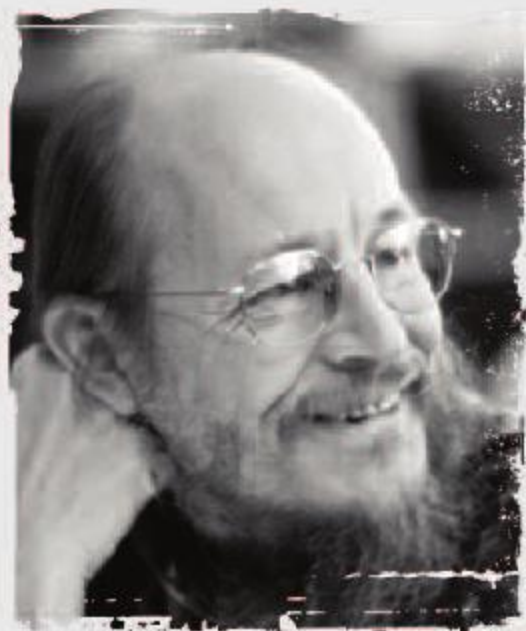
мир подкрепляется снизу темнотой.

Но что будет проводником насилия в новом пространстве Интернета?

Есть ли вообще смысл задавать такой вопрос? В этом пространстве не от мира сего, выглядящем как платоновское царство идей и информационных потоков, можно ли вообще говорить о принуждающей силе? Силе, которая может модифицировать исторические записи, прослушивать телефоны, разлучать людей, превращать сложное в руины, воздвигать стены, действуя подобно армии оккупантов?

Платоновская природа Интернета, идеи и информационные потоки, обесценивается его физической природой. В его основе оптоволоконные кабели, протянутые по дну океана, спутники, кружащие над нашими головами, серверы, расположенные в зданиях городов от Нью-Йорка до Найроби. Подобно солдату, убившему Архимеда обычным мечом, вооружённые «правоохранители» смогли захватить контроль над высшим достижением западной цивилизации, нашим платоновским царством.

Новый мир Интернета, абстрагировавшийся от старого мира грубых атомов, жаждал независимости. Но государства и их друзья стремились контролировать наш новый мир — путём контроля над его физическими основами. Государство, как армия вокруг нефтяной скважины, или таможенник, берущий взятки на границе, вскоре научится использовать свой контроль над физическим пространством, чтобы заполучить контроль над нашим платоновским царством. Оно будет предотвращать независимость, о которой мы мечтали, а затем, сидя на оптоволоконных кабелях и вокруг наземных спутниковых станций, оно займётся массовым перехватом информационных потоков нашего нового мира — самой его сущности — даже тогда, когда они охватят все человеческие, экономические и политические взаимоотношения. Государство проникнет в вены и артерии наших новых обществ, поглощая все взаимоотношения, выраженные или высказанные, каждую прочтённую веб-страницу, каждое отосланное сообщение и каждую мысль, вбитую в поисковый движок, а затем будет вечно хранить это знание, миллиарды перехватов в день, немислимое могущество, в огромных сверхсекретных кладовых. Оно продолжит снова и снова добывать это сокровище, коллективный интеллектуальный продукт миллиардов индивидов. Оно будет всё больше совершенствовать алгоритмы поиска и выявления структуры в данных, обогащая это сокровище и максимизируя дисбаланс власти между

перехватчиками и теми, у кого перехватывают. А затем государство отразит то, что узнает, обратно в физический мир, чтобы начинать войны, нацеливать беспилотники, манипулировать комиссиями ООН и торговыми сделками, и чтобы обеспечить преимущества своей

широкой сети бизнесов, инсайдеров и дружков.

Но мы кое-что открыли. Нашу единственную надежду против тотального доминирования. Надежду, которую вместе с храбростью, пониманием и солидарностью мы можем использовать, чтобы сопротивляться. Странное свойство физической вселенной, в которой мы живём.

Вселенная верит в шифрование.

Зашифровать информацию проще, чем расшифровать.

Мы увидели, что мы можем использовать это странное свойство для создания законов нового мира. Абстрагировать наше новое платоновское царство от его материальной основы в виде спутников, подводных кабелей и их контролёров. Укрепить наше пространство криптографическим занавесом. Создать новые земли, запретные для тех, кто контролирует физическую реальность, поскольку, чтобы последовать за нами туда, им потребуются бесконечные ресурсы.

И таким способом объявить независимость.

Учёные из Манхэттенского проекта открыли, что вселенная разрешает создание ядерной бомбы. Это не было очевидным выводом. Могло быть так, что ядерное оружие находится вне законов физики. Тем не менее, вселенная верит в ядерные бомбы и атомные реакторы. Они — явление, которое благословила природа, также как соль, море или звёзды.

Подобным образом, вселенная, наша физическая вселенная, имеет такое свойство, которое делает возможным надёжно, автоматически, не обладая специальными знаниями, что-нибудь зашифровать так, что все ресурсы и вся политическая воля сильнейших сверхдержав на Земле не сможет это расшифровать. И пути шифрования между людьми могут объеди-

няться в сети для создания регионов, свободных от внешней принуждающей силы государства. Свободных от массового перехвата. Свободных от государственного контроля.

Таким способом люди могут противопоставить свою волю воле готовой на всё сверхдержавы — и выиграть. Шифрование — это воплощение законов физики и оно не слушает крики государств, будь они даже транснациональными антиутопиями слежки.

Не является очевидным, что мир должен был работать таким способом. Но почему-то вселенная улыбается шифрованию.

Криптография — это высшая форма ненасильственного прямого действия. В то время как ядерные державы могут осуществлять неограниченное насилие над миллионами индивидов, сильная криптография означает, что государство, даже осуществляя неограниченное насилие, не может помешать намерению индивидов хранить от него свои секреты.

Сильная криптография может сопротивляться неограниченному применению насилия. Никакое количество принуждающей силы никогда не решит математическую задачу.

Но можем ли мы взять этот странный факт мира и сделать его фундаментом здания освобождения — ради независимости человечества в платоновском царстве Интернета? И по мере того, как общества сливаются с Интернетом, возможно ли, что свобода отразится назад в физическую реальность, чтобы переопределить государство?

Вспомните, что государства — это системы, определяющие, где и как постоянно применять насилие.

Вопрос о том, сколько насилия может просочиться в платоновский мир Интернета из физического мира, получает ответ в криптографии и идеалах шифропанков.

Сейчас, когда государства сливаются с Интернетом и будущее нашей цивилизации становится будущим Интернета, мы должны переопределить отношения власти.

Если мы этого не сделаем, то универсальность Интернета сольёт глобальное человечество в одну гигантскую систему массового наблюдения и массового контроля.

Таким способом люди могут противопоставить

свою волю воле готовой на всё сверхдержавы — и выиграть. Шифрование — это воплощение законов физики и оно не слушает крики государств, будь они даже транснациональными антиутопиями слежки.

Не является очевидным, что мир должен был работать таким способом. Но почему-то все-ленная улыбается шифрованию.

Криптография — это высшая форма ненасильственного прямого действия. В то время как ядерные державы могут осуществлять неограниченное насилие над миллионами индивидов, сильная криптография означает, что государство, даже осуществляя неограниченное насилие, не может помешать намерению индивидов хранить от него свои секреты.

Сильная криптография может сопротивляться неограниченному применению насилия. Никакое количество принуждающей силы никогда не решит математическую задачу.

Но можем ли мы взять этот странный факт мира и сделать его фундаментом здания освобождения — ради независимости человечества в платоновском царстве Интернета? И по мере того, как общества сливаются с Интернетом, возможно ли, что свобода отразится назад в физическую реальность, чтобы переопределить государство?

Вспомните, что государства — это системы, определяющие, где и как постоянно применять насилие.

Вопрос о том, сколько насилия может просочиться в платоновский мир Интернета из физи-

ческого мира, получает ответ в криптографии и идеалах шифропанков.

Сейчас, когда государства сливаются с Интернетом и будущее нашей цивилизации становится будущим Интернета, мы должны переопределить отношения власти.

Если мы этого не сделаем, то универсальность Интернета сольёт глобальное человечество в одну гигантскую систему массового наблюдения и массового контроля.

Мы должны бить тревогу. Эта книга — крик дозорного в ночи.

20 марта 2012 года, находясь под домашним арестом в Великобритании и ожидая экстрадиции, я встретился с тремя друзьями. Они тоже дозорные, и уверены, что в унисоне наши голоса могут разбудить город. Мы должны рассказывать о том, что узнали, пока для тебя, читатель, всё ещё есть шанс понимать и действовать по поводу происходящего.

Пришло время взять оружие нашего нового мира и бороться за себя и за тех, кого мы любим.

Наша задача — обеспечить самоопределение везде, где это возможно, и повсюду сдерживать надвигающуюся антиутопию. Если же не удастся совершить большего, то мы должны хотя бы ускорить саморазрушение этой антиутопии.

*Джулиан Ассанж,
Лондон, октябрь 2012*

Самоуправляющиеся хостелы

В Москве больше года работала сеть хостелов TimeNote. От обычных хостелов они отличались тем, что внутри царило полное самоуправление и неиерархические отношения. «Автоном» взял интервью у двух сотрудников TimeNote.

Примечание: в настоящее время сеть TimeNote приостановила свою работу из-за снижения потока иностранных туристов, приезжающих в Россию.

- Давайте в начале представимся.

Виктор: Меня зовут Виктор, я являюсь координатором движения самоуправляемых хостелов. Поскольку у нас нет начальников, руководителей, у нас все на равных, поэтому я скорее координатор по освещению деятельности.

Юля: Я Юля, один из администраторов нашей сети.

Виктор: Я бы сказал один из администраторов, который стоял у истоков основания самоуправляемого хостела и видела разницу. Изначально участвовала как человек, который работал на зарплате, и сейчас как человек, который работал на зарплате, и сейчас как человек, который является полноценным участником проекта и партнером.

- Сеть как-то называется?

Виктор: Да, сеть называется TimeHome Hostel, я думаю, что остальные хостелы мы будем открывать под этим же названием. Были мысли открывать под разными названиями, так как есть плюсы и минусы. Но поскольку мы сейчас продвигаем схему организации, мы хотим, чтобы не было путаницы, чтобы люди знали что TimeHome это самоуправляемые хостелы. Так их будет в дальнейшем 10, 20... И все будут понимать что они работают по единому принципу, чтобы человек выбирал осознанно.

- Сейчас в Москве наверное десятки тысяч подобных мелких бизнесов, хостелов и всего остального. Если тезисно, в чем ваше главное отличие от других мелких предприятий?

Юля: Я чувствую свою ответственность и то, что несу все плюсы и минусы на себе. Я чувствую, что делаю свою работу не для кого-то, а в первую очередь для себя.

- В чем это выражается? В чем отличия построения работы?

Юля: Представьте, вы приезжаете в хостел и вас встречают, будто вы приезжаете в гости. Вас встречают не как в обычной гостинице, а с радушием, потому что получают удовольствие от этого. Так как работник понимает, что от

его работы многое зависит, он занимается любимым делом.

- А в чём отличия внутреннего устройства хостелов? В чём структурные отличия?

Виктор: Структурно он отличается тем, что все принципиальные решения принимает вся команда, сообща. У нас нет как такового собственника, мы никому не платим излишки в виде прибыли, у нас нет того, кто их отнимает. Мы совместно решаем, развивать нам хостел или вводить какие-то новшества, на что тратить деньги, каковы приоритеты в развитии, на что сделать акценты, смотрим на эффективность работы по результатам, допустим, месяца... И принимаем коллективные решения. В этом коренное отличие. Нам никто не говорит, что делать. Мы сами готовы принимать на себя ответственность и принимать решения, чтобы хостел жил и развивался. Каждый работник нашего хостела является и управленцем, в том числе. То есть мы понимаем, что если мы что-то решили, согласовали, приняли решение, значит, каждый несет ответственность за это решение и попытается реализовать его.

- Чтобы представлять масштабы, расскажите, сколько человек сейчас работает в хостелах и сколько времени это все уже продолжается.

Виктор: Сейчас работает 5 человек, продолжается это по первому хостелу полгода (с октября), а по второму — почти четыре месяца.

- А с точки зрения современного российского законодательства вы как выглядите? Для государства вы кто?

Виктор: Для государства мы сейчас пытаемся вписать свою деятельность в рамки кооператива. Изначально это было ООО, и сейчас таким является формально, но мы работаем над изменением юридической формы.

- Регистрация как кооператив приводит к каким-то плюсам, для коллектива это лучше?

Виктор: Я считаю что лучше. Любой человек, начиная какой-то проект, нахваливает все на словах, другое дело — когда это как-то юридически закреплено. Как бы мы ни думали, в нашем обществе это значимо. И если с человеком готовы юридически разделить полномочия, если он является партнером не на словах, а по документам — это лишнее подтверждение серьезности всех намерений. Ну и уровень ответственности другой. Каждый не просто наемный работник, а партнер этого кооператива. Поэтому все же такая форма как кооператив нам кажется лучше. Это дает уверенность. Повышает мотивацию работников.

Юля: Команда нашего кооператива сформировалась не сразу. Теперь уже люди понимают, что несут ответственность. Внутренняя мотивация уже совсем другая. В общем, форма кооператива значима.

- В самоуправляемый коллектив вы превратились полгода назад?

Виктор: Да, де-факто полгода назад. Юридически мы пока в процессе, так как это требует финансовых затрат, а мы немного по-другому расставили приоритеты. Но сейчас мы это делаем.

- И, насколько я понимаю, какое-то количество людей ушло после этого. С чем это связано?

Юля: Не совсем так. Когда мы только начинали, у нас были еще только разговоры. И мы постепенно выясняли, кто готов перестроиться под новую организационную форму. У нас работала одна женщина, достаточно взрослая... У нее мозг не был готов перестраиваться. Она всю жизнь отработала наемным работником, как бы мы ей ни пытались объяснить преимущества, она вроде бы понимала, но не принимала. Человек просто не мог переломить свои стереотипы. Второй молодой человек с нами работал, он работал классно, но не был готов брать на себя какую-либо ответственность. Он говорил: «Я вкалывал, дайте мне мои деньги». Когда мы, например, обсуждали какие-то предстоящие траты, необходимые хостелу, он не был готов принимать эту необходимость.

Виктор: Но надо заметить, что расставание произошло вполне логично, там не было никаких конфликтных ситуаций. Все пошло своим путём.

Юля: Все, кто сейчас в нашем коллективе, руками и ногами за такую организационную форму.

Виктор: Некоторые наши нынешние работники сами жили в хостеле и видели это всё со стороны клиента.

- То есть бывшие клиенты стали работниками?

Юля: Да, именно так. Я просто рассказывала клиентам о том, как мы работаем. И у людей загорались глаза, им было интересно. И когда мы предлагали им работать вместе, они с радостью соглашались. Также к нам переходили работать и из других хостелов.

Виктор: Несмотря на некоторый момент риска, это люди, уже ориентирующиеся в данной сфере, сделавшие осознанный выбор работать в команде партнёров, а не вкалывать на кого-то за копейки. Поэтому никаких проблем, больших разногласий, конфликтных ситуаций у нас не возникает. Все настроены на одной волне, все понимают, что это общее дело. Поэтому все идет достаточно гладко, когда идейно все разделяют принцип самоуправления.

- Понятно, что когда все разделяют общую идею, моральный дух коллектива высок. Но можно ли сказать, что люди стали работать больше или меньше после перехода на самоуправление? И как это выглядит в сравнении с другими аналогичными хостелами?

Юля: Работают больше. Но когда человек работает на себя, он получает удовольствие от труда. То есть, как правило, нет границы между работой и досугом. Когда человек сам предлагает «Давайте я в свободный день съезжу куплю что-то для хостела» — это работа или отдых?

Виктор: То есть это становится образом жизни. Трудно сказать, работают ли люди меньше. Они точно работают ответственнее.

- Это как раз и есть проявление коммунистической идеи о стирании грани между работой и отдыхом.

Виктор: Когда человек занимается любимым делом в коллективе единомышленников, мы действительно видим что эта грань истончается. У нас нет жесткого графика. У нас сейчас одна из девочек уехала на 4 дня. И отпускать ее или нет, вопрос даже не стоял. Они сами до-

говорились о подмене. У нас периодически кто-то куда-то ездит, и перенапряга в общем никакого нет. Участие в работе, отношение к ней — это то, чего мы хотели, то, к чему мы стремились, когда ты занимаешься любимым делом и получаешь от этого удовольствие. Ну и, конечно, финансовый результат имеешь.

- То есть хостел работает в плюс? Есть средства на расширение, выплату премий и так далее?

Виктор: Да.

Юля: Когда я начинала работать, у нас была только зарплата. А когда мы стали работать, как кооператив, я стала ощущать, что доход возрос на 30-40%. К тому же я понимаю, как формируется мой доход.

- Все финансы прозрачны?

Юля: Абсолютно. В конце месяца мы всё обсуждаем, все цифры выводим.

Виктор: Доступ к кассе общий. Потоки видят все. Обсуждаются все траты. Это было первое условие, что всё должно быть прозрачно, чтобы каждый знал, что его никто не обманывает. Вот они деньги, вот столько-то пришло, столько-то осталось, давайте решим, что с ними делать. Это обязательно. Когда работаешь в таком коллективе, важно, чтобы не было недоверия. А оно и возникает, как правило, на мелочах всяких, на финансовых моментах.

Юля: Поэтому я стараюсь обо всём говорить, что у меня в голове, даже если это какой-то не очень удобный разговор. И мы всё сообща решаем.

- А общие собрания как регулярно проводятся?

Юля: Раз в месяц.

Виктор: Чаше нет смысла, потому что не так часто возникают такие вопросы. Допустим, мы приняли решение, что выплачиваем в этом ме-

сяце авансом такую-то сумму, а остальное по итогам. И дальше уже не отрываем людей от работы.

Юля: Ну и мы постоянно на телефоне друг с другом.

- Когда принималось решение о переходе на кооперативную форму, это было продиктовано идейными соображениями или просто интересами бизнеса, что вот так, наверное, будет эффективнее?

Виктор: Мы с Юлей года три, наверное, уже обсуждаем эту тему, и мы по чисто идейным соображениям этим занялись.

Юля: Надоело на кого-то работать, хочется от работы получить именно моральное удовлетворение.

Виктор: Конечно, мы понимали, что на начальном этапе можем проиграть финансово, но мы примерно представляли весь процесс и предполагали, что всё дело выгорит. Но это был не основной критерий. Нам, во-первых, хотелось попробовать, сработает ли это на практике. Оба до этого работали в капиталистических предприятиях и нам было интересно сравнить. Ну и, конечно, хотелось показать всем, кто в нас не верил. А не верил в нас практически никто. До сих пор многие крутят пальцем у виска и говорят: «Да ладно, это ваши игрушки, Москва вас пообтешет».

Юля: Но сейчас уже начинают прислушиваться. Бывает, начинаем что-то рассказывать, и люди слушают, потому что время уже прошло и какие-то выводы можно сделать.

Виктор: Да, я вот регулярно одному корреспонденту даю интервью и он каждый раз говорит «Ну, надеюсь и этот год вас не убьёт». Люди понимают, что это здорово, но с трудом верят. После разговора часто говорят, что, мол, удачи вам, покажите, что так можно. Многие знают московские нравы и говорят, что коммерция вас задавит.

- Да, это ведь достаточно странно для Москвы — капиталистического Вавилона — что люди делают что-то вот на таких идейных соображениях.

Виктор: Мы считаем, что начинать замещение капиталистических форматов как раз и нужно в самом ядре капитализма.

- Кстати, вот корни этих идей откуда у вас появились, что на вас повлияло? Откуда растут ноги?

Виктор: У меня лично было очень яркое пионерское детство, да и у Юли тоже, мы ровесники. Какие-то идеологические основы справедливости, нравственности и морали были заложены ещё в детстве. Я был участником пионерских лагерей. Мы особо не разделяли идеологию социализма того времени, мы просто знали, что нужно всё делать вместе, сообща, что самое главное — это команда, что не предать друга — самое святое, что о себе думаешь в последнюю очередь.

Затем я ездил на коммунарские сборы, и основные жизненные моменты я взял там. Это был уже осознанный возраст, когда формируется характер и мировоззренческие ценности, и здорово, что было такое место.

- А сколько тебе лет было?

Виктор: Я 1976 года рождения, это был 1991 год, то есть, мне 15. Как раз период ломки. Причём мы были такими хулиганистыми парнями тогда. И я совершенно в другую сторону ушёл, то есть, это очень сильно поменяло мою жизнь. Другие приоритеты появились.

Ну а потом это закончилось, все эти коммунарские сборы, с 93 года пошёл уклон во взрослую жизнь: образование, суровая действительность. Но всё равно где-то внутри сидело, что это несправедливо, это не должно быть так. Начиная с того, что я заканчивал на строителя, очень хотел строить, но когда нас выпустили, то сказали — идите, куда хотите. И мы поехали челноками с сумками торговать вещами, потому что мы никому не нужны были. То есть суровая действительность пообтесала нас, но вот сейчас подумали, что надо что-то менять. Потому что не должно так быть. И всё равно что-то будет меняться, ситуация кризисная, так надо менять самим! Нужно начинать с себя, а дальше остальные увидят и тоже будут менять вокруг себя что-то.

- Понятно. А у тебя, Юля, откуда ноги растут?

Юля: А у меня от родителей. Мы ровесники с Виктором и мои родители всегда мне говорили, что что-то можно сделать только сообща. И пионерские лагеря, и всё прочее. Чтобы разжечь костёр, нужно, чтобы все сделали какие-то мелкие дела. И вот тогда ещё всё было заложено.

И я понимала, что нельзя всё время работать на кого-то. Потом Виктор начал рассказывать, что это действительно возможно. Но мы очень долго спорили.

Виктор: На меня огромное влияние оказали труды Кропоткина, ну и других основоположников анархизма.

- А как ты на них вышел?

Виктор: Я очень много чего изучил, начиная с философских трудов, социалистических теорий, прошёл даже через национализм, Гобино и так далее. Потом стал читать Ленина, Маркса, за что-то там зацепился, нашёл Кропоткина и открыл совершенно новую для себя точку зрения и понял, что она соответствует моей внутренней системе ценностей, как никакая другая.

И тут уже я углубился и перечитал практически всех классиков анархизма. Стал изучать теорию собственности — Годвин, Прудон. Наконец-то кто-то сказал, что «собственность — это кража», подумал я. Я всем это пытался доказывать, мне все говорили, что я ненормальный. Потом был Бакунин и так далее.

Так что я нашёл отражение своих мыслей в этом страшном слове «анархизм». Я, конечно, не знал, что такое анархия, да и сейчас никто вокруг, наверное, не знает. Но я нашёл себя. Я начал искать, с кем мне поделиться, и вот среди всего окружения нашёл понимание у Юли.

Юля: И заставил меня Кропоткина читать! Когда я ходила в книжный и спрашивала «Анархию» Кропоткина, на меня смотрели, будто я неприличное что-то попросила.

Виктор: И зерно упало в благодатную почву.

Юля: Но мы очень спорили.

Виктор: Да, в общем, 4 или 5 лет мы к этому шли, в бурных спорах.

- С вашими коллегами, которые содержат «традиционные» хостелы, есть

какая-то коммуникация?

Виктор: Коммуникация есть, существует Лига Хостелов, я ходил туда, встречался. Там собираются как раз хозяева хостелов. И я им говорил, что вот, ребята, у нас необычный хостел, самоуправляемый. У нас это на визитках написано. После этого возникает пауза — и никаких вопросов. Люди как бы не хотят про это говорить и переходят на другие темы.

Юля: Зато когда я разговариваю с администраторами других хостелов, с работниками, вот там интерес возникает моментально. Они понимают, что они готовы перестроиться, они хотят этого. Просто пока мы не можем им предложить перейти к нам, пока мы не расширились. Но они понимают полностью эту идею.

- Но сами создать своё не могут?

Юля: Это сложно, это не один и не два дня.

Виктор: Ну и надо ведь ещё решиться людям. И у многих, кто в принципе хорошо работает, просто нет навыка предпринимательства. И они не готовы рисковать, например. У нас просто была такая возможность, потому что я заболел в своё время этим.

- Как вам кажется — от вашего проекта просто улучшилась жизнь у пяти или десяти человек или же действительно может измениться некий значимый сегмент общественных отношений? Каков механизм этого? Ведь не могут все прийти к вам на работу.

Виктор: Когда мы расширимся, то, конечно, начнут приходить! А если серьёзно, то я считаю, что мы расширяем в головах у людей понимание творящейся несправедливости. Очень многие, к сожалению, считают вполне справедливым, что у них есть хозяин. У хозяина есть деньги — он получает больше, я занят физическим трудом — получаю меньше. Именно с этой точкой зрения мы сталкиваемся зачастую. Но сейчас мы зарождаем зерно сомнения. Ведь у нас такой же бизнес, и работаем мы столько же. А зарабатываем мы больше, и хозяина у нас нет, никто нас не порабощает.

Юля: Дело даже не в том, что зарабатываем больше, а в том, что у нас никто не ворует труд. Я прихожу на работу после выходных и чувствую себя дома. Я занимаюсь нужным мне делом. И никто мне не скажет: «Ты здесь больше не нужен», я не переживаю за это. Я на своём месте.

Виктор: Я считаю, что механизм изменений —

к нам ли придут люди или кому-то поможем и они сами у себя всё сделают — это вторично. Важно, что у людей появится стремление к этому. Когда у критической массы появится такое стремление к изменению, то она надавит снизу и изменит всё. В любом случае изменение произойдёт. Главное — распространить информацию об этом, потому что сейчас её не хватает. Многие считают, что они ничего не могут изменить, им не потянуть. Нужны какие-то точки опоры, и вот мы отчасти такой маячок — мы есть, мы работаем. И вы так можете. Важно практически показать, что теория верна, а конкретные пути жизнь выстроит. И мы будем выстраивать. Главное, чтобы в голове сидела мысль «Это несправедливо, это надо менять. Ищем, как менять».

- Есть мнение, что такие самоуправляющиеся структуры возможны только в небольших коллективах, а как только коллектив разрастается, в нём тут же появляется иерархия, начальники, подчинённые и прочее. Вы, как я понял, собираетесь вести «экспансию». Как вы планируете бороться с этим? Когда у вас будет третий, четвёртый хостел, не появятся ли там менеджеры, которые отдадут приказы.

Виктор: Ну, во-первых, у нас и сейчас есть разделение труда: администратор выполняет одно, управляющий другое, координатор третье. Недовольство появляется тогда, когда кто-то считает себя более ущемлённым, чем другие. Я много раз обращался к разным людям и говорил: вот, допустим, я тебе плачу за твою работу сто тысяч в месяц. Он говорит: клёво, я сейчас получаю двадцать. Я его спрашиваю: тебе будет дело, сколько получает уборщица? Да нет, конечно, говорит, какая мне разница. То есть человек завидует зарплате другого, только если он не удовлетворён своей зарплатой, своим результатом труда. Если все получают достойную зарплату, то не будут заглядывать друг другу в карман. При этом все они делают общее дело и одновременно занимаются каждый своим делом. То есть, я считаю, что проблем не должно возникнуть. В принципе, даже от количества людей это не зависит. Если возникло недовольство работой — значит, ты занимаешься не своим делом, не любишь его. Если же финансовым результатом, так он у всех одинаковый, чему тут быть недовольным?

- А у вас сейчас равные зарплаты у всех?

Юля: Да. И мы планируем этот принцип сохранить. Это один из ключевых моментов, и я

предпочла бы, чтобы это всегда было так. Потому что нельзя сказать, кто больше работает, кто меньше — каждый на своём месте. Если человек справляется со своей работой, любит её, то он не засматривается на других.

Виктор: Да и как сравнить результат труда менеджера и уборщика? Никак. И не надо этим заниматься. Оба должны зарабатывать достойно.

Юля: К тому же, у нас все цифры прозрачные и никто зарплаты ни от кого не скрывает.

- Допустим, вы расширяетесь до нескольких десятков человек, затем до нескольких сотен. И становится всё труднее принимать решения совместно. Пять человек могут сесть за стол и что-то решить, но триста — уже нет.

Виктор: Мы предполагаем, что низовая ячейка (хостел) будет выбирать своего представителя в совет хостелов с делегированием ему неких полномочий. В свою очередь совет хостелов выдвигает делегата в совет предприятий других отраслей, и так далее. Принцип построения общества снизу, с возможностью отзыва делегата и с императивным мандатом.

- То есть, фактически, каждый хостел будет представлять собой самостоятельную ячейку, выдвигающую делегатов?

Виктор: Я бы сказал, что организационно они будут отдельные, но финансово — представлять часть общего дела. Чтобы финансовый результат распределялся на всех. Тогда в перспективе, когда мы объединим два направления — скажем, хостел и ресторан — то они тоже будут взаимно заинтересованы друг в друге. Мы хотим убирать различия в обществе. Нефтяник должен получать столько же, сколько администратор хостела или уборщик. Это справедливо. Тот, кто делает любимую работу, бурит нефть или моет полы, должен получать достойный финансовый результат.

- Но смотри, по большому счёту, то, о чём ты говоришь — это уже такое коммунистическое общество. А если говорить о существовании в условиях капитализма, то не получится ли так, что вот есть несколько хостелов в сети с общими финансами, но у одного хостела поток клиентов выше, и он приносит больше денег в общую копилку? Не возникнет ли у работников этого хостела вопросов в связи с тем, что они

как бы «более ценны»?

Виктор: Не возникнет. Во-первых, потому что все остальные хостелы работают не хуже — просто место у них не такое хорошее. Во-вторых, мы просто соберемся вместе и решим убрать хостелы из неприбыльных мест. Тут ведь вопрос не в зависти друг к другу, а в объективной природе вещей — раз хостел в неправильном месте поставили, то люди не виноваты.

А в идеале, по мере приближения к коммунистическому обществу деньги просто будут вытесняться. Ведь все сектора экономики будут встраиваться в эту систему. Вот мы попробуем строить такое изнутри. Сейчас у нас два хостела взаимодействуют удачно. Посмотрим, как будет с третьим. Хотелось бы и предприятие другого сектора попробовать, конечно.

- Интересно-то именно как в условиях не-коммунистической экономики возвращать такие предприятия.

Виктор: Если пользоваться капиталистическими критериями оценки, то мы гораздо эффективнее и рентабельнее, чем обычная капиталистическая фирма. Даже в этих условиях мы конкурентоспособнее. То есть мало того, что мы занимаемся любимым делом — мы ещё и готовы экономически состязаться с этой системой. Нам не нужны никакие костыли. То есть у нас все карты в руках, да плюс ещё и удовольствие людей нынешней ситуацией. Это всё нам в плюс.

- А сейчас у вас оба хостела приносят примерно одинаковую прибыль?

Виктор: Нет, они разные по масштабам. В одном у нас четыре помещения, в другом пять, в одном пятьдесят человек, в другом тридцать. И расписание смен администраторов разное, в маленьком хостеле по несколько дней может работать [один] администратор, в большом они меняются каждый день. Совершенно разные условия работы, но идёт постоянный обмен работниками между хостелами. И нет зависти, что кто-то работает в одном месте, а кто-то в другом.

Юля: И когда меняешься, свежий взгляд появляется, это очень приятно и удобно. Сразу придумываешь нестандартные решения каких-то проблем.

Виктор: Ну и всегда если кто-то устаёт, мы садимся и придумываем какое-то решение. Никому не нужно, чтобы люди надрывались.

Никто не будет рвать жилы.

- Какой примерно уровень цен в хостелах и откуда люди в основном приезжают? Кто они?

Юля: Многие приезжают в командировки, на повышение квалификации. Туристы, студенты (иногда они ищут работу). А многие уже работают, но им нравится в хостеле, они здесь как дома. Они общаются между собой.

- А среднее время жизни в хостеле?

Виктор: По-разному. Есть несколько дней, есть несколько месяцев. В основном — от трёх до семи дней.

Юля: И очень приятно, когда люди возвращаются к нам, хотя в Москве сотни хостелов. В том числе и потому, что у нас отношение к гостям, как к своим.

Виктор: По стоимости — в одном хостеле у нас 480 рублей в сутки, во втором 550. Если человек приезжает надолго, мы даём ему скидку.

- Вот вы сказали, что читали Кропоткина и других классиков, но это всё-таки конец XIX века. А вот на данном этапе развития кто из современных анти-авторитарных социалистов вам ближе, какое направление?

Виктор: Я стараюсь читать всех, слежу, кто что пишет. Из российских близки Вадим Дамье, Пётр Рябов — у них хорошая теоретическая база. Но сейчас мы, конечно, больше занимаемся практикой.

Юля: Кстати, постояльцы читают журнал «Автоном». Мы иногда спорим всем хостелом. Тут кто-то сказал фразу «анархия — мать по-

рядка», так все сели за нетбуки, 20 человек, каждый доказывал свою точку зрения, приводил аргументы и доводы. А тут ещё и мы рассказываем, как мы тут работаем, и они понимают, что это не просто в книжках написано, видят практическое применение. То есть люди через себя это пропускают. Они на практике видят, что такое анархия. Но споры бывают очень жаркие. И с классиками готовы спорить. Каждый настаивает на своём.

Виктор: Мы хотим уже сами делать какие-то просветительские проекты, что-то вроде вебинаров. А то людей сейчас сложно заставить читать. Они вроде готовы принимать идеи, но нужно разжевать и положить в голову зачастую, чтобы остальное уже сами анализировали.

Юля: У меня недавно девушка была, она во многих хостелах была. И вот она спрашивает: «Юля, а что ты такая гостеприимная? А кто у вас хозяин?». Я говорю: «У нас нет таких», и рассказываю про нас. «А, так вот вы почему такая!».

- Традиционно: что бы вы хотели пожелать читателям «Автонома»?

Виктор: Чаще читайте журнал «Автоном» и заходите на сайт avtonom.org! Мы там пишем в нашем блоге («Вестник»). Ну и главное — думайте, что именно вы можете изменить вокруг себя, на своём рабочем месте. Мы всегда готовы помочь и советом, и опытом. Пишите нам. Чем больше сторонников, тем лучше для всех. Возможно, это послужит толчком и изменит вашу жизнь, и никто больше не будет воровать ваш труд и угнетать вас.

Юля: Чтоб все здоровы были и приезжали в хостел TimeHome!

МЕГАФОН

Цикл лекций

«Что такое анархия»

С 21 по 24 июля в Москве в здании библиотеки Достоевского прошёл цикл лекций под общим названием «Что такое анархия»

Докладчиков было четверо: Вадим Дамье, Петр Рябов, Ольга Мирясова и Влад Тупикин. Мне повезло побывать на всех лекциях и это стало для меня одним из самых ярких событий этого лета. Не могу не поделиться здесь

своими впечатлениями.

Рассмотрим лекции каждого из докладчиков отдельно:

21 июля, Вадим Дамье

Доктор исторических наук, профессор Высшей школы экономики. Анархо-синдикалист. Активист и теоретик. Автор ряда книг об истории анархизма.

Логично, что цикл лекций был начат с доклада, в фокусе которого была история анархизма как мировоззрения, философии и движения. Лекция охватывала временной промежуток от зарождения самой идеи и появления соответствующего термина, до наших дней. Затронута так же была проблематика советского строя, экологический аспект, социальная безопасность, а так же вопрос преступлений и наказаний в гипотетическом анархическом обществе. Отдельное внимание было уделено историям некоторых коммун.

Был представлен не только исторический экскурс, но и попытка с личной точки зрения дать ответы на вопросы, мнения на которые в анархической среде либо мало озвучиваются, либо сильно поляризованы.

Не обойден стороной был и вопрос либертарной экономики, докладчик высказал свое мнение о том, что гипотетическая либертарная экономика, при том что будет более щадящей в отношении трудящихся и экологии, будет в целом менее эффективна, чем современная экономика. Та же точка зрения была озвучена и по части технологии принятия решений, которое было представлено как порой долгий, затяжной процесс, ведущий периодически к дроблению коммун.

Большой зал библиотеки Достоевского был, можно сказать, «битком», свободных мест почти не было.

22 июля, Петр Рябов

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии МПГУ. Философ, историк, участник «Автономного действия». Автор многих научных работ о теории анархизма.

Так как об истории анархизма в первой лекции цикла было сказано много, то лекция второго докладчика была сфокусирована на том, что такое анархизм с точки зрения философии и что он значит для индивидуума как такового. Немаловажным аспектом лекции была чувственная, эмоциональная, сторона вопроса личности в социуме, которая была логическим продолжением философских тезисов.

С точки зрения истории, однако, было уделено внимание анархистскому движению в позднем СССР, в 90-е и «нулевые» годы в России.

Тот, кто ранее бывал на лекциях Петра Рябова, смотрел или слушал их в интернете, читал его статьи, тот мог услышать множество тезисов, которые уже фигурировали в прошлом, однако они не воспринимались в данном случае как повторение, но скорее как напоминание об их устойчивости и актуальности.

Коротко была затронута тема анархизма и технологий, негативного их влияния на современную личность и новое поколение людей. Докладчик в целом обозначил свой легкий уклон в сторону примитивизма и посоветовал обратиться к его статье «Не спешите попасться в эту сеть», которая, к слову, является пощечиной всем технократам-социалистам. Пощечину видимо почувствовал и микрофон, который в этот день отказался работать.

Лекции Петра Рябова притягательны не только своим содержанием, но и легкостью, доступностью подачи; интерес к происходящему не угасал до самого конца. В этот раз манера подачи Петра «притянула» столько людей, насколько изначально не рассчитан был большой зал библиотеки, так что опоздавшие довольствовались уютными местами на подоконниках.

23 июля. Ольга Мирясова

Социолог. Сотрудник Института социологии Российской академии наук. Эксперт общественной организации «Институт “Коллективное действие”». Участник «Автономного действия». Один из авторов книги «От обывателей к активистам» и ряда научных статей.

Лекцию Ольги Мирясовой можно было бы назвать «Практика социального активизма для чайников. Техническое руководство». Лекция от практика, что называется «hands-on», по стилю изложения напоминала лекции небезызвестного «Укропа».

Что такое социальный активизм, забастовки, акции, как работать с людьми, как их организовать, как в целом работает коллектив, с какими проблемами чаще всего сталкиваются социальные активисты. Все что вы хотели знать, но боялись спросить.

Явка была не очень высокой, зал был заполнен примерно на 70%.

24 июля, Влад Тупикин

Журналист и политический активист. Редактор газеты «Воля».

Влад в самом начале лекции честно признался, что не знает, о чем именно ему говорить, поэтому вся лекция была проведена в непринужденной манере живой импровизации.

До него сказано было многое про историю, философию и практику анархизма, поэтому логично, что завершающая лекция была похожа скорее на крайне непринужденный монолог Влада, на какой-нибудь кухне, обо всем, что касается анархизма, и в этом формате она слушалась гармонично для тех, кто побывал на предыдущих лекциях, по крайней мере не повторяла предыдущих ораторов. Здесь были замешаны в одной кастрюле история, философия

и практика анархизма, исторические вехи и личности.

Сухой остаток

Освежающим был сам формат мероприятий, большой и «дышащий» зал в центре, открытый для глаз всех прохожих взамен мрачных подвалов и промышленных зон на окраинах. Отдельно хочется упомянуть громадные окна в библиотеке Достоевского, через которые прохожие могли видеть все происходящее внутри, всю пестро выглядящую публику, все эти возвышающиеся разноцветные ирокезы на контрасте с рядом сидящими хипстерами и паиньками... и происходящее вызывало у многих живой интерес — как все эти люди вдруг оказались в одном помещении и что их собрало? Может там раздают что-то бесплатно?

После лекций осталось желание получить «добавки». Будем надеяться и прилагать усилия, чтобы эти мероприятия проходили регулярно. Высокая явка дала понять — такие мероприятия нужны и востребованы.

Все лекции (кроме, почему-то, Ольги Мирясовой) доступны на Youtube-канале библиотеки.

Зайка Серенький

КУЛЬТУРА

Киногид анархиста #1

Теорема zero (The Zero Theorem, 2013)

В этом году в прокат вышел очередной фильм Терри Гиллиама, автора и режиссера такой классики кинематографа, как «Двенадцать обезьян», «Бразилия», «Страх и ненависть в Лас-Вегасе» и «Страна приливов».

Фильм «Теорема zero» погружает нас в мир будущего, похожий на мир фильма «Бразилия», эстетики киберпанка и стимпанка соединены в нем в соотношении 50/50, и если будущее в поп-культуре обычно изображено чем-то органичным, удобным, где люди ловко манипулируют голограммами вместо экрана мониторов, одежда сама себя стирает, а дом разговаривает с тобой, то будущее по версии Гиллиама неуклюже, неловко, неудобно, там постоянно что-то не работает, «накрывается», люди спотыкаются о провода, искусственный интеллект тупит, а технологии ставят людей в неловкую ситуацию, выглядит более реалистично, если судить по сегодняшнему дню, не так ли?

Главный герой фильма — программист, а точнее специалист по математическим «сущностям», Коэн, человек глубоко и фанатично верующий, но не в господя бога как такового, а в телефонный звонок, который должен прозвонить однажды в его квартире, а дальше голос в трубке должен поведать ему всю тайну бытия и смысл его жизни. Он уже испытывал это чувство, ему позвонили когда-то давно и он испытал божественное откровение, но от волнения уронил трубку и звонок прервался. С тех пор вся его жизнь сводится к ожиданию того самого звонка и затворничеству. Фанатично желая узнать свое предназначение, он фактически отказывается от какого-либо предназначения. Параллель с реальной религией усиливает тот факт, что Коэн живет в здании полусгоревшей церкви, которое он купил по дешевке и где теперь заточен в ожидании Звонка, а камера слежения за ним, поставлен-

ная его работодателями, вмонтирована в распятие.

Все меняется, когда в обмен на возможность работать из дома ему предлагают разгадать математическую загадку и доказать теорему zero, по которой все сущее — есть результат случайности и хаоса, с хаоса все началось и хаосом все закончится, когда вселенная сожмется до бесконечно малого объекта и превратится в ничто.

Не желая выходить из дома, из страха пропустить звонок, Коэн соглашается, не зная сути теоремы, не зная того, что теорема ломает его крошечный, но упорядоченный внутренний мир, святую веру в порядок происхождения всего сущего и в тот самый Звонок, который все разложит по полочкам.

Корпорация, на которую он работает, — информационный гигант, создающий виртуальную реальность, иллюзию хорошей жизни. По сути, корпорация делает капитал из своей работы — работы по превращению хаоса в порядок. Наткнувшись на теорему zero, глава компании понимает, что хаос — это сырье, а теорема zero — золотая жила.

Фильм жонглирует понятиями порядка и хаоса, периодически меняя их местами, предлагает посмотреть на результат таких подмен, рассуждает на тему одиночества, телесного и нетелесного существования, реального и нереального. Это отличный фильм с отличной художественной стилистикой, с несколькими уровнями смысла. Фильм сначала может показаться лишь анти-религиозной анти-утопией, но стоит дать ему шанс — и он откроет дополнительные измерения, припрятанные под ковром для более вьедливых... пользователей.

За это фильм получает 8,5 порванных гофрированных трубок из 10.

Киногид анархиста #2

Источник (The Fountainhead, 1949) / Выбор героя (2012)

В этот раз анархист желает обозреть сразу два творения, ввиду того, что ноги у них растут из одного места: американский фильм «Источник» и отечественный спектакль «Выбор героя», который можно было увидеть в прошлом году на сцене «Политеатра». Оба эти произведения базируются на известном, культовом в среде либертарианцев, романе писательницы Айн Рэнд «Источник».

Чтобы лучше понимать эти два произведения, необходимо уделить немного внимания персоне самой Айн Рэнд. Писательница родилась в 1905 году в Санкт-Петербурге, от рождения Алиса Зиновьевна Розенбаум. Вскоре после рождения ее отец стал сначала управляющим, а потом и единоличным владельцем аптеки на Невском проспекте, но в 1917 году собственность ее отца была конфискована большевиками, а семья переехала в Крым. Училась в Петроградском университете по специальности «социальная педагогика», где познакомилась с идеями Фридриха Ницше, который оказал на нее большое влияние.

Наконец, в 1926 году, получив визу в США, переезжает в Чикаго. Первый крупный роман — «Мы живые», о жизни лишенцев в СССР, — выходит в 1936 году, был встречен холодно как критикой, так и публикой. Один из персонажей романа — Лео Ковалевский — был вдохновлен ее первым возлюбленным — Львом Беккерманом, которого расстреляют позже, в мае 1937 года, а ее родители погибли во время блокады Ленинграда.

Сам роман будет без разрешения писательницы экранизован в Италии с подачи режима Муссолини, т.к. режим решил использовать в своих целях ее критику советского коммунизма.

«Источник» выходит в 1943 году, а экранизация романа — в 1949. После источника последовал последний художественный роман «Атлант расправил плечи», а после него она

будет писать труды скорее философского толка, где будет отстаивать свое либертарианское мировоззрение и восхвалять капитализм. А теперь к фильму, по коням!

Источник

«No Man Takes What's Mine» — никто не заберет то, что принадлежит мне, таков был лозунг фильма в прокате. Прообраз главного героя, Говарда Рорка, в фильме — очевидно, сама Айн Рэнд, работающая статистом, перебивающаяся случайными заработками, первые сценарии которой Голливуд отвергает, и лишь после многих лет тяжелой работы она находит признание публики, и писательская деятельность для нее становится основным заработком. Все это повторяет в других декорациях главный герой фильма: сначала непризнанный архитектор, потом работник каменоломни и, наконец, снова архитектор, но на этот раз успешный.

Говард — принципиальный противник традиционных решений в архитектуре, его современные решения находятся в авангарде на рынке архитектурных проектов, общество не принимает его работ. В конце концов Говард разочаровывается, но остается несломленным в своих намерениях, в желании продолжать конфронтацию с обществом и реализовывать свой творческий потенциал именно так, как он считает нужным.

Чтобы свести концы с концами, он идет работать на каменоломню, которой заправляет дочь хозяина Доминик Франкон в то время, пока ее отец в отъезде. Так происходит их первое знакомство, они влюбляются друг в друга, но им мешает социальное неравенство, принадлежность к разным классам гложет Доминик, Говард замечает это и без лишних слов возвращается в Нью-Йорк, где предпринимает попытку возродить свою карьеру, и медленно, но верно ему это удастся. От магазина к фабрике, от фабрики к жилому дому — его работы теперь занимают определенную нишу на рынке.

Успехи его архитектурных проектов встают поперек горла могущественному олигарху и владельцу городской газеты мистеру Уайнанду, еще и влюбленному в Доминик, тот решает похоронить карьеру Говарда, напечатав серию разгромных статей о его новом проекте и модернизме в архитектуре, однако здание по его проекту все же заканчивают, и оно имеет большой успех. Второй раз Говард и Доминик встречаются на вечеринке в честь его открытия и влюбляются друг в друга еще сильнее. Не желающая подчиняться никому, нигилистка Доминик страшится своих чувств, опасаясь привязанности и зависимости. Чувства между ними в фильме представляются как борьба, где победить должен более сильный противник. Для Говарда победа — отношения с Доминик, для Доминик — их отсутствие, возможность не любить Говарда.

В конце концов побеждает железо-бетонный стержень Говарда, они воссоединяются с Доминик, мистер Уайнанд кончается жизнь самоубийством под влиянием индивидуалистических подвигов Говарда и осознав свою ничтожность в желании постоянно удовлетворять толпу. Индивидуализм торжествует. Хэппи энд.

В фильме, уничтожающем массовость, коллективизм и пестующий талант, нигилизм и железную волю, в целом остается слишком много вопросов без ответа, как и в самой концепции либертарианства, которую породила фигура Айн Рэнд, сама того не желая и неоднократно критиковавшая своих последователей в неправомерности методов и незнании философии, крыла на чем свет стоит американскую партию либертарианцев.

Понятно, что крупный капиталист, владелец нескольких крупных фирм, мистер Уайнанд в фильме — антагонист, его богатство держится на потакании желаниям толпы. Если один из них покончил с собой в фильме, то что нам делать с остальными? Они тоже должны пустить себе пулю в лоб, когда узнают о существовании волевых и творческих людей в нашем обществе, не желающих играть по их правилам?

Говард — человек с железным стержнем и именно он приводит его к успеху, но неужели всем по умолчанию нужно иметь таковой, чтобы добиться чего-то в жизни?

В условиях капитализма финансовая система достает из людей их самые худшие черты: жадность, зависть, услужливость и прочее. Это не секрет для самой Айн Рэнд, и сценарий фильма тоже об этом осведомлен и красноречиво показывает нам это так, будто это антикапитали-

стическая пропаганда, но что предлагает нам фильм в качестве инструмента борьбы — философию как универсальный рецепт, она должна научить нас вести себя правильно в условиях рынка. Ницше, сама Айн Рэнд и другие философы, засунутые коленом в глотки учеников средней школы, должны научить нас лучше плевать против ветра, чтобы слюна не попадала на костюм. Это не в первый раз, когда мне пришлось слышать о философии как о решении всех бед от анархо-капиталиста или либертарианца. По их теории, все, кто не разбирается в этой науке, просто используют капитализм неправильно. Я совсем не противник философии, но вроде как этот фильм должен быть противником коллективизма, и странно, что он предлагает универсальную обязанность как панацею для общества.

Печальный сухой остаток: все должны быть железными, принципиальными и умными, а корпорации сами по себе куда-то денутся со временем под натиском железного нигилизма. Доминик в фильме не терпит никаких попыток командовать ею, но сама при этом ловко раздает указания на каменоломне своего отца. Что одним можно — другим нельзя.

Эта разрозненная идейная эклектика дополняется характерным приемом Айн Рэнд, за который ее не критиковал только ленивый, — персонажи двумерны, они похожи на большие картонные вырезки, никакого второго дна, задних мыслей и вообще чего-либо интересного. Имея такой сценарий, актеры следуют ему, им не остается ничего другого. Как результат, в кадре мы имеем ходячих роботов-автоответчиков, чувства и фразы которых схематичны, даже сцены на подтексте, как например, когда Доминик специально ломает камин своего отца, чтобы Говард пришел его чинить, и далее разворачивающийся диалог о качестве мрамора. Такие сцены выглядят странно и не пробуждают никакого чувства, будто герои говорят не о своих тайных желаниях, используя мрамор как метафору, а о мешках с картошкой.

И все это было бы не так интересно, если бы речь шла о голливудском боевике, но в данном случае это дает нам лучше понять личность и ход мыслей самой писательницы и сценариста. Очевидно, что в этой «плоскоте» кроется ключ к разгадке логики ее мышления.

В конечном итоге фильм стоит посмотреть, это классика американского кинематографа, он не безынтересен и там есть над чем подумать. Со многими утверждениями, если не брать в расчет решения, которые предлагает автор,

нельзя не согласиться. Да и в целом есть на что посмотреть, взять хотя бы ту же архитектуру.

Фильм получает 6 скомканных архитектурных проектов в стиле модерн из 10.

Выбор героя

Спектакль «Выбор героя» шел в Москве в Политеатре сразу после «событий на Болотной» и был, что называется, на злобу дня. По сути, спектакль является адаптированной версией фильма, подогнанной под наши реалии. Вместо архитектора — молодой режиссер, вместо архаично мыслящих глав корпораций — московские чиновники, вместо общественного мнения — суд присяжных.

Российский фонд поддержки кинематографа не дает молодому режиссеру снять то кино, которое он задумал. По его задумке, архитектор выигрывает конкурс на лучший проект по реконструкции Красной площади, которая подразумевает, в частности, демонтаж работ руки Зураба Церетелли (давно пора), однако чиновники настаивают на внесении изменений в план, на которые герой не соглашается и сжигает проект в мусорном баке рядом с Кремлем, однако фонд поддержки кинематографа предлагает другой конец: герой добивается встречи с главой государства и тот отдает необходимые распоряжения, после чего возникает хэппи энд. На такой вариант режиссер не соглашается и сжигает единственную копию фильма в мусорном баке... Не запутались?

Действия спектакля разворачиваются в зале суда, а вся история — это продукт воспоминаний героев, которые они рассказывают во время дачи показаний.

Спектакль интересный и наполнен живым и актуальным юмором, представляющим российских чиновников и в целом систему законодательной, судебной и исполнительной власти в комичном, сатирическом, действительно забавном свете. Местами наивно и довольно упрощенно, но тем не менее реалистично и смешно. Основные герои переключались из фильма: железный нигилист, его девушка (здесь ее роль задвинута глубже на второй план), бывший однокурсник-карьерист, злодей и общество в слегка других обликах.

В целом спектакль гораздо более живой и красивый, нежели фильм, работа художников выше всяких похвал, да и современные технологии постарались. Переходы между сценами

— настоящая феерия, напоминающая чей-то сон, а одна и та же декорация выглядит по-разному за счет видео-проекции, придающей ей нужную текстуру. Я тогда работал в театре осветителем и знаю, насколько тяжело было для всех подготовить спектакль к показу. Каждый раз, когда нам в последний момент удавалось все сделать и показать его зрителю, часть меня умирала... но это была стоящая жертва.

К недостаткам можно отнести то, что в фильме показана история главных персонажей: в кадре, как уже было сказано, они ведут себя плоско, однако зритель понимает, почему и откуда взялся этот стальной стержень в личности Говарда Рорка и другие отличительные черты персонажей; в то же время спектакль бросает нас в пучину событий, не давая опомниться, мы не понимаем, почему те или иные персонажи такие, в результате кажется подчас, что люди на сцене ведут себя неадекватно, в особенности это касается главного героя, который «такой, потому что он такой».

Хотя спектакль вторичен относительно фильма и третичен относительно книги, он гораздо интереснее фильма, красивее, с уместной сатирой, а персонажи сыграны богатыми на детали и живыми, за исключением «отмороженного» главного героя — вот уж точно персонаж Айн Рэнд.

Если вам когда-нибудь предоставится возможность увидеть этот спектакль вживую (Политеатр закрылся в связи с ремонтом в Политехническом музее) или вы наткнетесь на видеозапись, то обязательно посмотрите — это удивительное зрелище, пусть даже немного вторичное и местами наивное.

Переосмысленный Источник в сеттинге российской антиутопии получает 8 копий кинофильма, сожженных в мусорном баке на фоне кремлевской стены, из 10.

Зайка Серенький

КАРПОВ

Короткие кинорецензии

Сериал «Карпов», 2012-2014

В анархистской среде «Карпов» известен из-за своеобразного пересказа в одной из серий истории с «нападением на администрацию Химок». Так как сериал совсем свежий, в «Карпове» много отсылок к современным событиям и персонажам. Там есть актеры, воспроизводящие образы и Евгении Чириковой, и Алексея Навального, например.

Постоянный автор «Автонома» Ильяс Фалькаев рассказал мне, что посмотрел все серии «Карпова», я удивился, начал смотреть — и втянулся. Из почти сотни серий я просмотрел уже более сорока — и, боюсь, это не предел.

В сериале подполковник полиции Станислав Карпов изображает майора Дениса Евсюкова, в психозе расстрелявшего людей в московском супермаркете. В жизни Евсюков был признан вменяемым и получил пожизненное заключение, а в сериале Карпова отправили в психушку, выпустили через пару лет, и вскоре Карпов снова стал ловить преступников.

Сложно сказать, насколько случайно, но сериальный Карпов очень похож на настоящего оперативника центра «Э» Алексея Окопного.

Несмотря на такой нереальный сюжет, сериал цепляет именно реальностью изображенных в нем ментов. Один ментовской начальник среднего уровня крышует автоугонщиков, у другого — собственный бордель, третий начальник копов — клиент VIP-борделя, где можно издеваться над проститутками, бывший генерал полиции — крутой мафиози с политическими амбициями, менты норовят найти бизнес для крышевания... Основной метод расследования преступлений — избить даже не подозреваемого, а потенциального свидетеля до полу-смерти. Нахрапистая агрессия, попытка подавить твою волю — так опера общаются с

гражданскими в «Карпове», и именно это я видел на допросах, которым имел неудовольствие подвергаться.

«Деточки», 2012

Сюжет «Деточек» — группа детдомовцев-подростков по-своему начинает бороться за справедливость. Они читают об избежавших наказания негодях в Интернете, находят и убивают их. Наркодилера, богачей-педофилов, чиновника, избежавшего ответственность за сбитых на дороге детей и т.п.

Сцены убийств, совершаемых ножами маленькими детьми, — легкий способ накалить страсти у зрителя. По версии режиссера, детдомовцы-каратели оказываются адекватной карающей инстанцией, ибо полиция не в состоянии это сделать. Подростков поддерживает общество в целом.

Заставляет задуматься над образом подростков-убийц. С одинаковой вероятностью в нем можно найти что черты «Педофиля» и БОРНа, что антифы и «Черного блога».

«Ярость», 2014

Качественный боевичок-стрелялка о Второй мировой войне, сделанный по голливудским канонам. Один пафос Бреда Питта делает фильм достойным, но и весь остальной коллектив киноленты не подкачал. Фильм снят в США, и это чувствуется: война не побывала у американцев дома, у них к ней меньше пиетета, и они могут снимать фильм о положительных воинах-освободителях, при этом не чураящихся расстрелов безоружных пленных и немецких детей — если они с оружием, и изнасилованиями немецких девушек.

Валерий Листьев

Афинская антифашистская лига: футбол против капитализма и расизма

Афины многим известны как центр европейского протеста, где антифашисты и анархисты являются серьезной политической силой. Да и само слово «анархия» имеет греческое происхождение. В Греции также очень популярен футбол и там сформировались многие фанатские группы, поддерживающие антифашистские идеи. Здесь речь пойдет об одном из проектов левого движения Афин, направленного на формирование новой футбольной культуры без влияния националистов и крупного капитала.

- Как давно сформировался ваш проект? Что из себя представляет Антифа Лига Афин?

- Антифа Лига Афин была создана в качестве спортивного и политического движения в конце 2012 года маленькой группой людей, представителей широкого антиавторитарного и анархистского движения, которые любили спорт и футбол в особенности. В итоге мы разработали концепцию футбольной лиги (полный сезон) с антифашистской составляющей. Турнир проходит в разных районах города Афины в зависимости от тура. Изначально главной целью создания лиги было распространение антифашистских идей и инициатив в обществе посредством спорта и развлечений.

- Участвуют ли в Антифа лиге девушки и боретесь ли вы с дискриминацией по половому признаку?

- Сексизм не имеет отношения к нашей идеологии. Конечно, женщины могут играть в Антифа лиге, но, к сожалению, до сих пор они мало участвовали. Футбол не так популярен как женский вид спорта. Мы надеемся, что сможем изменить это.

- Сотрудничаете ли вы с какими-нибудь профессиональными футбольными командами? Быть может, с Астерас Эксархия, как с идеологически близким к вам проектом?

- Астерас Эксархия — это непрофессиональная команда. Мы пригласили Астерас один раз в плей-офф в прошлом году в конце сезона для игры в качестве приглашенной команды. Также мы приглашали Автономный клуб из города Патры.

Мы против современного футбола, поэтому любой чиновник от футбола или представители руководства футбольных клубов здесь не приветствуются. Соответственно, мы не собираемся сотрудничать с профессиональными командами. Единственный контакт, что у нас был, — это фанаты-антифашисты Панатинаикоса. Сотрудничество с ними было возможно, так как они были заинтересованы в организации первого раунда плей-офф Антифа лиги в прошлом году. Общей платформой для сотрудничества было продвижение антифашистских идей в обществе, а не футбольного клуба Панатинаикос.

- Насколько в вашем городе популярен футбол как вид спорта?

- Нам нравится наш город, но мы любим его, когда он объят огнем! В Афинах есть давние футбольные традиции, эта игра здесь популярна в любом возрасте. Но, к сожалению, это не так часто распространяется на улицы, скверы и парки.

- Какая у вас политическая платформа?

- Мы все антифашисты, антиавторитаристы и анархисты.

- Каким образом осуществляется финансирование Лиги?

- Это самоуправляемая лига, поэтому ее финансирование мы осуществляем из собственных карманов. На каждом матче стоит ящик для пожертвований. Те, кому нравится наш проект, могут поддержать нас экономически. Когда у нас появляется больше денег, чем нам нужно для функционирования лиги, мы обсуждаем и решаем, куда пойдут дополнительные деньги.

- Как вы относитесь к коммерциализации спорта? Коснулся ли экономический кризис футбольной индустрии в Греции?

- Нам все равно, если прогнившая система греческого футбола будет раздавлена экономическим кризисом. С другой стороны, мы не можем игнорировать тот факт, что даже при жестком экономическом кризисе, где люди не имеют элементарных средств к выживанию, все еще существуют богатые бизнесмены, владеющие крупнейшими профессиональными футбольными командами. Мы боремся за то, чтобы построить новую социальную систему на развалинах существующей и вместе с тем создать новый футбол, который не будет иметь ничего общего с сегодняшним футболом.

- Есть ли в Греции боевые группировки неонацистов и случались ли у вас столкновения с ними?

- Есть небольшие группы фанатов-нацистов, но они не представляют серьезной силы и не могут создать нам какие-либо проблемы или атаковать. Редко бывали фашистские провокации, особенно после игры национальной сборной.

- Что вы можете сказать о греческой фанатской сцене? Какие взгляды для нее характерны?

- В Греции есть множество боевых хулиганов и вообще много насилия за пределами стадионов с участием различных фанатов профессиональных команд, которое нередко выливается в убийства. Для нас же врагом являются не цвета, символика и флаги каких-либо команд, а государство и капитализм. Мы уверены, что государство имеет определенную выгоду от такого рода хулиганства и этого специфического вида насилия между фанатами. Оно контролирует и манипулирует ярость низших слоев населения, отвлекает людей от реальных проблем, вызванных этим государством. Таким образом оно убеждает людей в необходимости полицейского насилия для охраны правопорядка. На стадионах здесь вы можете найти левых и правых фанатов, фашистов и антифашистов.

Как вы знаете, фашистские идеи процветают в Греции в последние годы в связи с экономическим кризисом, в том числе и на футбольных полях. Несмотря на то, что для большинства футбольных клубов характерна аполитичность, в последнее время появляется все больше антифашистских и радикальных баннеров на матчах.

- Были ли у вас проблемы с властями из-за того, что ваш проект является независимым от государства?

- В стране усиливаются репрессии. Полиция все чаще применяет силу в отношении футбольных фанатов. Мы не просим у них разрешение на использование чего-либо, так как считаем, что все уже принадлежит народу. Мы руководствуемся лозунгом «возьми жизнь в свои руки».

- Сотрудничаете ли вы с проектом Radical Fans United, который объединяет фанатов-антифашистов?

- У нас нет с ними сотрудничества. У нас несколько другая концепция без взаимодействия с ультрас. При этом RFU мы рассматриваем как прогрессивный проект и время от времени они размещают материалы об Антифа Лиге на своем сайте.

- Есть ли у вас какие-то взносы со стороны команд на поддержание лиги?

- Нет, не требуется никаких взносов, чтобы присоединиться к нам. Мы не арендуем поля, а играем на общедоступных площадках. Мы возвращаем себе городское пространство и вдыхаем новую жизнь в окраины и районы Афин.

- Взаимодействуете ли вы с другими социальными проектами?

- Иногда мы организуем какие-нибудь туры Антифа Лиги совместно с антифашистскими организациями, сквотами и социальными центрами. Каждая участвующая команда отвечает за организацию одного игрового дня в их районе и дополнительно к этому команда может организовать различные антикапиталистические, антисистемные, антифашистские или просто развлекательные мероприятия в день матча. Всегда есть музыка, которая играет без перерыва в течение дня, листовки и тексты политического содержания, которые раздают посетителям лиги. Также параллельно может быть организована коллективная кухня, фримаркет, воркшопы по граффити и трафаретам, живая музыка и все остальное, что принимающая команда может себе позволить. Но всегда присутствует стол с апельсинами и фруктовыми соками.

- Каков регламент проведения турнира? Сколько команд у вас участвует и какой процесс регистрации новых участников?

- Антифа Лига проводится полный сезон как чемпионат (каждая команда играет по одному разу с другими, 3 очка за победу, 1 за ничью и 0 за поражение). Это не кубковый турнир, где идут матчи на выбывание в течение нескольких дней.

Борьба против фашизма является наиболее важным призом для нас.

Даже несмотря на то, что команды имеют множество идей о возможных призах, сама идея приза является для нас объектом шуток.

В первом сезоне принимали участие 9 команд, таким образом, было 9 игровых дней (по 4 игры в каждый день и одна из команд пропускала тур). В конце сезона у нас есть плей-офф в течение еще дополнительных двух дней. Плей-офф проходил в виде двух раундов в течение двух дней. Первый раунд — 4 матча (первая команда по итогам чемпионата против восьмой, вторая против седьмой, третья против шестой, четвертая против пятой). Победитель попадал во второй раунд — полуфинал и финал.

В этом году в Антифа Лиге участвуют 13 команд. Сезон только начинается, сейчас у нас должен пройти 6 тур. В районе Эгалео 9 марта команда Сапатеро Юнайтед будет проводить у себя в районе игровой день.

Команды, которые заинтересованы в участии в Антифа лиге, должны зарегистрироваться по электронной почте в течение одного месяца до начала чемпионата. После этого проходит собрание с зарегистрированными командами в целях подтверждения их участия и чтобы убедиться в том, что все команды будут участвовать в проекте со всей ответственностью и серьезностью до конца сезона и что они согласны с принципами и философией лиги.

- Есть ли в вашей лиге какой-либо приз, вручаемый по итогам чемпионата?

- В Антифа Лиге мы убеждены в одном: конкуренции нет места в нашем чемпионате и нам действительно не нравятся блестящие и дорогие призы. Призом для всех участников является участие в совместной деятельности во время игр, информирование общества и распространение наших идей и либертарных отношений, которые возникают в рамках спортивного сотрудничества и приносят нам радость. Борьба против фашизма является наиболее важным призом для нас. Даже несмотря на то, что команды имеют множество идей о возможных призах, сама идея приза является

для нас объектом шуток. В прошлом году призом был баннер нашей лиги.

Лига была создана в качестве эксперимента и стала довольно успешной. Команды вместе с болельщиками приняли и поддержали концепцию Антифа Лиги.

- Есть ли в других городах Греции подобные проекты?

- Нет такого понятия, как Антифа лига, в других городах и вообще в другом месте в мире, насколько мы знаем. Есть антифашистские кубковые турниры в других греческих городах, но проходят в течение максимум двух дней.

- Какое у вас отношение к употреблению алкоголя и марихуаны?

- Мы не против алкоголя и марихуаны, но мы против их чрезмерного потребления. Мы решили, что не следует употреблять никакого алкоголя во время матчей, только свежий апельсиновый сок. В этом есть некий символизм. Мы считаем, что нет смысла употреблять алкоголь до полудня и в то же время пытаться продвигать спорт в районах Афин, которые полны детей. В остальном, каждый участвующий в нашем проекте волен делать то, что она/он пожелает.

- Как вы относитесь к убийству Павлоса Фиссаса?

- Мы писали по этому поводу свое заявление. Оно приведено ниже.

«Дави фашизм везде и в каждом районе

Павлос Фиссас — Killah-P — был убит кровавыми боевиками Золотой зари при соучастии греческих полицейских в среду 18 сентября 2013 года, какое-то время убийцы действовали без каких-либо препятствий со стороны полиции. Павлос стал жертвой, как враг нацистов, из-за своих высказываний в песнях и личного отношения к фашизму.

Фашистские акции состоят из раздачи еды только для греков и глупых пиар-трюков, в то же время фашистские акции включают избиения, нападения с применением холодного оружия и убийства иммигрантов, нападения на рабочих и общественных активистов. Они нападают на тех, кто отличается от них, на тех, кто выступает против бедности и жестокости капитализма, на социальные центры и освобожденные пространства вроде сквотов и автономных заведений. Они делают это совместно с официальной властью в целях подавления всех противников системы.

Фашисты идут рука об руку с официальной властью, в этих отношениях фашисты выставляют свою крайне правую программу

там, где государство не способно ее осуществить.

Концентрационных лагерей, тюремных заключений, пыток и избиений в центрах депортации мигрантов, уничтожения социальных и трудовых прав еще не достаточно для официальной власти. Неонацисты существуют в качестве инструмента государства, они необходимы для того, чтобы всадить нож еще глубже до полной бедности и тотального порабощения местному и международному капиталу. Это становится ясно каждый раз, когда государство не в состоянии поработить и контролировать людей, Золотая заря располагается у самых основ государственных механизмов и делает всю грязную работу.

Теперь, после политического убийства Павлоса Фиссаса, первой реакцией правительственных и государственных механизмов стали попытки уменьшить власть их фашистских соратников, а также манипулировать и скрывать правду от своих избирателей. На этот раз государство решило использовать Золотую зарю для того, чтобы ослабить антифашистское движения и в то же время контролировать его с помощью средств массовой информации для пропаганды своих интересов, в рамках этой стратегии есть две крайности (фашисты — антифашисты), и все, кто выступает против этой системы, приравниваются к фашистам или террористам.

Целью этого нелепого цирка со стороны власти является публичное и юридическое осуждение любых попыток социального сопротивления. Их главной целью является любым способом защитить интересы капитала.

Но они планируют это без учета нашего мнения. Их атаки будут встречены нами любыми доступными средствами. Мы не собираемся отдавать нашу жизнь ради их антигуманной стратегии. Наше оружие — самоорганизация, солидарность и наша страсть к свободе и равенству. Мы не будем прекращать борьбу, пока не исчезнут все капиталистические и государственные механизмы.

Мы не забудем и не простим

Боевой антифашизм везде и всегда»

- Координируете ли вы свои действия с антифашистами из других стран?

- Пока нет, но мы бы хотели делать это.

- Как осуществляется управление Антифа Лигой?

- Управление Лигой осуществляется посредством общих дискуссий и бесед, основано на горизонтальной структуре и отсутствии иерархии. Диалог между людьми здесь является основным инструментом организации.

- Как люди узнают о существовании Антифа Лиги? Как вы распространяете информацию о себе?

- Прежде всего, у нас есть свой блог в интернете (<http://antifaleague.espivblogs.net/>).

Также к каждой игре мы делаем плакаты и расклеиваем их по городу. В интернете информация о нас распространяется в различных блогах и антисистемных социальных медиа-проектах.

- Сколько человек примерно посещает матчи Антифа Лиги?

- Около 150 человек и приходит все больше и больше с каждым разом.

- Сотрудничаете ли вы с какими-либо объединениями мигрантов и национальных меньшинств?

- Нет, мы не сотрудничаем ни с какими организациями, но мы сотрудничаем с беженцами и мигрантами. Более того, в этом году мы имеем честь принимать у себя в Антифа Лиге футбольную команду беженцев африканского происхождения.

- Что вы знаете о российской фанатской сцене?

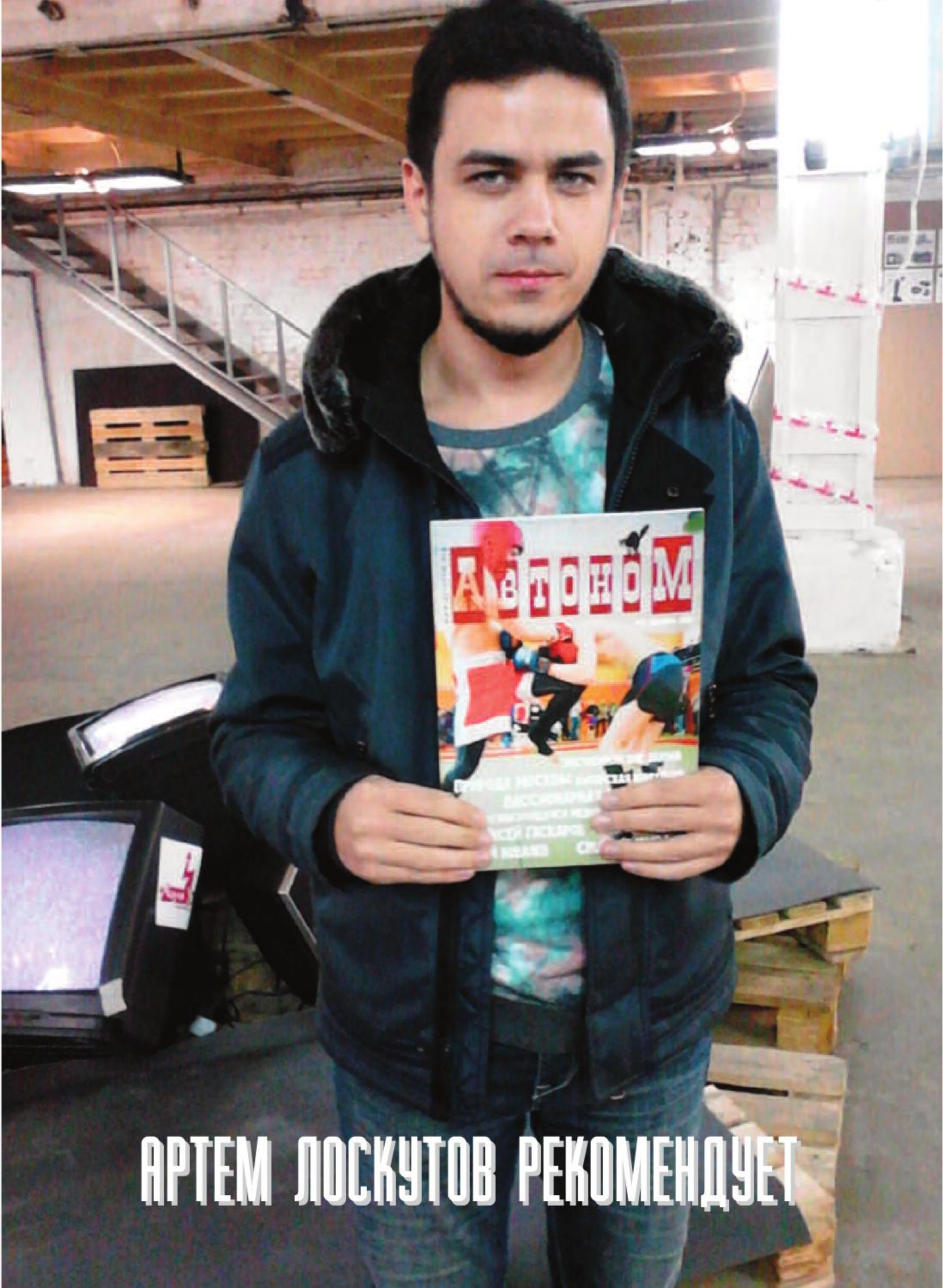
- Мы не так хорошо знакомы с фан-сценой в России, за исключением некоторых поединков между хулиганами. Мы бы хотели узнать больше подробностей о ситуации в России.

- Скажите что-нибудь в завершение.

- Нам нравится, что идея Антифа лиги находит распространение и может быть примером для создания другими людьми подобных проектов, возможно, в глобальном масштабе. Мы бы хотели больше узнать об условиях в вашей стране, насколько фашизм и антифашизм распространены и как это влияет на футбол.

*С наилучшими пожеланиями,
Antifa League Crew*

АРТЕМ ЛОСКУТОВ РЕКОМЕНДУЕТ